

ЛЕГЕНДЫ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

ГЕРОИ ТЬМЫ. ГЕРОИ СВЕТА

ВЛАДИМИР АШИХМИН

18+

Владимир Ашихмин

**Легенды Соединенного
Королевства. Герои
Тьмы Герои Света**

«Автор»

2026

Ашихмин В. И.

Легенды Соединенного Королевства. Герои Тьмы Герои Света /
В. И. Ашихмин — «Автор», 2026

Это третья книга «Легенд», повествующая о мастере–маге Калебе Шаттибрале и его друзьях. Еще не все секреты разгаданы, не все дороги пройдены, а враги побеждены. Куда там! Скучать Калебу еще точно не придется! Продолжение эпической истории о борьбе Добра и Зла, о героизме, самопожертвовании, любви и дружбе уже перед вами! Готовьтесь к сражениям! Готовьтесь к приключениям! Готовьтесь вновь преодолевать препятствия вместе с Калемом! Теперь одного везения для победы будет мало! Но кто сказал, что на этот раз победа вообще возможна? Нет, нет, все совсем не так просто! Мир «Легенд» – это Мир волшебства, ребусов, древних сказаний, мистических и мглистых мест, забавных сказочных существ и темных ритуалов! Спешите насладиться классическим фэнтези в его самом лучшем виде!

© Ашихмин В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Владимир Ашихмин	5
Аннотация	6
Глава 1. Новый День	7
Глава 2. Рожки, хвостик и обаяние	22
Глава 3. Опасные развлечения неуловимого мага	41
Глава 4. Глубоко, глубоко под землей, в древнем городе Гривирдане	57
Глава 5. Застрявшие во времени	72
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Владимир Ашихмин
Легенды Соединенного Королевства.
Герои Тьмы Герои Света

Владимир Ашихмин

Аннотация

Это третья книга «Легенд», повествующая о мастере–маге Калебе Шаттибрале и его друзьях. Еще не все секреты разгаданы, не все дороги пройдены, а враги побеждены. Куда там! Скучать Калебу еще точно не придется! Продолжение эпической истории о борьбе Добра и Зла, о героизме, самопожертвовании, любви и дружбе уже перед вами! Готовьтесь к сражениям! Готовьтесь к приключениям! Готовьтесь вновь преодолевать препятствия вместе с Калемом! Теперь одного везения для победы будет мало! Но кто сказал, что на этот раз победа вообще возможна? Нет, нет, все совсем не так просто! Мир «Легенд» – это Мир волшебства, ребусов, древних сказаний, мистических и мглистых мест, забавных сказочных существ и темных ритуалов! Спешите насладиться классическим фэнтези в его самом лучшем виде!

«... – Мы отправляемся вперед! – воскликнул Рыжая Колючка.

– Дорогой, что сердца зовет! – подхватила Весенний Шторм.

– Туда, где приключение ждет! – провозгласил Толковая Каракатица.

– Пускай Вселенная нас поведет! – прогрохотал Комок Нервов.

И все вместе они грянули:

– Грозная Четверка!...»

Посвящается всем тем, кто числит добро, милосердие и любовь своими верными друзьями.

Дорогой читатель, перед тобой третий том «Легенд». Ты вот–вот, вновь, отправишься в путешествие вместе с Калемом. Я желаю вам удачи.

Глава 1. Новый День

Меня зовут Калев Шаттибраль. Я маг и философ. На мою довольно долгую жизнь выпало немало ярких и весьма разнообразных приключений. Впрочем, все они, наверное, не так уж и значительны, если их сравнивать с теми превратностями судьбы, что свалились на мою голову в минувший год. Осенью был убит король Соединенного Королевства Вильгельм Темный, похищен принц Фабиан и Корона Света. Вдова Вильгельма Темного, Констанция Демей, через свою свекровь Элизабет Темную, вызвала меня в столицу для расследования этих ужасных событий. В это же время в Соединенном Королевстве стали возникать порталы, выплескивающие из себя орды отвратительных звероподобных чудищ, именующих себя Десницей Девяносто Девяти Спиц. Тут же грянула и гражданская война за власть. В библиотеке Шальха, я нашел некое Пророчество Полного Круга, данное Урахом – Богом Любви и Добра. Предсказание относилось к последним эпохам человечества и сулило Конец Света – загадочная гибель короля, братоубийство и твари из Бездны были Его ориентирами. Но ключ к спасению, у нас, у людей, тоже был – Сам Урах. Предвидев Судный День, Он заповедовал своим четырем героям – Нолду Темному, Цхеве, Эмириус Клайн и Джду Хартбладу, имеющим с Ним наивысший уровень духовной связи, призвать Его для защиты Мира от Зла.

Выяснив, где вечно спит Эмириус Клайн – пленный Светом вампир, я убедил Констанцию Демей, что она (тогда я думал, что Эмириус – это он) наша единственная надежда устоять перед легионами Десницы Девяносто Девяти Спиц. Королева согласилась с моим планом.

Чуть позже в Эрменгере, на пути к Пику Смерти – чертогу Эмириус Клайн, мне повстречался Таурус Красный Палач. Некий всемогущий монстр Десницы Девяносто Девяти Спиц, он же Первый из Круга Смерти подтвердил все мои догадки. Тьма заполонила землю и... все чуть не обернулось катастрофой. Как оказалось, я стал разменной монетой в хитросплетениях сверхъестественных и чрезвычайно жестоких существ.

То мной манипулировала Эмириус Клайн, водя за нос недомолвками и двусмысленной полуправдой, то Таурус Красный Палач таскал меня за ухо, в нужном ему направлении. Однако в конце концов демон из Десницы Девяносто Девяти Спиц всех обдурил. В Гамбусе – в Мире Начала, он победил всех сосудов-хранителей Ураха (в них ютились аспекты Бога Света) и начал чинить над ними Оскверненное Пророчество Полного Круга, намереваясь так уничтожить Всеотца. Но вышло все несколько иначе. В последний миг, дракон Фарганорф, Старейший Вирм Севера и Искривитель Реальности, пожертвовав собой, через меня и под мою сакральную молитву, импульсом энергии обрушился на сосуды-хранители Яростью Ослепительного Огня. И из «сосудов» явился Урах. И низверг Он Тауруса. В момент творения Пророчества Полного Круга, мощь Света, исходящая из аватара Всеотца, была такой насыщенной и всежигающей, что под его воздействием оплавилась само пространство материи.

В дыру Абсолютной Непроглядности затянуло вначале истошно блеющего Тауруса, а затем и меня. Десница Девяносто Девяти Спиц вскинула белый флаг, ну а я вроде как умер... но как оказалось не окончательно.

Нам хорошо известно, что есть Мир Света – рай Ураха для праведников и Мир Тьмы – гиена Назбраэля для грешников. Но вот Кто решает, куда ты отправишься после кончины? В Мир Тьмы или в Мир Света? Ага, есть такие ребята. Арбитры называются. Они помощники Смерти – загадочной сущности замыкающей на себе круг девяносто девяти Вседержителей. Так вот, один из этих Арбитров, а конкретно, Привратник, издревле пребывающий в Гамбусе, и не дал мне попасть в один из Миров Вседержителей.

В какой-то мере, я благодарен Привратнику, за то, что он вернул меня к жизни, а отчасти – нет. Я не родился в Гамбусе и от того не принадлежал Этому миру. Поэтому Приврат-

ник с чистой совестью (этот парень не прописан в Законах Универсума, так что извиняйте, Назбраэль, и, Урах, я уж с ним сам разберусь) приберег меня для себя. А конкретно для того, чтобы использовать в своей прихоти. Он дал мне незамысловатый выбор – либо принести ему Корону Света, либо умереть (в чем кармашке бултыхалась моя душа вроде как очевидно). Что мне оставалось делать? Я согласился исполнить все, что мне было поручено. Впрочем, меня подстегивало к этому еще и то, что Привратник дал мне четкие указания, как вырваться из Гамбуса.

В Пророчестве Полного Круга, на счастье, уцелел не только я, но и Фарганорф. Если быть точным, то дракон как-то затаился во мне. Я смог отделить его от себя, и вместе мы вернулись на Землю. Следует отметить, что обратно в Килквагу – в замок Джеда Хартблада, Фарганорф перенес меня уже не с одним, но с двумя заданиями Высших Сил. Помимо Привратника, мной стал еще живо интересоваться и Укулукулун Тобольдо – архонт и король Анкарахады, Вседержителя Рифф. В Гамбусе Праматерь решила, что я достоин поучаствовать в Ее Испытании за звание правителя всех пауков, всех Вселенных. Вроде как почетно и бла, бла, бла, однако я, мягко говоря, не слишком этому обрадовался. Укулукулун систематически (не отлынивая) приходил ко мне во сны, и истязал, пытаюсь отобрать Путаницу – шкатулку–вход на Испытание Рифф и Ее План – Анкарахаду.

Между тем, я прибыл в Ильварет, надеясь найти в нем Эмилию и Грешема. Их в городе я не застал, зато узнал, что парам–пам–пам, к нам в гости из Запредельных Ирреальных Далей пожаловал сам Дроторогор Бог–Идол Хрипохора. Разве не прелесть? Война кругом, провинции дерутся за территориальную независимость и новые границы, а тут еще Дроторогор нарисовался. Мда!

На срочном Совете Констанции Демей, мозговым штурмом, мы пришли к выводу, что Бога–Идола все же можно одолеть особым благословенным клинком Филиринилем, который ранее принадлежал принцу эльфов Легии. Не успел я после этого толком поспать, как поступила весть о том, что Магика Элептерум (второе ее название в народе Свихнувшаяся Башня) – магическая академия Шальха, гремит громом и мечет молниями. Вырывающиеся из ее шпиля волшебные вихри обволокли твердыню столицы, таким образом, заточив в ней Элизабет Темную.

Констанция Демей послала меня разобраться с этой проблемой. И не зря. В Шальхе мне открылись истинные мотивы Дроторогора – все та же Корона Света. Но прикарманить ее желал не только Бог–Идол. Еще очень могущественный король–вампир из Вестмарки, Вальгард Флейт так же имел виды на драгоценный венец королей. Если опустить подробности, то в Шальхе под носом у Братства Света благоденствовал, как Хрипохор, так и Вестмарка.

Убив Вильгельма Темного (это сделал околдованный Фабиан своим кинжалом), пособники Мрака поцапались друг с другом за Корону Света и нечаянно разбили ее. У Дроторогора – кусок, и у Флейта кусок. Получается, по куску на товарища. Не шибко хорошо, но поправимо – так, я думаю, рассудил каждый из этих небезызвестных личностей. Владыка Вестмарки и Бог–Идол Хрипохора ведали, что есть такое место, как Тысячелетний Гром – кузнеца Ураха. Если Дроторогор вбил бы там в свой фрагмент короны Тигровый Глаз Вилисивиликса, то он бы возвысился над Флейтом. В свою очередь, если бы Флейт успел вогнать в свой неполный венец Кость Ночи раньше Дроторогора, то положил бы того на лопатки. И Кость Ночи и Тигровый Глаз Вилисивиликса были запечатаны под засовами в Соединенном Королевстве.

Когда Таурус сгинул (кусаться–воевать с Десницей Девяносто Девяти Спиц Богу–Идолу и королю–вампиру было не в жилу), началась гонка – кто быстрее завладеет нужным артефактом. Дроторогор безотлагательно потопал в Новорис, что в Плавене, а Флейт наострил пятки в Гричинг, столицу Вельдза.

Что же до нас? Жалкие людишки этими грозными, древними и исключительно опасными созданиями в расчет приняты не были. Что мы можем? Нас так, шлепнуть мухобойкой да

позабить. Пока Хрипотор и Вестмарка бодро двигались к своим целям, попутно опустошая города и села Соединенного Королевства, я и мои друзья отправились за Филиринилем. Ну, а что? Не сидеть же нам было, попивая облепиховый чай, дожидаясь Старуху с Косой?

Отчаянный поход завел нас в цитадель омороз Ол-То. И это не было случайностью. То подстроил Нолд Темный. Призрачный король Соединенного Королевства (сосуд-хранитель Ураха) уверил меня, что для победы над Огнем и Тьмой одного Филириниля будет, увы, недостаточно. Только Величие Света – космогонический праздник, ознаменовывающий собою Новое тысячелетие, способно изгнать демонов за Двери Вещественного Мира. Однако для того чтобы Величие Света раскрепостило Божественный потенциал Очищения от скверны требовалось учесть строгие правила: «а» – иметь под рукой здравствующего монарха, потомка Харальда и «б» – целую Корону Света. В определенное время (плюс-минус час) «а» должен был надеть на себя «б». Арифметика же, ну! «А» плюс «б» равно «ц». Все по цепочке – это за тем, а то за этим! Раз плюнуть же, ага? Это же, как договориться о совместном ленче с другом и прийти не опаздывая. Чик-чирик и дело в шляпе. Или нет?

Не имею привычки хвастаться, впрочем, продолжу – я одолел Укулукулуна, стал королем Анкарахады и добыл Филириниль, попутно оживив эльфийский город-дерево Тумиль'Инламэ (Зеленое Королевство), а в нем Ураграмму – сердце Самого Ураха. Добавлю, что, когда я возвратился в Ильварет с Филиринилем, у Дроторогора уже был Тигровый Глаз Вилисивиликса, а у Флейта Кость Ночи. Хрипотор обратил пол Плавения в руины, а Вестмарка и того пуше – сделала Гричинг акрополем, а саму провинцию Вельдз вотчиной Тьмы.

На первый взгляд расклад так себе? Есть такое. Однако личный подвиг героев всегда может перевернуть все с ног на голову. Превозмогая страх, тремор и отчаяние, я, Констанция Демей, Серэнити, Зенобий, Аска, Тень, Энейгрид, Халесара Ханц и рыцари-плутеранцы успели подойти к Тысячелетнему Грому в ту самую минуту, когда Флейт и Дроторогор двинули свои рати друг на друга, чтобы выяснить, кому из них быть на Земле Главной Шишкой. Эрцгерцогом Шишек! Императорской Шишкой! Шишкой над всеми Шишками! Каламбурно и не смешно? Согласен. Прободав толщу грызущихся между собой трупов и живорезов, кулак Соединённого Королевства пробился к Флейту и Дроторогору.

Там, сражаясь с трансцендентными и неопишуемыми по силе чудовищами Хрипотора и Вестмарки, мы осознали, что все потеряно.... Ну, вот никак нам не совладать с этими Аспидами. Проще было бы море иссечь розгами, чем побороть зубастого Флейта, пусть даже и с Филиринилем, и с подоспевшими эльфами Тумиль'Инламэ (во главе которых был сам король Салидас Аторэ, сын легендарного Легии!).

И тут я догадался позвать к нам на выручку Фарганорфа. Он пообещал мне отдать долг за его воскрешение. Дракон Добра, Вирм Его Золота и чемпион Ураха (еще титулы Фарганорфа, у него их куча), услышал меня и явился на поле брани. Я запрыгнул на него и поверг Дроторогора Филиринилем, а Серэнити, не иначе как по воле Всеотца, булавой сбила Флейта с коня-кошмара. Мы схватили части Короны Света и что есть духу, припустили в Тысячелетний Гром.

Пока Фарганорф отбивал нападки Вестмарки, я ковал новую Корону Света. Как только она была закончена, ее попытался отнять у меня ушлый Привратник, материализовавшийся прямо у горнила Ураха. Между тем его ждал неприятный сюрприз. Он не знал (да и я тоже), что меня – короля Анкарахады Рифф в обиду Высшим Силам не даст.

Яростным порывом ветра Привратника засосало в Путаницу, а нас кинуло на колени. Падая, Констанция Демей напоролась на кинжал гномов с заточенным внутри Джейкобом (призраком из Леса Скорби). Думаю, что королева даже не осознала того, что погибла. Флейт почти сломал сопротивление Фарганорфа, и все мы приготовились умереть, ведь веки Констанции Демей смежились навсегда, а принц Фабиан Темный тяготился в Вестмарке... эхх... Говорю «эхх», потому что я тогда не хило так испугался, но... пойдем дальше.

«Кому теперь свершить Величие Света и прогнать всеильного короля–вампира, который вот–вот вышибет ворота и отнимет у нас Корону Света? Видимо, всему и всем конец» – так я тогда умозаключил. Однако Нолд Темный поведал нам, что Величие Света еще может состояться, ведь, среди нас есть еще один человек способный осуществить священный ритуал. Как я понимал, у монархов Соединенного Королевства, как и у сосудов–хранителей, тоже имелась какая–то взаимосвязь с Урахом.

Но вот встает закономерный вопрос – почему сие так? Почему Всеотец, все ушедшие в быль и небыль годы, был так неизменно внимателен к тем, кто носит на себе бремя правителя Соединенного Королевства? Правда в крови... Кровь – это та же память и та же эгида Его Завета. Урах всегда внимал к Своему сосуду–хранителю – Нолду Темному и... впоследствии к его отпрыскам.

Нолд Темный открыл нам, что он является родоначальником всех королев и королев – и что Харальд не просто его соратник, для звучности перенявшим прозвище Темный, а сын!

И тут тогда у меня всё встало на свои места – почему именно королевские особы годились для коловорота Величия Света, и почему Нолд Темный с самого начала не раскрыл людям тайны о Харальде. Если бы злые силы узнали в Харальде сына Нолда, то королевский род лишился бы спокойствия на все времена. Ибо для любого демона нет наслаждения больше, чем убить того, кто носит в себе частицу Предвечного света.

В тот миг Нолд объявил, что помимо Харальда у него был еще один сын Майгорд, никому не известный в истории, и что Серэнити происходит из его колена. То есть, иначе говоря, Серэнити де–юре могла напрямую «обратиться» к Ураку, прося Его о заступничестве, точно так же, как это бы сделали Констанция Демей или Фабиан.

Ровно в полночь с тридцатого Ириса на первое Авантюрина я возложил на чело Серэнити Корону Света. Урах благословил ее и милостью Своей зачинил Величие Света, низложившее Тьму.

Тогда из Серэнити полилась чистая энергия. Она затопила собою все отроги близ Тысячелетнего Грома, вытравив с них нежить Вестмарки и остатки не разбежавшихся живорезов. Сам же Вальгард Флейт с диким криком расщепился на моих глазах.

Употребляя слово «вытравив», я имею в виду, что Величие Света попросту и без всяких затей растворило в себе всех злобных тварей. Вжух, и их нет! Так Лучи Мощи Серэнити (Всеотца) растопили их словно лед в раскаленной печи (к гадалке не ходи, попадали прямиком в хлябь к Назбраэлю). Исчезли так же и все мертвые витязи Зеленого и Соединенного Королевств (эти, я убежден, вознеслись в местечко поприятнее). Будто бы и не было тут Этого сражения – Вестмарки, Хрипыхора и нас... Кость Ночи и Тигровый Глаз Вилисивиликса – бесственные и пагубные конструкторы Зла тоже куда–то подевались... Надеюсь, что они канули в Небытие.

Ха–ха! Наконец–то в Мире наступит Мир! Больше никаких чудовищ из Вселенских Глубин и Тлетворных Пустот! Только людские дразги и интриги! Только они и точка! Звучит–то как легко и беззаботно! Ну? Прямо и дышится даже иначе теперь! Не отношу сюда, естественно, мое воцарение в Анкарахаде... Это отдельно набухшая на мне мозоль.

После совершения Величия Света Нолд Темный, с улыбкой на устах, растворился в лунном мареве. Он, король, предавший Ураха, смог искупить свою вину перед Ним, направив нас, детей Всеотца, на путь воплощения Добра. Куда же делся Нолд Темный? Унесся ли его дух обратно в свою тюрьму – inferнального Бога–Идола в Червонном Капище или в какое–то иное место, мне неизвестно. Впрочем я твердо убежден, что Нолд Темный, где бы он не находился, будет присматривать за нами и, как и прежде, наставлять нас.

У Соединенного Королевства, в лице нашей немногочисленной компании, был весомый повод отметить свой триумф, однако времени, чтобы чокаться фужерами с вином и поздравлять друг друга с успехом у нас не имелось. А почему? Ну, все же логично. Фарганорф сразу

призвал меня чинить его остов Могильным Ремеслом (кости дракона–лича не потонули в энергетическом коллапсе Величия Света, но они хорошенько так потрескались). А все остальные взялись искать близ Тысячелетнего Грома раненых и оказывать им необходимую помощь – таких тоже было достаточно, так как Урах прибрал к себе только почивших людей и эльфов.

Потом, я кое–как отпросился у Старейшего Вирма Севера воздать последние почести Констанции Демей. Мы решили не хоронить ее в земле и не сжигать на деревянном одре, но уберечь в Кузнеце Ураха – как святую, отдавшую всю себя на борьбу со Злом. В удивительном комплексе галерей, закутков и залов, мы сыскали пустой реликварий. В нем, почти в самом центре Тысячелетнего Грома, и упокоилась Констанция Демей, в доспехах и вся обложенная цветами. И пусть ничто не потревожит ее вечный сон.

«Констанция из Ригиро, ты (уже не на вы) была такая же храбрая и справедливая, как и твой отец, мой дорогой друг, Говард Демей. Мы оба гордимся и восхищаемся тобой. Я – здесь, уже в воспоминаниях, а он там, обнимая тебя, в Мире Света».

Сейчас вечер первого дня Авантюрина. Я, Серэнити Темная, король Зеленого Королевства Салидас Аторэ, Тень (королевский шпион нашелся без сознания, но живой и невредимый), вылеченный магией Серэнити генерал–телохранитель Констанции Демей Аска, немногочисленные уцелевшие рыцари–плутеранцы и эльфы сидим подле ярко пылающего костра. На небе блестит звездная россыпь, а у подола Серэнити Корона Света (Великий инквизитор сняла ее с себя сразу после Величия Света). Семь изумительных алмазов–осколков Амасты испускают свое собственное приглушенное сияние... Невдалеке от нас, на травянистом холме, распластался Фарганорф. Его пустые глазницы и пасть клубятся красным, макабрическим паром. Он молчит.

Мы все очень уставшие, и одновременно веселые, взволнованные и грустные. Да, так бывает, что все эмоции переплетаются разом, и ты то плачешь навзрыд, то смеешься, как ненормальный. Вино из скатерти «На любой вкус», которую захватил с собой Салидас Аторэ, приходится нам теперь как нельзя кстати. Да, самое время принять всем «по маленькой».

– Что же будет дальше? – тихо спросила сама у себя Серэнити, невидящим взором уставившись в небеса. Сегодня ее внимание было полностью поглощено неотложными делами и только сейчас, в эти самые минуты, Великий инквизитор вдруг осознала – она из рода Темных и потому...

– С престолом? Он ваш и народ узнает об этом, – прокашлявшись, сказал Аска. – Я видел... Все видели, что Урах выбрал вас нашей королевой. Да не абы когда, а на Величие Света! Это вы уничтожили Тьму! Для меня очевидно «кто» должен править в Шальхе Иль Градо и везде.

– Это не я, но Всеотец... Я лишь стала Его инструментом. Я – Великий инквизитор, а... не королева.

– Все меняется. Были монахиней, стали королевой. Так уж случается иногда. Первый раз что ли?

– Почему ты так это преподносишь? Меня никто не короновал. Да и вообще, чем я лучше Гильберта Энтибора, который претендует на трон? Ничем, ведь он тоже Темный. Гильберт сын Вальсы Энтибор родной сестры Элизабет Темной, отец коим был Кальвин, младший брат короля Клакацина.

– Вы угодны Богу, а Гильберт Энтибор... Он же нам столько крови пустил! Уму непостижимо! Его индюшачью башку уже давно пора отделить от раздутого тела! Мой Орден рыцарей–плутеранцев с Вами. И другие, я ручаюсь, будут тоже за Вас. Карак, Иль Градо, Хильд. Остальных заставим принять вас силой. Это всё ради всеобщего блага.

– Так говорить пока рано, – отрывисто обронила Серэнити. – Возможно, род Вильгельма и Констанции еще не прервался. Фабиан Темный в Вестмарке, и если он жив – законный король Соединенного Королевства – он, а не я.

– Для меня – нет, – отозвался Аска. – Не он, а вы.

– Это измена, – скривилась Серэнити, оправляя белоснежную прядь.

– С чего бы?

Аска потер вмятину на доспехе, а затем воззрился на Серэнити.

– Простите меня за мою бестактность, но кому как не мне, закаленному и старому вояке, рассказать вам, что Она эта за Вещь такая – солдатская верность королевскому Дому. Она мой ориентир уже как многие десятилетия, миледи. Я служил им; и Констанции Демей, и Вильгельму Темному... И так вот, один получил титул по наследству, а вторая по замужеству. Но никого из них Урах не помазывал на правление Сам. А Вас Он коснулся. У Вас Корона Света.

– Твое заявление чересчур прямолинейно. Повторю, Величие Света должно было произойти и Оно произошло. Факт того, что Корона Света, полежав на моей голове, сожгла Флейта – не делает меня королевой.

– Пусть так. Но, это важно. И уж, как ни крути, вы все равно королевской крови, – хмыкнул Аска.

– Как и Фабиан.

– Фабиан? Где он этот Фабиан? У вампиров в Вестмарке? А где она эта Вестмарка? Он уже не покинет ее, ваше величество.

– Не называй меня так!

Хлесткий запрет–укоризна Аску не поколебал. Он продолжил:

– Фабиан мертв. Смиритесь с этим. Такова воля Ураха. Это так с деревом бывает. Одна ветвь усыхает, но другая расцветает листочками. Вы тот самый листочек на молодой ветке.

Серэнити Темная задумалась, а Салидас Аторэ (я подарил ему фенечку–переводчик Бертрана Валуа, поэтому мы могли понимать его, а он нас), положив руку на плечо Аски, сказал:

– Ты настоящий воин и герой, Аска. Ты хочешь, чтобы твоя страна обрела мир. И я как никто другой понимаю тебя. Многое зависит от Серэнити, но ты не должен торопить ее с решениями. Сказать, я – королева, не так легко, как тебе кажется.

Салидас Аторэ поглядел на мою подругу.

– Однако если придет время так говорить – я буду подле тебя.

– Ты отправишься в Соединенное Королевство вместе с нами? – встрепенулась Серэнити.

– Да, и мне это будет за честь, – кивнул Салидас Аторэ. – Настала пора возобновить прежние договоры Зеленого и Соединенного Королевств. Как и встарь мы будем вместе, спина к спине, стоять против врагов наших государств. Кaleb помог возродить Тумиль'Инламэ. И я никогда не забуду этого ни ему (я учтиво склонил голову), ни Королевству Темных. Как некогда мой отец Легия сопровождал Харальда, так и я не отступлю от тебя, Серэнити. Куда ты – туда и я.

– А как же Тумиль'Инламэ? На кого ты его тогда оставишь? – смущенно спросила Великий инквизитор.

– Я возвращусь домой, когда буду уверен, что в Соединенном Королевстве стало все спокойно.

– Это может произойти не так скоро, как ты думаешь, – усмехнулся я.

Салидас Аторэ с улыбкой сказал:

– Кaleb, для меня и тебя понятие «не так скоро» несколько отличаются.

– Ну да, что такое человек для эльфа? Что вода в засуху – не успеешь оглянуться, а он уже в землю «ушел».

– Твой юмор черен, как сажа, Фиалковый рыцарь, – вновь улыбнулся король Тумиль'Инламэ, а Серэнити цыкнула:

– Шаттибраль, не забывайся, с кем ты тут говоришь!

– Приношу свои извинения

– Но если серьезно, то я не волнуюсь за Зеленое Королевство. На Величие Света Хрипотор и Вестмарка потерпели сокрушительное поражение. Все, кто в Великом Лесу раньше жил в тени их страха, теперь могут дышать во всю полноту груди. Я...

– Ты заблуждаешься, альв. Ибо я провижу, что Свет может быть без остатка поглощен Ночью, – вдруг рыкнул Фарганорф, опуская свой гигантский череп рядом с нами.

Дракон, с холма, всего лишь вытянул свою шею. Красный дым, вырывающийся из его ноздрей, опалял нашу кожу нестерпимым жаром, но мы не смели пошевелиться.

– Я, как и ваш маленький друг, чувствую Силу Небывалую и Беспредельную. Даже меня, Змея Ураха, она разобщает и гнетет.

Что-то тревожит Фарганорфа! Не абы кого, не какого-то там мага или воина, а смертоносного, словно тайфун, громадного дракона, чье существование тянется из предвечных эр! Да не просто дракона, а повторю и заострю! Фарганорфа! Старейшего Вирма Севера и Искривителя Реальности! Того, кто не пасуя сражался с Дроторогором, Флейтом, Таурусом и еще невесть с кем! Что-то мне сейчас стало как-то не по себе...

– Да, – прошептал Тень синеватыми губами. По его «закрытому» (глаз не видно, только нос и рот) зеркальному шлему бегали отсверки пламени Фарганорфа. – Есть Некто, чья Мощь возросла стократ. Из-за Него Купель Семи Преданий в Ильварете пенится и бурлит. Ее Омут не показывает мне Его. Но я могу и так сказать – Он мудрее Флейта и крепче Дроторогора. Он осторожен и невообразимо расчетлив. Он ждал своего Часа и почти дождался Его.

Да, Купель... – пронеслось у меня в голове.

Купель Семи Преданий – это чаша из черного оникса, наполненная темной тягучей будто бы живой жижей. Этот коварный и зловещий артефакт сомнительного происхождения упрятан в самые глубокие подвалы Гордости Вара – наместнического замка Ильварета. Купель может показывать в своем нутре разные миражи и фантазмагии, относящиеся к дням прошедшим, нынешним или завтрашним. Видения Купели Семи Преданий всегда нечеткие, обрывочные и загадочные, а зачастую и ложные. Погибшая Настурция Грэхольм – придворный маг Карака и сестра-близнец Эмилии, придумала, как настроить Купель так, чтобы Ей можно было пользоваться во благо Соединенного Королевства. Тень – королевский шпион, добровольно пожертвовав своим зрением, через ритуал негласный и сумрачный, смог приобщиться к Купели и заставить ее являть ему в зеркальный шлем образы (недвусмысленные или завуалированные) правды.

– То тут, то там, время от времени, появляются какие-нибудь бесбашенные ребята, желающие подчинить себе всех и вся. И ничего, их всегда кто-то ставит на свое место, – проворчал Аска, исподлобья поглядывая то на меловые клыки Фарганорфа, то на Тень. – К тому же разве сейчас было сказано, что злодей уже где-то среди нас или что Его цель Соединенное Королевство? Нет. Может Он всплывет где-нибудь в Бархатных Королевствах, Ноорот'Кхвазаме или даже в Империи Хло. Поэтому. Нам-то, что с того?

– Рассуждения глупца! – прогромыхал Фарганорф, страшно распахивая челюсти.

Аска отпрянул, но дракон, видимо передумав его губить, лишь выдохнул в небо багряный магматический вал.

– При нас Филириниль, благословенный Сирвиллой, святой Ураха, – сипло сказал я, воспринявший сообщение Фарганорфа в сотни раз серьезнее, чем Аска.

– И Корона Света, – промолвила Серэнити.

– Как и Ураграмма в Тумиль'Инламэ, – добавил Салидас Аторэ. – Так что пусть только попробует сунуться в наши Королевства. Мы его встретим во всеоружии.

После секундной заминки Тень промолвил:

– Купель Семи Преданий кажется мне «Вот Что» – ныне Он неистребим. Ни Филиринилем, ни Честью Зеленого Королевства, ни любым иным клинком. Он бессмертен и неуязвим. Омут...

Тень будто бы впал в транс. Он, словно маятник, закачался туда–сюда.

– Омут Купели показывает мне события прошлого... много, очень много блеска, вспышек молний, гнева и пламенных ураганов... О, сколько же вихрей и алых облаков! Мне не дано узреть Их, но... плаваются горные хребты и иссушаются моря... Да... Его изгнал Сам Урах. Но Он перехитрил Всеотца и теперь вновь Здесь...

Тень забился в конвульсиях. Последние слова он прокричал ртом полным пены:

– Его ярость сожжет Мир! Нам нет спасения! Колесо пожрет нас! Весь круг вёл к Нему!

Затем Тень повалился в лопуховые заросли, в них сжался калачиком и затих. Меня, между тем, мифические провалы–глазницы Фарганорфа пугали все больше и больше. По моей спине полился холодный пот...

– О ком он говорит? – с дрожью в голосе спросил я у дракона–лича.

– Во дни юности у Земли было много Хозяев. Возвышенных, гордых и умелых. Я хорошо знал Их, а Они меня. Они отринули моего Господина и стали ему Великими Врагами. Мои ощущения могут относиться к Любому из Их сонма.

Подняв свою голову с нашей поляны, Фарганорф с высоты добавил:

– Но я выведаю, Кто Он. И тогда ты тоже это узнаешь, Искорка.

– Я?! Зачем... Мне?!

Вдруг Старейший Вирм Севера опять нагнул свой кустистый череп вниз, да так резко, что от движения воздуха, вызванного им, с моей головы сорвало капюшон. Теперь его полыхающие очи–дыры курились в футе от меня. Дракон сурово произнес:

– Я чувю связь между тобой и Великим Врагом моего Господина. Она тонкая и запутанная, но неразрывная. Это веретено ваших жизней и судеб. Его пряжа. Внутренним оком, уходящим в глубины времен, я вижу, что будущее мира неясно. Оно зыбко. И тебя, Искорка, я усматриваю в каждом из возможных исходов. Только ты будешь решать – возвыситься Великий Враг над всем или сгинет навсегда.

– Я... Я понял...

– Я – Фарганорф, вирм Его Золота, предупреждаю тебя, Искорка. Не соверши ошибки. Ибо расплату за нее я назначаю тебе всего одну – смерть.

Искривитель Реальности убрал от меня свою зубастую морду. На холме его костяная туша, треща и пощелкивая, стала разворачиваться в сторону леса.

– Сему Быть, – долетели до меня последние слова Старейшего Вирма Севера.

Дракон расправил крылья (м–м–м, не одобряю этого, ведь, я их еще даже не чинил, так–то), пробежался по пустырю, а затем взлетел. В небесах, зардевшись мириадами цветных всполохов, Фарганорф нырнул в созданную им червоточину. Вот он был, а вот его уже нет.

Вселенная, ну почему опять я?! Почему?! Разве я единственный кто до сих пор ратует за твое Равновесие и сражается за Баланс Сил? Меня уйму раз протыкали сталью, жгли заклинаниями и наподдавали сапогами по ребрам! Я выдохся! Я иссяк! Я на последнем издыхании! Где моя передышка? Отпуск! Я их заслужил! Ах... это так щемит мне грудь... Я почему–то чувствую, что этот Великий Враг будет куда более ужаснее и Дроторогора, и Флейта – как по одиночке, так и вместе взятых...

Хотя, если откинуть от себя всю жалость, сантименты и тоску, то останется голый факт – дичиться и робеть перед Неопишмым мне уже надоело. Будь что будет... Но все же это нечестно! Этот гад – Великий Враг, мог стать под Тысячелетним Громом и наравне с Флейтом получить свою порцию дезинтеграции, ниспосланную Величием Света! Какого тролля Он сыграл краплёной картой?! Особенно шикарно, что по заверению Тени – Филиринилем Его не проймешь. А чем тогда? А, граждане мои хорошие, чем? Ответ – ничем. Либо я как–то плохо соображаю, либо... У меня напрашивается незатейливый вывод о том, что, хм, все мои потуги, направленные на устранение Великого Врага, ни к чему не приведут. Да и Фарганорф, что–то тоже никаких конструктивных предложений пока не озвучивал. Просто, мол, на шахматной

доске стоишь ты и Великий Враг. За какой цвет в партии я выступаю – мне очевидно, но если вдруг он каким-то образом у меня изменится, Фарганорф свернет мне шею. Иного я и не ожидаю. Старейший Вирм Севера предан Урагу. И он разорвет любого, кто посмеет поднять меч на его Господина.

Изречение Фарганорфа о Великом Враге и моей роли в Его «завтрашнем дне», вкупе с сопутствующими ему туманными полунамеками Тени, ввели собравшихся здесь людей и эльфов в замешательство. Всех кроме генерала-плутеранца. Он даже после «внушения» дракона обескураженным не казался.

– Тень, что ты конкретно различаешь в Купели Семи Преданий? – с нажимом спросила Серэнити Темная, переводя свои льдистые глаза с меня на карлика (Тень вновь пришел в себя).

– Есть ли в ее Омуте Кaleb?

– Есть, – прошепелявил королевский шпион побледневшим ртом. – В Купели Семи Преданий я вижу перед Калемом Шаттибралем две длинные дороги. Одна ухабистая, трудная и непролазная, заросшая бурьяном, но светлая, а вторая легкая, без преград и невзгод, однако ржавая, ведущая к краху. Весы Предопределения качнутся туда, куда ступит нога Калеба. Когда Выбор будет сделан – настанет время апокалипсиса.

– О, как. Стало быть, мне отводится место Первой Скрипки во Вселенской Увертюре, – мрачно сказал я.

– Откуда и когда нам ждать удара? – спокойно спросил Салидас Аторэ, поглаживая оперение стрел в своем колчане.

– Снизу, сверху, справа, слева. С надзвездной сферы, с земли, и с океанов. Сегодня, завтра, через сутки, десять лет, а может и тысячу, – отозвался Тень, сжимая и разжимая кулаки. – Купель Семи Преданий наставляет меня, что Кaleb Шаттибраль «был», «есть» и он «будет» всегда. Как и тот Великий Враг.

– Не представляю, как «такое» выглядит в Купели Семи Преданий, но на слух это воспринимается очень пространно, – недовольно сказала Серэнити, нервно перебирая пальцами четки. – В твоих объяснениях нет стройности.

– И уж подавно никакой логики, – утвердительно присовокупил Аска. – Я, конечно, в основном клинком махаю и ору приказы, но и сидеть в библиотеках мне тоже иной раз приходится. Однажды я прочел в одной потрепанной книге, написанной каким-то умным преумным колдуном или кем-то таким из ваших (Аска кивнул на меня), что после грандиозных катаклизмов всяких, а Величие Света к ним отнести сам Урах велел, по воздуху витают невидимые магические потоки. Вдруг вы с Фарганорфом попали под их влияние и от того маленько одурели?

Склонив подбородок к коленям, Тень заскулил, но не ответил, тогда сказал я:

– Хм. Этот космогенный эффект называется Отклик Мощи. Он возникает после, коллапса или магического взрыва небывалой силы. Мистериями еще непознанными наукой, Отклик Мощи входит в сознание экзальтированного индивида, поражая его картинами необычными и странными. Чаше прочих Отклику Мощи подвержены чародеи, ведуны, гадалки и жрецы.

– С ним было такое, – проговорила Серэнити, имея в виду меня.

– Да. В замке Шальха на меня снизошла плерома пророчества Полного Круга. Ее визии, как ты знаешь, Аска, тогда спасли нас от Десницы Девяносто Девяти Спиц. Так что... (я покачал головой) Аска, тебе сейчас про Великого Врага напел не какой-то ярморочный шарлатан, подпавший под наркотическое опьянение, а дракон, лицезревший Самого Ураха. Прими это к сведению. Ладно?

– Вирмы умеют проникать взглядом за Шоры Повседневного. И им подвластны Коридоры Времени, по которым они путешествуют в личинах из эфира, – согласился со мной Сали-

дас Аторэ. – Ясновиденье драконов сравнимо лишь с Откровениями Демиургов. Им нельзя пренебрегать.

Тень зашипел:

– Величие Света сорвало все маски и все покровы. На многие мили вокруг Тысячелетнего Грома Великий Лес обшелушен Его Огнем. Он пульсирует и стонет. Тьма забралась в щели недоступные для Света, и дичиться Сама Себя. Вдруг, так статья, что Аска, близок к разгадке тайны, а мы нет? Что если под воздействием Божественного, мне и Фарганорфу открылось Грядущее или уже Прошедшее, но не Настоящее? (Тень обхватил свой зеркальный шлем растопыренными пальцами) Все смешалось. Во мне нет порядка. И это отражается на Купели Семи Преданий. Мысли, образы, мечтания. Все они во мне слились воедино. И у дракона тоже так. Мы дестабилизированы. Нам плохо. Нам тошно. Нам дурно. Кто есть кто, и кто за нами?!

– Я же говорю! – хохотнул генерал–рыцарь. – Магические завихрения в Шальхе, тебе, Калэб, пришлось на руку, ибо то было от Нолда Темного, а тут, очевидно же, они только шороху нагнали!

Аска, видя, как мы хмуримся, успокаивающе махнул рукой.

– Ай, да ладно вам! Мы же только что всех победили! Живорезам – каюк, нежити – каюк!

– Тьма никогда не прекратит своих попыток поглотить Мир, – сказала Серэнити. – Однако я допускаю то, что Величие Света могло как–то по–особому, некорректно, отразиться, как на Тени, так и на Фарганорфе. Впрочем, мы примем их «заявления» к сведению и утроим свою бдительность. На любые новости о Великом Враге мыотреагируем незамедлительно.

– Это разумно, – промолвил Салидас Аторэ.

– Да, пока у нас недостаточно информации, – обронил я, поводя перчаткой по примятой траве. – Однако меня тревожит то, что Фарганорф и Тень молвят обо мне, как о Ключе к неназванному Пророчеству.

– Еще одно Пророчество? – ощерился Аска. – Что, Калэб? Поджилки–то затряслись? А то! Тут тебе и дракон с его ревом и этот наш незрячий проводник от Купели Преданий. Но я говорю тебе, (генерал дружески хлопнул меня по плечу) ты брось беспокоиться! Лишнее это! Думаю, что при умопомрачении, Фарганорф и Тень представили себе Конец Всех Концов, в нем Какую–то неимоверно могучую Сущность, Которая соберется надрать зад всем бравым ребятам. Догоняешь? Все возвышено и ярко. Тебя же они избрали в своем разуме главным ратоборцем Темных Сил.

– Сразу оба?

– Ты свалил Дроторогора, Бога–Идола Хрипохора, которого до тебя смогли отдубасить только Харальд с Легией, и то вдвоем, поэтому сам посуди – а кого еще?

– Серэнити, к примеру.

Генерал–плутеранец пожал плечами.

– Ничего бы не изменилось, если бы и ее.

Я вздохнул:

– Только новые недели и месяцы дадут нам ответы на все вопросы.

– Чуть позже, воды в Купели улягутся и тогда в моем «взоре» все встанет на свои места, – сказал Тень, нетвердо приподнимаясь на коротенькие ножки.

– Тогда сразу доложи об этом мне, – повелела Серэнити.

– С вашего разрешения, я бы хотел сейчас уйти. Мне нужно уединение.

– Конечно, – позволила Великий инквизитор.

– Гибельс, эй, Гибельс, говорю, проводи нашего вешуна до Замка! – тут же среагировал Аска.

– Если только он наворочит мне в своей Купели красивую девку и мешок золотых Манфредов! – рассмеялся вояка, спрыгивая с коряги.

– Ну и скука! Я–то думал, что ты вновь мечтаешь стать хряком! – хохотнул Аска. – Это же тебя ведьма обратила в человека? Или Братчета?

– Братчета, генерал, это он у нас свинья в доспехах! – загоготал Гибельс.

– Хрю! Ой, то есть, так точно! – подхватил хохму пухлый Братчет. – Меня!

Провожая взглядом Тень, ведомого Гибельсом, Серэнити вдруг горько воскликнула:

– Сколько рыцарей–плютеранцев и эльфов пали близ замка Ураха...

– Таких славных ребят, – тут же помрачнев, глухо проворчал Аска. Переведя взгляд на опушку чащи, у которой мельтешили птицы, он добавил:

– Как хорошо, что воронам не достанутся их кости. Все они теперь с Урахом.

– Всё, как в стародавних сказках, – задумчиво проговорил я.

– В каждой сказке лишь доля сказки, – шурясь, заметил король Салидас.

– Да, – произнес я. – Возможно, что так.

– Завтра мы выдвигаемся в Карак, а оттуда в Иль Градо.

– Вы запрещаете мне называть вас королевой, но про ваш подвиг на Величие Света, я молчать, хоть убейте, не буду. В Соединенном Королевстве услышат, как это было! – изрек генерал рыцарей–плютеранцев.

– Я тоже в стороне не останусь и поддержу праведные речи Аски своими словами, – улыбнулся Салидас Аторэ.

– Спасибо, король Зеленого Королевства. Но славить мои заслуги перед всеми и каждым совсем не обязательно.

– Напротив, оно так надо, – возразил Аска.

Серэнити ничего ему не ответила. Она воззрилась на меня и несвойственно мягко промолвила:

– Ты не поедешь с нами, Шаттибраль.

– Ты, вы... отпускаете меня? Тогда я отп...

Я еще не разобрался, как мне теперь величать подругу – на «ты» или на «вы», все же она из Темных!

– Нет, – осекла меня подруга.

– Я!...

– Пожалуйста, не перебивай меня, Шаттибраль. Твой Уговор Предков перед родом Темных, я, будучи Темной, признаю выполненным. Это так. С этого мига ты свободен от Него. Добравшись до Шальха, я вскрыю секретные архивы Престола, чтобы вознаградить тебя «Обещанием короля Освальда», поведать о том, где стоит Энигма, башня–мастерская твоего приемного отца Квиля Лофирндваля. Ты получишь не только Это, но и многое другое. Все твои деяния для Соединенного Королевства будут учтены мной. Однако... (Серэнити поджала губы, подбирая нужные слова) Однако, невзирая на все твои добродетели и заботы, относящиеся к Эмили, Грешему, Светочи и Рифф, я... я не могу приказывать тебе, Кaleb, но только просить. И я прошу тебя, как... того в ком я полностью уверена, как... своего друга.

– Вы...

– Отбрось эти свои «вы». Ладно? Запихни их себе в карман... То, что я тебе сейчас скажу – очень–очень важно не только для меня, но и для всего Соединенного Королевства. А оно тебе никогда не было безразлично. Уж я–то в этом убедилась.

– Тебе я никогда не смогу сказать «нет», и ты знаешь это, – глухо сказал я, исподлбывая глядя на Великого инквизитора.

– Моя позиция такова: гипотетически Фабиан Темный жив – поэтому для меня королем Соединенного Королевства остается он. Ныне я действую только согласно его интересам. Я – дочь Ураха. И моя душа должна оставаться чиста перед Ним. Официально, перед народом, я не объявлю себя претендентом на трон (Серэнити снизу вверх кивнула на Аску) и другие не обмолвятся об этом до тех пор, пока я не получу сообщения, что Фабиана больше нет.

Его передашь мне ты, Калев. Ты пойдешь в Вестмарку (в этот момент, для всех кроме меня, Серэнити казалась волевой и несгибаемой, но я видел, как ей тяжело посылать своего друга к Назбраэлю на рога), чтобы лично убедиться в том, что мои права на Трон обоснованы. Если Фабиан в застенках – спаси его и приведи ко мне, если нет – беги из Вестмарки, пошли мне весть и занимайся тем, чем сочтешь нужным.

Неожиданно Серэнити сильно сжала мое запястье.

– Ты понимаешь, почему я не иду вместе с тобой? Не смей посчитать, что я беспринципно бросаю тебя в вертеп, а сама умываю руки! У меня есть долг и он превышает моих страхов о твоей персоне! Тебе хорошо известно, что мы покинули Соединенное Королевство и углубились в Великий Лес в хрупкий период неопределенности. Карак, Керан, Хильд, Иль Градо... Нужно взять страну под контроль. Если этого не сделать в кратчайшие сроки, то Гильберт Энтибор всех подомнет под себя, и нам уже нечего будет возвращать Фабиану. Не покривлю душой, Калев, сейчас вновь сплотить провинции по силам только мне.

– Последнее, что бы я подумал о тебе, так это то, что ты трусишь или увливаешься от возможности пощекотать своей булавой пару злобных кровососов, – улыбнулся я. – Я не подведу тебя.

– Как и всегда, – ласково отозвалась Серэнити.

– Фабиан, Фабиан, – проворчал Аска. – Пусть он и жив, но тогда для него дорога каждая секунда. Одна, две, три, четыре. Сколько их еще осталось? Может вот эта уже последняя.

– Я тоже думаю, что Вестмарка после кончины Флейта не шибко-то в нем теперь нуждается, – сказал Салидас Аторэ, соглашаясь с мнением генерала-рыцаря. – Ведь, принц был необходим для ритуала призвания Назбраэля. А Корону Света больше не извратить. Ее спаял Свет Амасты и квазальд, а не Тьма Кости Ночи. Она теперь не только бесполезна для Вестмарки, но и опасна.

Приложив указательный палец к переносице, король Зеленого Королевства добавил:

– Мне бы хотелось сопровождать тебя, Калев, однако я уже пообещал это Серэнити. Моя поддержка, как короля Тумиль'Инламэ, может помочь ей склонить мерило правды в пользу Фабиана, или ее самой.

– А Энтибор? Ты его не видел и не разговаривал с ним. Если Фабиана нет, то... Разве он не может быть достойнее меня? – спросила Серэнити.

– Вот именно, что не видел, – сказал Салидас Аторэ, плавно уводя ладонь на ворота Тысячелетнего Грома. – Разве он стоял под ними? Бился с Дроторогором и сражался с Флейтом? Защищал ли он Соединенное Королевство бок о бок вместе с тобой, Серэнити, и Констанцией Демей, как некогда это сделал Харальд с моим отцом в Малахитовом Дворце? (король Зеленого Королевства вздохнул) Я не берусь утверждать, что смыслу в укладах вашей страны больше чем вы. Это, конечно, не так. Однако, для меня, как для альва, очевидно – тот, кто хочет быть правителем должен не губить своих подданных, но оберегать их. Я презираю Энтибора и никогда не назову его другом Тумиль'Инламэ. В годину несчастья, он развязал подлую войну, и ее воды его потопят.

Серэнити промолчала, а я уважительно произнес:

– Если люди Соединенного Королевства кому и станут внимать, так это тебе, король, – уважительно сказал я. – Твои рассказы притянут к себе уши, а через них и сердца. В лице тебя Серэнити получит мощного союзника на Совете Лордов и в Палатах Наместников.

– Будем надеяться на это, – скрепил Салидас Аторэ. Затем король Зеленого Королевства продолжил:

– Куда поведет тебя твой путь, Фиалковый рыцарь? На север, восток, запад, юг? Великий Лес огромен, и Вестмарка может быть где угодно. Даже я не знаю, где она пустила корни своего Зла.

– Если Юнивайн откликнется на мой зов, то я попаду в Вестмарку довольно скоро. Его копыта быстрее ветра, а чутье всегда безошибочно выискивает дорогу к нужному месту.

– А если твой призракный конь не явится? Он, как я усек по твоим обмолвкам, животина свободолюбивая, – засовывая травинку в рот, полюбопытствовал генерал–плютеранец.

– То я все равно, рано или поздно, приду в Вестмарку.

– Но как? Ты же не охотничья собака, чтобы понюхать горсть золы и взять по ней след, – пробасил Аска.

– Как ни странно, но твое сравнение близко к истине, – вполголоса сказал я, приподнимая Лик Эбенового Ужаса, так, чтобы на его сардоническом черепе заюлили отсветы костра.

– Вестмарка – это область Великого Леса, полностью принадлежащая Назбраэлю и его сыну Аспиду–Хаттону. Без Юнивайна, я бы предпочел добираться до нее, опираясь на опыт моего друга–следопыта Альфонсо Дельторо, но... Он погиб в Ол–То. Поэтому, если так ляжет карта, то мне придется воспользоваться Темным Искусством. Духи чащи, панихидные и неприкаянные, прохрипят мне о том, где стынут казематы Зинат Альфадаха, Арт Паури и Лившихтмаха.

– Тебе предстоит бедовая тропа, – обронил Аска.

– Я прошел сотни таких троп, – одними губами улыбнулся я. – Эта не хуже и не лучше прочих.

– Пусть Урах будет с тобой, маг! Пью за тебя! – провозгласил тост генерал–плютеранец.

– За тебя, Шаттибраль! – подхватила Серэнити, приподнимая кружку (с чаем).

– За Фиалкового рыцаря!

– И за вас! – сказал я, осушая свою чарку.

Этим вечером наш костер горел еще долго. Мы обсуждали безотрадное предостережение Фарганорфа, Соединенное Королевство (особенно оскверненный вампирами Вельдз), Фабиана, Тумиль’Инламэ, Гильберта Энтибора и Вестмарку. Еще в разговоре фигурировали Грешем, Эмилия, Светоч и Анкарахата Рифф. Салидас Аторэ о Доме Шелка и его Вседержителе высказался так:

– Это шаткий мост через пропасть, Калев, и на печаль всех нас, как–то подстраховать тебя на нем – мы, смертные, не властны. Ныне только Вселенная ведает, сможешь ли ты его миновать или нет. Рифф не такая, как Назбраэль или Юкцфернанодон, да, но Она и не Урах, и Харо. Понимаешь ли ты, Кто на тебя обратил Свое внимание? Видимо не в полной мере. Она – Создатель. Творец. Бог. Рифф честолюбива и не приемлет слабость. Я бы советовал тебе, если ты, конечно, хочешь жить, не пасовать и делать то, что Она тебе определит. Предполагаю, что Праматерь мало интересуется Земля, но больше Анкарахата и Лаанхакада. Скорее всего, Рифф потребует навести порядок в Ее Изначальном Доме. В Нем привычные для тебя нравственные нормы будут совсем иными. Не отбрасывай своих человеческих суждений, потому что именно из–за них ты и был избран Праматерью. Ведь, если бы Она хотела, чтобы в Ее замысле участвовал тот, кто думает и чувствует, как паук, то и взяла бы для этого паука. Смотри в оба. Не отрицай порывы сердца. Уважай и почитай Рифф, но не пресмыкайся перед Ней. Покажи Ей свою силу, так как Она продемонстрировала ее нам, утащив к Себе алчного Привратника. Перестал ли он существовать или Праматерь запела его в каком–то своем Чертоге? Разницы нет. Рифф – это Абсолют, и этот Абсолют следит за тобой, Калев. Это страшно. Это необъяснимо. Это уникально. Обязательно перебори себя. Вскинь голову, задери подбородок и сигай в пучину. В водоворот! Предвижу, что прорваться сквозь все неприятности ты сможешь, если только проявишь отчаянную храбрость.

– Твое здравомыслие, а равно ему и проницательность, отточено бессчетными годами. Я с благодарностью принимаю твое наставление, король Салидас.

– Прежде чем хвалить меня – дослушай. Научись обращать внимание на мелочи. Вон, гляди.

Эльф ткнул на камень подо мной.

– Там паук. А в той канавке еще два. И под кустом сидит один. Они тянутся к тебе, Фиалковый рыцарь. Безотчетно льнут. Не удивляйся, если потом ты будешь весь ими облеплен. Пауки угадывают в тебе их близкого брата. Кровника, если хочешь.

– Ансельм в Храме Рифф провозгласил меня владыкой всех арахнидов всех Вселенных.

– В Анкарахаде так, и в Лаанхакаде тоже так. Но тут, у нас, и в иных Мирах, Рифф, по всей вероятности, воспрещает паукам воспринимать тебя их Князем.

– Почему?

– Я сразу могу назвать несколько причин, – изрек король Тумиль'Инламэ, суживая свои прекрасные глаза. – Сколько всего пауков обитает в Великом Лесу? Неисчислимо – ответишь ты. Представляешь, что произойдет, если все они станут стекаться к тебе, чтобы воздать хвалу, как своему повелителю? Ты и шагу свободно ступить не сможешь. Это первое. Второе – все пауки разные. Есть «низшие» по типу «этих», что пристроились у нашего бивака – они по-своему разумны, а есть иные – «высшие», как твой Бракарабрад или Шорох – они мыслят так же как мы с тобой, а то и лучше. Так вот, не все «высшие» любят и признают архонтов. А иные питают к ним неприязнь. Да, за презрение к своему ставленнику Рифф сбрасывает их в Гиену – Лаанхакаду, но... Тут есть «но». Почему бы, к примеру, не попытаться убить архонта? Ну а вдруг потом Праматерь за успешное покушение не изведет в Лаанхакаду, а наоборот прославит? И более того сделает новым королем Анкарахады. Заманчиво же? То-то. А теперь давай вернемся к тому – сколько же в Великом Лесу пауков? И какой процент из них составляют «высшие», которые готовы рискнуть «всем» ради «всего»? Держу пари, что если бы герольды Рифф возвестили бы тебя архонтом, то все твои сны были бы такими же баламутными, как и при Укулукулуне, а то и хуже. Яд, клыки, бесшумные лапы и тени. Твое дыхание непременно бы оборвалось, Калерб. Праматери это не нужно. Пока не нужно.

– Считаешь, что Укулукулун всегда ждал удара исподтишка?

– Да или нет? На этот вопрос нельзя ответить односложно. Укулукулун был древним и очень могущественным арахнидом, сильным как физически, так и магически. Он имел при себе чудовищный меч – Губитель Живых и Мертвых, укрепляющий его тело тысячами пленных душ. Укулукулун Тобольдо был почти несокрушим, и все же к тебе, Калерб, он приходил только во снах и неизменно окруженный свитой. Если думаешь, что архонт не мог материально воплотиться в нашей Реальности, то ты глубоко заблуждаешься. Укулукулун не хотел подвергать себя опасности. Любой. Хотя бы и самой маломальской. Вдруг, когда бы он потешался над тобой здесь, на Земле, спрятавшийся в кроне дерева Альфонсо выстрелил бы в него из лука и угодил бы ровнехонько в шею? А? Или бы в Ильварете на Укулукулуна накинута бы весь приход Братства Света во главе с Аланом Вельстрассеном? Тут ему не позавидовал бы даже сам Дроторогор. Или Настурция Грэкхольм пробила бы Клюквой его колдовскую броню? Почти невозможно, но все же. Или еще что-то? И это только то, что касается людей и Господина Случая. А пауки? Я знаю «таких», чье происхождение тянется из начальных эр. Могли бы они выступить против Укулукулуна и одержать победу? Один на один – шанс на удачный исход оценю, как несолидный. Но упомянутый мною Господин Случай, как водиться, ничьих прогнозов не придерживается. Осмотрительность – вот каков был залог столь долгой жизни Укулукулуна. В Анкарахаде, на Экдизисе Войны архонта сразил ты, да, но без Эмириус Клайн, без ее Гасителя Зари, сто из ста, что от тебя бы не осталось и мокрого места. Причем в первые три секунды.

– Господин Случай.

Салидас Аторэ зевнул, а потом белозубо улыбнулся.

– Я думаю, что он твой старый добрый друг. Полагайся на него (король Тумиль'Инламэ приложил ладонь к моей груди) и на то, что у тебя тут – тоже.

– Всегда, – отозвался я, бережно сжимая запястья альва. После чего повторил: – Всегда.

Звезды светят на небе, пахнет какой-то ягодой, а в отдалении шелестят деревья. Я чувствую, что эта ночь не такая, как все. Что она особенна. Я назову ее Точкой Отсчета. После нее, с восходом солнца, я вновь вступлю на неведомый мне путь. Куда он приведет? К чему мне готовиться? Кто встретится мне впереди? Нам, людям, свойственно гадать, о том, что будет потом, воображать события и сразу продумывать, как мы станем себя в них вести. Это и смешно, и глупо, и грустно, и банально. Хочешь позабавить Вселенную? Поведай Ей о том, какой ты видишь свою будущую жизнь. Нет ничего неизбежного. Нет ничего, что бы ни подвергалось изменению и деформации, вибрации и диссонансу.

Истина такова, что каждому из нас предстоит пройти то, что ему предначертано. Увильнуть нельзя. Это не относится только к каким-то черным невзгодам или, наоборот, к восхитительным блаженствам. Нет, совсем нет. Я имею ввиду Другое. Суть нашей жизни, это субъективно мое мнение, заключается в двух аспектах: в самосовершенствовании самих себя, своего таланта, и в моральном возвышении фактического, сегодняшнего «я» над «я» вчерашним, уже несуществующим. Двигаясь по страницам своей Книги от главы к главе, мы либо отдаляемся от предназначения, либо сознательно близимся к нему. Беря в пример себя, зафиксирую – я достиг планки мастера-волшебника лишь спустя годы и годы усердной практики, а уж вывод-апофеизм, чем Шаттибраль «этот» отличается от Шаттибрала «того» сформировался во мне куда позже. Молодость редко бывает нравственно чистой. Эмоции, смешанные с пряным вином, могут завести в трясины, из которой самому уже будет сложно выбраться. Мне повезло. Эмилия, Настурция, Эшли, Альфонсо, Дебора, Бертран, Лайли, Парабелла и Бритсморру помогли мне подменить черствость на гуманность, некую жесткость на сострадательность, а «вежливый холод» на участие. В те времена я внутренне преобразился и, наконец, проникся завету Лорины – «Помни, ты человек и всегда должен им оставаться». И не только я, но и Вселенная тогда взглянула на меня совсем иначе. Я стал Ей угоден. Ратуя за Добро и противостоя Злу, чьи инспирации неуклонно коробят природное Равновесие, и Гармонию в целом, я ощутил себя состоявшейся, духовно зрелой личностью.

В последнее столетие, я часто думаю о том, что все, что можно было сделать для Вселенной, уже мною сделано. Однако это не так. Оглядываясь назад, а потом, опять смотря вдаль, я вижу только непроницаемый туман. Но он не пугает меня, потому что во мне есть надежда. Все обязательно будет хорошо. Когда-нибудь...

Глава 2. Рожки, хвостик и обаяние

Мы заночевали в холле Тысячелетнего Грома. Довольствуясь легкими одеялами и подоткнутыми под головы сумками, эльфы и люди, окруженные античными статуями, фресками и лунными бликами, что через слюдяные окошки рассеивались по истрескавшемуся мраморному полу, крепко и безмятежно заснули. Дозорных мы не выставляли. Почему? Вся соль заключалась в том, что здесь, в каждом из нас, возникла аксиома—ощущение, не требующее доказательства. Мысленно могу сформулировать ее так: если сейчас в Кузницу Ураха, в рукотворное творение Вседержителя Любви, заявится Зло или Тьма, пусть даже облаченные в одну из грандиозных Форм Ужаса, Его Свет уничтожит Их. Спокойствие... Кротость... Неторопливость... Они обволакивают меня... Мне хорошо...

Я долго и заворуженно рассматривал настенную инсталляцию, где Урах выглядел, не как Бог, но как мужчина. Одетый в просторную красную тунику, со звездным венцом на голове и в блестящих перчатках из червонного золота Он стоял (спиной ко мне) на широком балконе дивного бастиона и обозревал валы бесконечного моря. Росчерки зеленого, синего, багряного и белого цвета, нанесенные на кусок монолита, были так фантастически правдоподобны, что мне показалось, что я слышу звук прибоя... Потрясающе! Даже Икки Тиру – художнику эпохи Сараха Бесславного, рисовавшего волшебной палочкой Зожей–Ожей, было бы не по силам создать такой шедевр. Нет, эта роспись не имеет в себе людского начала – она принадлежит Урагу. Он Сам ее запечатлел.

От этого, поразившего меня откровения, я слегка задрожал. Видеть своими глазами творчество Вседержителя... Нет, у меня нет слов для того, чтобы описать его красоту и изящество. Казалось, шагни вперед – и ты окажешься рядом с Урахом. О, как бы я хотел сделать это! Встать подле Него и пересечься с Ним взглядом! Услышать Его голос! Прикоснуться к Нему!... В Первородном Соблазне – храме Всеотца, прибывающем в Гамбусе, мне довелось посмотреть на нечто подобное. Там, как и тут, убранства помещений пестрели сверхъестественными и сверхгармоничными ширмами–воображениями. Есть ли еще где–нибудь такие места? Загадка...

Зевая, думая и любуясь, я не заметил того, как у меня появилась компания. Королевский шпион, лишившийся зрения по вине Купели Семи Преданий, уселся сбоку от меня. Когда я приметил его, он, спустя полминуты, тихо сказал:

– Я тоже вижу Его.

– Каким образом? – помолчав, спросил я. – Ты же слепой.

– Бесповоротно, – согласился Тень. – Мои очи – это бельма. В обыденности я натываюсь носом на все, что только можно и нельзя. Однако это мелочи, потому что то, что есть – «объективно» и «визуально» – это несущественно. Купель Семи Преданий поменяла меня. Она прибрала одно, но вручила другое. В Разломах Духовных Дверей, в Пространстве–Материи и в Переходах–Дырах, я прозреваю куда больше, чем оракулы всего мира.

– И что же ты видишь?

– Белый и Сиреневый Огонь, Охровое Железо, Скорбь, Частичную Предопределенность, Звездное Единство и Звезду Жизни, Любовь, Добро и Отверженность, Раздвоение и Печати Силы. Страдание и Искушение. И, конечно же, Чудеса. Он состоит из Них. Это Его Метафизические Аспекты, которые доступны для моего восприятия, есть, конечно, и другие, вне меня, но я их тоже чувствую, – обронил Тень, немного поразмыслив. – Аспекты переплетаются между собой. Они сходятся в Индивидуума–Демииурга и распадаются на самостоятельные Осколки–Созидания. Купель Семи Преданий дает мне поглядеть на лицо Ураха. Когда–то Он был человеком. Был им или будет. А может и есть прямо сейчас. Это Его Судьба, назначенная Ему Вселенной. Стать тем, кого Он породил.

– Значит, Урах был, есть или будет смертен? – заинтригованно промолвил я.

– Наверное. Но не так, как ты себе это представляешь. А как на самом деле – я объяснить не смогу.

– Что еще явит тебе Купель?

Тень он повернул свою непропорциональную голову точно на меня. В зеркальном отражении его монолитного шлема я стал глядеть сам на себя.

– Урах имеет черты каждого из нас – людей, Его Плодов Вдохновения. Там, «впереди», мне Он кажется то тобой, то мной, то всеми нами. Мужчинами, женщинами, детьми, стариками. Мы Его крупницы. Малюсенькие стяжки на Его коже. Из Его помыслов мы вышли. И у каждого из нас есть от Него какой-то свой определенный дар.

– Это как? Какой у тебя?

Тень улыбнулся желтыми зубами:

– Тебя интересует, не какой у меня, а какой у тебя.

– Допустим.

– Ты хочешь конкретики, но я не могу тебе ее преподнести. Ни тебе, ни кому бы то ни было другому. С каждым уходящим в прошлое днем мне все сложнее являть в себе Глазные Обличия, какие они есть для тебя. Солнце... вот по нему я скучаю... Я все больше и больше подвержен Метафорам–Спектаклям, Ураганам–Композициям и Сусально–хрустальным Веретенам Космоса. Я «смотрю» на тебя через призму Купели Семи Преданий. Для Нее ты одновременно Стосвечовый и Дымный, Маревый, Темный. Яркий, и вместе с тем, близкий к Невыразительности. Однако твой Цвет никогда не претерпевает переработок и переустройств. В спектре радуги, состоящей из Массы Тонов, ты – Ночной Сапфир. Свет в тебе, но и Мрак тоже глубоко пустил корни. Они дополняют друг друга. Они лучшие друзья и безжалостные противники. И они же дар Ураха для тебя.

– Наверное, пару столетий назад, я бы принял такое откровение о себе близко к сердцу. Я сразу бы стал искать разгадки на каждую твою аллегию и персонификацию. Но не сейчас. (Я вздохнул) Сегодня, как ты сам сказал, в Купели Семи Преданий нет порядка. Ее диссонанс играет с твоим воображением. Миражи, ниспосланные тебе Купелью, ты облакаешь в двусмысленные словосочетания, которые могут быть интерпретированы тобой, и уж точно мной, неправильно.

– Ты прав. Величие Света. Оно потрясло Купель и вывернуло Ее наизнанку, – мотнул головой Тень. – Я гол. Я пуст. Я уже не я. А может я собой и никогда и не был, и только сейчас им стал?

Потом карлик неуклюже встал и, слепо вытянув перед собой руку, шатко пошел по коридору. На ходу он продолжал шепелявить:

– Я «увидел» его иначе. Увидел в самый первый раз, когда в сырых подвалах Ильварета надел на себя этот жестокий шлем. Ненавижу Настурцию! Она обманула меня! Все должно было быть не так! А что такое ненависть? Какого она цвета? Я уже не помню... Помнил? А ему... ему уже не уйти. Ему не отказаться. Но он сможет выбирать. Кого он отдаст на растерзание? Себя или не себя, себя или не себя?... Кому он будет служить? Себе? Рифф? Ураху? Назбраэлю? Вселенной? О! Рифф сильна и очень сильна! Он под Ее опекой!... Но и Купель тоже хочет взять его... Меня ей мало. Ей все мало... Это только начало...

Последние фразы Тени прозвучали зловеще. Купель Семи Преданий – непознанная и губительная чаша, вышедшая из времен темных и тайных. Она вполне может обладать собственным разумом и «желанием». Купель Семи Преданий такая же старая, как хитрый паразит Тихий Наблюдатель, Кристалл–Бог Фосгейн, Ютвинг или Калибард, который некогда построил город Минтас на останках черепахи Минтамансия в океане Темного Холода. Купель Семи Преданий – очень тлетворная штука.

Размышляя над разговором с Тенью, я искал Серэнити. Она, спящая и прижимающая к животу Корону Света (так некогда Лютерия Айс стискивала котомку с отсеченной лапой Дро-торогора), нашлась подле неприхотливого каменной апсиды со звездой Ураха. Рядом с Великим инквизитором был расстелен незанятый походный лежак (для меня!). Я лег на него, а затем бережно обнял Серэнити за плечи. Она дернулась, но не проснулась. Спи, моя дорогая, спи... Уткнувшись в каскад белоснежных волос, я мгновенно заснул.

Продрав глаза, я сладко потянулся. Значительная часть людей и эльфов уже поели, и теперь молчаливо собирались в путь. Я приподнялся на лопатках, и мой взор упал на единорогов, чинно стоящих у гигантских дверей Кузнецы Ураха. Да! Единороги! Они самые! Со всеми этими эпическими и историческими происшествиями я совсем забыл о них рассказать! Легендарные звери, признанные научным сообществом как вымерший вид, на деле очень даже здравствуют! Они куда грациознее обычных лошадей, но чуточку уступают им в холке. У единорогов невероятно мягкая, бархатистая ворса молочного цвета, которая несколько кудрявится к хвосту и копытам. У единорогов (как можно догадаться) на лбу есть прямой, слегка ребристый рог. Он необыкновенно острый. Говорю так потому, что видел, как он легко может проткнуть живореза насквозь. Глаза единорогов в основном голубые с длинными ресницами, но бывают (как мне объяснили) и смарагдовые, фиолетовые и синие, словно аметист. Копыта, что твое серебро, а зубы, как жемчуг речной. Их ржание мелодично и отзывается в сердце пульсацией радости. Единороги бегут быстрее ветра (но не Юнивайна). Они неуловимы, свободолюбивы и преисполнены величия. Эти поразительно умные животные для жителей Тумиль'Инламэ не просто верные друзья – они для них священны. Единорог сам «выбирает» себе эльфа и потом носит на себе только его. Никому и никогда не сесть на единорога сверху, если он того сам не захочет. Когда Захваш – Бог–Идол Хрипохора поверг весь народ Зеленого Королевства проклятием Одервенения, единороги, хранимые особой магией Сирвиллы (она же Сия Лаверлорд), смогли Его как-то избежать. Они сразились с Захвашем и тогда же почти все и были истреблены. Всего лишь нескольким особям удалось избежать печальной участи их удивительного вида. Они схоронились в недоступных для Хрипохора глубинах Великого Леса, и уже никому и никогда себя не показывали. Эти единороги – потомки тех, что некогда спрятались от Захваша. Когда Салидас Аторэ снял колдовство Бога–Идола с Зеленого Королевства, поместив в Пандус Лилии Хиловису – элизий Ураха, они почувствовали это, и вновь пришли под сени Тумиль'Инламэ.

– Шаттибраль, иди сюда, – позвала Серэнити, заметив, что я пробудился.

Я встал, быстро ополоснул лицо в фонтанчике и подсел к друзьям за стол.

– Приветик, – сказал я, беря из рук Салидаса пол краюхи хлеба и кружку чая. Потом я добавил: – Спасибо.

– Это тебе спасибо, Фиалковый рыцарь. Твоя скатерть «На любой вкус» более чем пригодилась альвам Тумиль'Инламэ. И сейчас самое время отдать тебе ее обратно.

Король Зеленого Королевства передал мне аккуратно сложенное волшебное покрывало.

– А как же вы все?

– За нас не беспокойся, – промолвила Серэнити.

Эльф указал на походные ранцы.

– Мы набрали из Скатерти много еды, – продолжил Салидас. – Поэтому до Соединенного Королевства доедим, не терпя абсолютно никакой нужды. Ты же отправляешься в Вестмарку, и ноша из тюков с провиантом станет тебе обузой. Легковесная, мало занимающая места в наплечном мешке, «На любой вкус» твоя по праву. Праву вечного скитальца.

– Хорошо, – сказал я, бережно укладывая «На любой вкус» в сумку. Затем, отстегнув от ремня Филириниль, я произнес:

– Я тоже помню свое обещание. Я... Нет. Все мы, каждый из нас, благодарны тебе, король Салидас Аторэ. Без меча твоего отца мы бы не смогли победить Дроторогора. Филириниль был взят мною на срок. Сейчас я возвращаю его тебе.

– Достоин! – громыхнул Аска.

– Так было нужно, – беря клинок, улыбнулся Салидас. – Я принимаю Филириниль и преподношу его той, кому он принадлежит не меньше, чем мне. – Фридлейф!...

Помимо Салидаса Аторэ за нашим столом, на другом его конце, сидело еще три уроженца Зеленого Королевства. Один из них, а точнее «одна», эльфийка, отложила столовые приборы и приблизилась к своему королю.

– Фридлейф, – повторил Салидас, протягивая ей Филириниль рукояткой вперед. – Он твой, сестра.

Фридлейф Аторэ помедлила, но затем, уже решительно, сжала ручку в виде головы ястреба. Эльфийка взвесила клинок на ладони, после чего, глядя на меня, промолвила на безупречном диалекте Соединенного Королевства.

– Филириниль не покинет тебя, Калев, точно так же, как мой брат, король Салидас, не оставит Серэнити Темную. В Вестмарку я иду вместе с тобой. Я – твой щит от Зеленого Королевства.

Венценосный альв серьезно кивнул.

– Никогда «до» меня и никогда, надеюсь, что и «после», Фиалковые рыцари – герои Зеленого Королевства не оставались и не останутся без защиты моего народа. Народа, который помнит подвиги, совершенные ради «него». Ты, Калев, сделал для Тумиль'Инламэ Больше, чем кто бы то ни было до тебя. Ныне тебе уготована дорога мрака, и я не отпускаю тебя идти по ней в одиночку. Фридлейф... В ратном поединке она не уступит ни одному известному тебе войну.

Салидас покосился на сестру, затем улыбнулся.

– Вчера, если честно, ко мне за «этой» честью подходили почти все окружающие тебя тут альвы, но... Фридлейф... Я не могу ей отказать.

Данное заявление меня слегка сбilo с толку. Я не то чтобы колдун, «который гуляет сам по себе», но вот такие вот безапелляционные предъявления – «это твой спутник-телохранитель, прими и распишись», как бы это сказать, мне не очень нравятся.

А отказываться тут нельзя. Причем никак. Ведь эскортировать мою скромную фигуру вознамерилась сама владычица Зеленого Королевства («владыка» – титул братьев и сестер королей Зеленого Королевства. В анналах истории Соединённого Королевства упоминаются только два владыки: Сингариэль – брат короля Лузановиэля и Элтуана – сестра Кириана Летящей Стрелы). Мое «нет» – может быть принято Салидасом, как оскорбление или того хуже, как унижение его сестры и всего Тумиль'Инламэ. Поэтому, здесь только уместно – «да, я чрезвычайно счастлив!»

Эх, эх... приноравливаться к кому-то, выполняя ответственное задание, не входило в мои планы... Хотя, если посмотреть на это с иной стороны то, кто из людей современности горазд похвастаться тем, что с ним захотела путешествовать эльфийка? Никто! Если продолжить ковыряться в этом прецеденте и отметить, что эта эльфийка дочь того самого Легии Аторэ, то мое восклицание – «никто» видоизменится на «вообще никто и никогда»! Никто в квадрате! Ну и теперь серьезно. Обузой она не станет мне – это точно. Так чувствовать меч, а у меня на это глаз наметан, дано не каждому.

Я встал со стула и, чуть поклонившись, сказал:

– Тогда я стану вашим щитом от Соединенного Королевства, миледи.

Аска вдарил кулаком по столешнице с такой силой, что кубки с него полетели на пол.

– Верно, кабан Карака тебя подери! Верно! Калев тоже вашу принцессу в обиду не даст! Соединенное Королевство своих друзей не бросает!

– Даже я тут согласна с генералом, – прокомментировала Серэнити. – На Калеба можно положиться на все сто.

Фридлейф, чуть шевельнув ушами, (нет, уши у альвов не размером с суповую плошку. Они такого же размера, как и у людей, только чуть заостряются к кончикам) сказала:

– Пусть так, Фиалковый рыцарь.

Аска поманил к себе какого-то из зала, а я внимательно поглядел на эльфийку.

Хоть и ниже своего брата, она была все же высокой – ее рост я бы оценил где-то под семьдесят дюймов. Волосы у Фридлейф Аторэ (переплетенная тугая коса) имели оттенок песка, а очи – грозового облака, кобальтовый. Все черты ее лица: нос, лоб, губы, скулы – представляли собою совокупность четко выверенных пропорций. Так скульптор мог бы вылепить свою музу мечты. Кожа Фридлейф дышала молодостью и ухоженностью. Она будто бы сияла! Красота эльфийки была идеальна и неоспорима. Хрупкая, но в то же самое время по-кошачьи ловкая и гибкая, Фридлейф излучала уверенность и спокойствие. Ее легкий серо-зеленый доспех прикрывал длинный шерстяной плащ, застегнутый у горла фибулой в виде лунного полумесяца. У пояса эльфийки, рядом с ножнами Филиринилия, притаился изогнутый кинжал, а за спиной висел колчан и рекурсивный лук.

– Значит Калек и Фридлейф, – мягко промолвил Салидас.

– И Малыш Брюм! – гаркнул Аска, обращая наше внимание на... человека. – Теперь я вас благословляю!

Брюма, без всяких сомнений, Малышом величают только лишь в шутку. На самого рослого тут из нас (какого-то эльфа) он глядел сейчас сверху вниз. Его крупная голова с розовыми ушами некогда пострадала от «обширной плешивости» – щеки, подбородок, брови и макушка Брюма были лишены каких-либо волос. Уже и без того выразительное лицо великана, еще как-то совмещало в себе тонкие девичьи губы, бугристый нос с сеточкой вен, лоб с коряво вытатуированной звездой Ураха и глаза... да, такие глаза не так часто встречаются. Нет, в их радужке нет ничего необычного – карие, а вот сам взгляд. Точно таким обладает Птикаль из моего замка Шато. Исполин, закованный в безупречную броню рыцарей-плютеранцев, был умственно неполноценным. Брюм с интересом нас осматривал, беззлобно хмыкал, шморгал и поигрывал громадным молотом, примеряясь им то к одному предмету на столе, то к другому. Потом, глядя на Аску, он изрек:

– Что расплющить Колотушкой?

– Пока плющить ничего не надо, но это только «пока», Малыш! – хохотнул генерал.

– Малыш Брюм, – с сомнением в голосе протянул я.

– Брюм, – подтвердил Малыш Брюм, широко расставляя ноги. – А ты?

– Калек.

Выдержав секундную паузу, я спросил:

– Я не совсем понимаю тебя, Аска. Что значит «теперь я вас благословляю»?

– А что тут понимать? Ты и Фридлейф, уверен, ребята не промах, сами за себя постоять можете, но... В столкновении с вампирами или живорезами, куча на двоих, одной магии и плясок с мечом будет маловато. (Видя, как я поднимаю палец вверх, Аска, чтобы не дать мне возможности вставить слово, заговорил громче) Вам нужен «таран». Тот, кто раскидает «погань» перед вами. Надежный. Бесстрашный. Верный. Здоровый, как гора. Брюм такой. Он мой лучший воин и самый любимый мальчик.

– Отец? – пророкотал Брюм, косясь на Аску.

Фридлейф и Салидас переглянулись, и вслед за этим король полюбопытствовал:

– Ты его родитель?

– В каком-то смысле да, ваше величество. Один из них. У Малыша их три, – отозвался генерал, после чего обратился к Брюму:

– Перечисли мне своих папочек.

– Урах, Аска, Вильгельм, – пробасил Брюм.

– А кто из них есть кто? – попробовала узнать Серэнити. В ее очах я прочел неподдельную жалость.

– Урах – Бог. Он Главный из отцов. Отец всем. Аска – второй отец. Вильгельм – третий отец, ему служит мой отец, поэтому он тоже отец.

– Умница, Малыш! – похвалил Аска, потом генерал как бы нехотя проворчал:

– Я наткнулся на Брюма, когда он вот такую–у–у–сенький был, как вон та ваза. Больной чахоткой и голодный, этот волчонок слонялся по Мышиной Дыре, неблагополучному району Шальха, и искал своего папу. Я тогда сказал ему – «ты нашел меня, Малыш. Я отведу тебя домой».

– Мой Дом – там, где мои братья! – раздувая ноздри, подтвердил Брюм. Гигант стащил щит с кирасы, и, обведя им вокруг нас, так чтобы мы увидели герб его Ордена (орел, сидящий на крепости), повторил: – Дом!

– Да, мы – рыцари–плютеранцы стали для Малыша братьями, казарма – Домом, а молельня – местом отдыха и духовного просвещения. Он любит меня, Ураха и Вильгельма. И не раздумывая готов отдать за нас свою жизнь.

– Но Вильгельм Темный умер, – промолвила Великий инквизитор. – И кто будет для Брюма новым отцом пока не ясно.

– Поэтому я и не говорил Малышу об этом... Однако это упущение и я его сейчас исправлю, – обронил Аска, косясь на Серэнити. – Брюм, теперь он (генерал ткнул на меня) твой старший брат, и «он» (перст перешел на Фридлейф) тоже брат.

– Хорошо, – рявкнул Малыш. – Раз ты так говоришь, значит, они оба мне братья, отец! И один из них старший брат!

– А почему ты назвал меня братом, Аска? – изумилась Фридлейф Аторэ.

– Брюму не понятна разница между мужчиной и женщиной. Поэтому для него нет сестер. Все братья. Так проще.

Генерал–плютеранец притянул Брюма к себе (оба огромные, они походили на двух медведей).

– Мы смертны?

– Нет!

– Правильно! Твой отец Вильгельм ушел на Небо к Главному Отцу – Ураку.

– Значит, на Земле у меня осталось два отца!

– Слушай и не перебивай меня. У Вильгельма есть брат – Фабиан. Он в опасности. Ты должен его спасти.

– Спасти брата отца! – сам для себя утвердил миссию Брюм.

– Да. Когда ты это сделаешь, Фабиан станет для тебя третьим отцом. Вместо Вильгельма. Ему ты будешь должен повиноваться как мне. Ты уяснил?

– Будет снова три отца!

– Именно так.

– Кого шмякнуть?!

– Тебе это покажет твой старший брат – Калёб, – сказал генерал–плютеранец. – А так шмякать тебе предстоит всю нечисть, что и вчера.

– Га! Мне это по нутру! Раздавить и выкинуть!

– Аска, я польщен, что ты заботаешься обо мне и посылаешь со мной Брюма, но...

Я стал подбирать приличествующие ситуации слова.

– Ты упускаешь из вида то, что я не могу взять его с собой, хотя бы потому, что Юнивайн, если он даже откликнется на мой призыв, не унесет на себе три наездника! Меня и Фридлейф – да, вместе с Брюмом – нет.

– Я не сяду на Юнивайна, – категорично произнесла эльфийка. – Я поеду на Люгли. Это мой друг, единорог. Он не отстанет от призрачного коня.

– Отстанет! – уперся я.

– Ненамного, – бесстрастно парировала Фридлейф Аторэ.

– Нам важна скорость!

Я повернул голову к генералу.

– И, прости меня Аска, но соображать в Вестмарке надо будет тоже быстро. Если Брюм где-то «высунется» не там где нужно, то его стальные мускулы и молот нас уже не уберегут!

Я тяжело вздохнул.

– Ничего личного, но из-за Малыша все наше предприятие может лопнуть, как мыльный пузырь. Я против того, чтобы Брюма зачислили в мою команду.

– Калерб, сейчас тобой руководит здравый смысл, однако, в особенных случаях, у Вселенной есть на кого-то Свои собственные виды, – негромко промолвил Салидас Аторэ. – Доверься моему чутью. Не отвергай Брюма. Провижу, что он тебе пригодится.

Я перевел взор на Серэнити.

– Ты меня знаешь. Я всегда и во всем опиралась только на себя... Ты мне показал, что это не правильно. Бывают моменты, когда достигнуть результата возможно, только если действовать сообща. Я так же, как и король Салидас, чувствую, что Брюм будет тебе полезен. Да, Юнивайн, конечно, способен принести тебя в Вестмарку скорее, если поскачет один. Но «скорее», еще не значит, что это будет «своевременнее». Пусть даже и в нашем случае.

– Если Юнивайн не отзовется, то Люгли все равно не позволит тебе сесть на него сверху, – сказала Фридлейф. – И тогда мы пойдем пешком, Фиалковый рыцарь.

Я развел руки в стороны.

– Пусть будет по-вашему.

– Решение принято. Пора в путь, – утвердила Серэнити.

– Гвардия Ураха, на выход! – тут же гаркнул Аска своим рыцарям-плютеранцам. – Братчет! Эй, Братчет! На тебе Тень! И не вздумай его потерять где-нибудь, а то его злобная Купель обернет тебя обратно свиньей!

– Слушаюсь, генерал!

Аска обнял Брюма, а потом стиснул меня.

– Даст Бог, увидимся!

Следом, Салидас Аторэ, разомкнув руки за спиной своей сестры, произнес:

– Возвращайся, Фиалковый рыцарь!

– Непременно!

Серэнити Темная подошла ко мне последней. Ее глаза-айсберги неотрывно смотрели на меня.

– Ну... пока, дорогая!

– Шаттибраль. Я тебе не дорогая, не родная и не любимая!

– Опять начинаешь? Ты сама отказалась, чтобы я относился к тебе, как к внучке Нолда Темного. Так что... До свидания, моя драгоценная!

Великий инквизитор пропустила мою шутку мимо ушей.

– Я буду ждать тебя с Фабианом или, по крайней мере – твою весточку о том, что принца уже нет в живых. От тебя зависит, каким станет Соединенное Королевство уже «завтра».

– Я постараюсь, вернуть Фабиана... Если это еще возможно. Только если...

– Если что?

– Если в Вестмарке из него сделали вампира? Тогда, что?

Серэнити поглядела на вереницу выходящих из Кузнецы Ураха людей и эльфов. Когда последний из них покинул Тысячелетний Гром, Великий инквизитор глухо сказала:

– Мое мнение относительно вампиризма не поменялось. Он – несмываемое клеймо. Он разложение, ниспосланное нам Назбраэлем. Любой, кто попадает под укус Его кровожадных тварей – втягивается под колпак Тьмы. Кому из них, из навечно проклятых, подвластно побороть в себе шлак Зла? Никому.

– А как же Грешем?

Серэнити отрицательно помотала головой.

– Он доказал, что... мы для него небезразличны. Да. И даже я это признаю. Сейчас Грешем борется за «нас». Однако... У меня есть привычка все подвергать сомнению. Нельзя отрицать, что ты полезен Грешему. Ты и Эмилия. Он учится у вас. Но, что если за обучением кроется лишь сиюминутная выгода, а не искренняя дружба? Вампиры бессмертны и ты для Грешема можешь оказаться не более чем ориентиром к его могуществу. Я сама видела, что умеют вытворять его клинки. Вооруженный не только ими, но и магией, Грешем, спустя годы, а то и раньше, займет нишу «мастера». И ты думаешь, что после этого Назбраэль не обратит на него Своего внимания? Если так – то ты глубоко заблуждаешься. Мне известны случаи, когда Повелитель Ужаса, посчитав цель достойной, приближал выбранную душу к Себе. И после этого уже ничто могло спасти ту душу. Она преобразовывалась в угоду Назбраэлю – Его амбиций и Его постоянного желания причинять всем боль. Понимаешь? Исход тут тогда будет только один.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что Грешем – это нонсенс среди вампиров, недосмотр Назбраэля, Его упущение. Он не такой как его соплеменники. Но все может поменяться в одночасье и к этому надо быть всегда готовым.

– Спорить с тобой в эту минуту я не намерен. Поэтому давай все-таки вернемся к Фабиану.

Серэнити не мигая уставилась на меня.

– Королева Констанция Демей умерла за Свет. Пусть и Фабиан для нас тоже останется Светом. Даруй ему последнюю милость.

– Ты отсекаешь любую перспективу... Ты же помнишь, что я смог вылечить свой вампиризм у ворожей? Всегда есть вероятность, как-то изменить положение вещей...

– Если она у тебя будет – действуй, но только не затягивай, – поколебавшись, дала добро Серэнити.

Я улыбнулся своей подруге.

– Ты тоже теперь «свободна». Яд ушел из тебя.

– Живая Вода... Да. После Величия Света я ощущаю себя иначе. Странно. Я как будто бы внутреннее преобразилась... К этому надо привыкнуть...

Великий инквизитор замолчала, но потом добавила:

– Благодаря тебе я не умру.

– Возможно уже никогда. Думаю, что ты стала бессмертной.

– О таком ли я мечтала? Но спасибо...

– Ты же знаешь, что я всегда в лепешку разобьюсь, но друзей в беде не брошу. И... И, верь мне, Фабиан вампиром не будет.

Серэнити растянута губы в улыбке.

– Кажется, я стала понимать, почему Констанция Демей и Элизабет Темная так тебя ценили. Ты всегда говорил им то, что они хотели услышать.

– И неизменно это выполнял.

– Самоуверенный ты, Шаттибраль.

– Такой уж я.

– Я не прощаюсь с тобой.

– Такую роскошь тебе уже никогда не получить, – рассмеялся я.

Великий инквизитор хмыкнула и, не оглядываясь, поспешила к дверному проему. Спустя минуту затрубил рожок – это Серэнити, Аска, Тень, Салидас Аторэ, и все те, кто выжил в Битве против Вестмарки и Хрипохора, направились к рубежам Соединенного Королевства, в Карак.

Малыш Брюм отрешенно таращился на роскошные гобелены, свисающие с потолка, а Фридлейф расчёсывала гриву Люгли. Даже среди собратьев единорог отличался красотой и благородством.

Я почесал затылок, а затем сказал:

– Я попробую вызвать Юнивайна. Если он «придет», то мы с тобой, Брюм, скачем на нем. Если же ответа от призрачного коня не поступит, то я, чтобы узнать путь к Вестмарке, обращусь к Запретному Ремеслу.

– Хлопнем или шлепнем! – возликовал Малыш, подкидывая в воздух, а затем ловя свой пудовый молот.

Такой трюк впечатлил бы даже Дурнбада.

– Начинай, – мелодично обронила Фридлейф Аторэ.

Я вынул из сумки Кампри – Камень Призыва, преподнесенный мне ворожеей Петраковель в Оплоте Ведьм, и швырнул его об плиты. Не долетев до тверди нескольких дюймов, шарик загудел. Его сапфировые створки завибрировали, но не открылись. Видимо у Юнивайна имелись свои заботы, и ему было не до меня. На всякий случай я кинул Кампри еще раз – и ничего.

– Что же, мы, как видите, пока в планы Юнивайна не входим.

Чертить изуверские шестигранники в Тысячелетнем Громе было бы кощунственно (и ой, как небезопасно!), поэтому я, поманив за собой Брюма (нахлобучив на себя шлем, он покорно пошел следом), двинулся за стены бастиона.

Перисто–кучевые облака волнами стелились по небу. Однако солнце они собою не заслоняли. Я подставил лицо теплым лучам, а затем поморщился и улыбнулся. Мне было необходимо настроить себя на то, «что» я намеревался сделать. А конкретно на воспроизведение ритуала скорбного и потустороннего. Выискав полянку без всякой растительности и подобрав палочку, я принялся разводить линии заповедного круга Тьмы. Я хотел поймать в его сети какого–нибудь неуспокоенного духа, витающего неподалеку от Тысячелетнего Грома (если такой тут вообще есть после Величия Света).

Приблизившись, Фридлейф поморщила нос.

– Мне ведомо, что значат эти символы. Тот – «запрет», этот – «приказ», а вон тот – «плен». Ты используешь руны Назбраэля. Падшего и завистливого Бога Тьмы.

– Да, – подтвердил я, не отрываясь от своего занятия. Помолчав, я сказал: – Это не доставляет мне радости.

– Тогда, что побудило тебя изучать магию Смерти?

– А ты откуда знаешь, как эти письмена расшифровываются? – вопросом на вопрос ответил я.

– Я тренировалась в залах Лусфира. Это святилище–храм, в котором альвы раскрывают в себе таланты и до предела их оттачивают. В Лусфире, на его площадках, я уяснила себе, что я «воительница луны». Я посвятила себя «боевому танцу», «языкам» и «разгадкам тайного». Днем я до седьмого пота занималась с мечом, а вечером читала инкунабулы о волшебстве и учебники по лингвистике.

– Ты говоришь на диалекте Соединенного Королевства без всяких запинок, – с ноткой восхищения сказал я. – Но, ведь, за минувшие столетия он неимоверно изменился! Ну, то есть, он отличается от того, которому ты научилась изначально.

– Вчера я целый день слушала вашу речь. Теперь нужные слова сами собой всплывают во мне, – пожала плечами Фридлейф. – Наверное, это мой талант.

– Молодец, худой, щуплый брат! – оценил Малыш Брюм.

– Спасибо, – улыбнулась Фридлейф Аторэ (по–моему впервые).

– Разрешешь мне еще поспрашивать тебя? – осведомился я, выводя партитуры дурного толка.

– Разумеется. Как в этот момент, так и в последующие за ним.

– Ничего, что я с тобой, владычицей Зеленого Королевства, сразу перешел на «ты»? Этикет, с позволения сказать, в аванюре такой, как наша – излишен.

– Ты – Фиалковый рыцарь. Ты принес элизий–Хиловису Салидасу. Ты поборол жутких и бедных Легию и Пиримизля. Ты поспособствовал пробуждению Тумиль’Инламэ и всех альвов. Для тебя, весь мой народ – родичи.

– Я польщен!

– Если ты прельстился чем–то, то это порок, старший вороний брат (наверное, в самом себе рыцарь–плютеранец соотнес мои черные одежды с вороном), – серьезно оповестил меня Брюм. – Ураку пороки противны. Помолись, постой коленками на горохе, и Отец простит тебя.

– Эм, непременно! Горох!

Я придиричиво осмотрел пентакли, после чего вновь заводил палочкой по земле.

– Итак, Фридлейф, ты обмолвилась о том, что ты воительница луны. В нескольких манускриптах, которые я штудировал по молодости, мне встречался этот термин. Насколько помню, он относится к какой–то боевой касте альвов, верно?

– Воины и воительницы луны – это элита защитников Зеленого Королевства, – с гордостью ответила Фридлейф, поправляя выбившийся из косы локон. – Неуловимые, словно дыхание, и смертоносные, как дракон, воителей луны боялись все живорезы Великого Леса. Так было раньше... До прихода Захваша. Ныне, я последняя, кто носит на плаще «полумесяц».

– Пока ты единственная воительница луны, да, но появятся и другие, ведь Лусфир вновь принимает учеников. Может, потом, именно ты и будешь наставницей для тех, кто захочет стать стражем Зеленого Королевства.

– Ты мыслишь позитивно.

Оторвавшись от почти законченного шестиугольника–узора, я спросил о том, что мы уже затронули в разговоре:

– Ты сражалась с Ним? С Захвашем?

– Кому устроить «оладушки», братья?!

Я увидел слезы в глазах Фридлейф Аторэ.

– Мой отец и дед спрятали брата в пещере Гомивальда. Так было надо. Хотели и меня тоже туда запихнуть, но я воспротивилась! Наотрез отказалась! Я воительница луны! Я... Они уступили мне... Да... Бог–Идол был ужасен в своем могуществе. Но альвы Его не убоялись. Мы ряд к ряду вышли из Тумиль’Инламэ и сцепились с ордой Хрипыхора. Видимо–невидимо их стянулось к порогу Зеленого Королевства. Летели стрелы, лилась кровь, казалось, что вот–вот и мы победим. Но сеча все продолжалась и продолжалась, долго, очень долго, потом... Захваш... Бог–Идол вдруг схватил деда Пиримизля, и это ввело в неистовство всех живорезов. Они будто бы обезумели... Тогда отец благоразумно увел нас обратно в город. Мы молились, о, как же мы молились! И Урах услышал нас! Подле Ураграммы возник святой Всеотца Джад–дед Хар и мать матерей наших – Сирвилла. Сирвилла покровительствовала моему отцу. Этот меч (Фридлейф тронула рукоятку клинка), Филириниль, она отковала специально для него. Сирвилла заговорила с Легией, предлагая пойти с Захвашем на мнимую сделку, чтобы потом напасть на Него и выволить Пиримизля из плена. Сирвилла... Одно ее присутствие рядом с нами давало надежду. Отец согласился на ее план.

По щекам воительницы луны побежали прозрачные струи.

– Легия, Джаддед Хар и Сирвилла, втроем вышли из Тумиль’Инламэ, а мы остались ждать... Взрыв! Он и поныне всплывает в моем разуме огненным колесом! Захваш вошел к нам под Кров и простер на нас Свою мерзкую длань. Дальше я уже ничего не помню. Я очнулась и увидела тебя с Настурцией и Салидасом.

В своем рассказе Фридлейф Аторэ затронула Джаддед Хара – соратника Ураха, который в летописи Соединенного Королевства вписан, как Джед Хартблад. По замыслу Всеотца он стал Его сосудом–хранителем и одним из четырех сегментов–ключей к Пророчеству Полного Круга. Высокий, худой гуманоид с лысым черепом, синими зубами и глазами–брильянтами – так он выглядел, когда предстал передо мною в Мил’Саак, башне Милтара Бризза. Но не внешность запомнился мне Джед Хартблад, а своими словами, касающимися Бога Света и событий, отдаленных от нашего времени пропастью лет. Он сказал (две цитаты я воспроизведу их почти точь–в–точь): «Моё имя гремело от одного края Великого Леса до другого. Мягкошёрсты, эндориты и люди боялись меня пуще огня!» и еще: «Лучше поторопитесь, а то Урах сдерёт с вас кожу и сделает из нее воздушные шарики». Заявления Джеда Хартблада идет в разрез с тем героическим образом, о котором молвил Салидас Аторэ, а теперь и Фридлейф. По их уверениям колдун, помазанный Урахом, наоборот, был для Зеленого Королевства эгидой и защитой от Хрипохора и порождений Бездны. При первой встрече с Салидасом Аторэ у меня выскочил этот факт из головы, не до того было, а сейчас... Нет! Что–то тут упущено! Какая–то основная деталь! Ведь и Альфонсо Дельторо отзывался о Джеде, как о прообразе Духа Зелени – ласковом покровителе Энгибара и всех животных! Хотя и Эмириус Клайн, и Цхева – они тоже изменились...

– Фридлейф, ты видела Джаддед Хара... каков он?

– Как выглядит?

Вспоминая, эльфийка подняла взгляд на шпили Тысячелетнего Грома.

– Как и Сирвилла он полнится светом! У него короткие, чуть вьющиеся каштановые волосы, очи цвета сочного мандарина, а улыбка – такая белоснежная, что кажется то не зубы во рту, но кусочки первозданного льда! Джаддед Хар... Этого не объяснить иначе, как... Он сосредоточение любви Всеотца. Когда он проходит мимо тебя – сердце трепещет от радости! Сразу хочется улыбаться и петь! Он кроткий, застенчивый и непостижимо умный. Снискав высшее доверие Ураха, Джаддед Хар несметное количество раз обращал выроdkов Хрипохора в бегство.

– Я спросил тебя не просто так...

Я поведал Фридлейф о своих мыслях и сомнениях.

– Тот, кого ты видел, не был Джаддед Харом, – с ноткой грусти сообщила Фридлейф Аторэ. – Вернее не так, твой Джед Хартблад – это некая часть Джаддед Хара – перевернутая индивидуальность–двойник, принесшая альвам много горя. Это сложно осмыслить... Джаддед Хар, как он сам, при мне, изъяснил королю Пиримиэлю, некогда попал в западню Назбраэля. Пытаясь уничтожить слугу Ураха, Властелин Мира Тьмы вторгся в его душу. Чтобы избежать гибели, Джаддед Хар пошел на отчаянный шаг. Он разделил самого себя на две личности, два создания – на Джаддеда и на «второго» Джаддеда, для упрощения назовем его по–вашему – Джедом Хартбладом. На «сохранившего в себе свет» и на «второго», уже порабошённного теургией Мрака. Став чистым сиянием, Джаддед ухитрился выскользнул из лап Мира Тьмы, оставив в путах опухоль ненависти и изуверства – Джеда Хартблада. Это взбесило Назбраэля, но поделать с этим Он уже ничего не мог. После всяческих мытарств, Властелин Мира Тьмы, наигравшись, закинул Джеда Хартблада в Великий Лес. Чтобы тот чинил разрушение, катастрофы и всяческие беды в Его угоду.

Прервав речь всего на секунду, воительница луны продолжила:

– Их теперь два. Джаддед Хар и Джед Хартблад. И «второй», всегда множил ложь, и ты по наивности попал в ее сети. Урах никогда и ни с кого не срывал кожу, и уж тем более не мастерил из нее шарики. Как только такое можно было выдумать?! Урах – Вседержитель! добро во Всем! То же и об ином обмане, о напыщенном самомнении; О Джеде–мерзавце в Соединенном Королевстве и слыхом не слыхивали. Да, для всех кто жил в Великом Лесу он

был, как кость в горле, но люди и мягкошерсты от него притеснений не получали – одних хранил Сам Урах, а других Кашеак.

– Твои уточнения для меня бесценны. Спасибо тебе за них. Однако во мне по-прежнему есть недостающие пазлы. Получается вот, что: Я согласен с тобой, что по всем признакам я общался со «вторым», с Джедом. Хищный, лицемерный, и прочее – тут его не перепутаешь. Но именно он и был сосудом–хранителем Всеотца! Как так вышло, что вместилищем благодати Ураха остался он, а не «светлый» Джадд Хар? И еще, когда к нему обращались Эмириус Клайн и Цхева, я не заметил того, чтобы они считали Джеда ненастоящим или нецелым. Почему? Следует так же задаться вопросом – где же «светлый» Джадд Хар? И как он допустил то, что в Килкваге, как у себя дома, поселился его «черный двойник» Джед Хартблад?

Фридлейф поглядела на ковыряющегося в носу Брюма.

– Тут я тебе не подскажу, потому что знаю не больше твоего.

– Для мира, пока ты спала, миновали целые эпохи, но некоторые загадки так и остались загадками.

– Это так, но для альвов Зеленого Королевства ничего не изменилось, – твердо сказала Фридлейф Аторэ. – Сновидение–миг. Как и раньше, мы будем жить, любить и поражать живорезов, где только можно и нельзя.

– Я с тобой, брат! Твои враги – мои враги! А враги моих врагов – тоже враги! Потому что все враги, кроме братьев! – громко возгласил Малыш Брюм, от избытка чувств наступая стальной пяткой мне на ступню.

– У–у–у–у! – взвыл я, прыгая на одной ноге.

– У–у–у–у! – солидарно подвыл Брюм, так же подскакивая всей своей громадной фигурой.

Мой шестигранник засветился сам собой и уже третий голос, сладкий, как мед, так же пропел:

– У–у–у–у–и–и!

Кляня себя, на чем свет стоит, что где-то допустил ошибку и «призыв» произошел раньше (сам по себе!), чем на рунический круг были наложены обереги от Тьмы, я, поджимая под себя ноющую ногу, выставил перед собой Лик Эбенового Ужаса. Череп посоха ехидно осклабился пламенем. Брюм завел Колотушку за лопатки, а Фридлейф оголила оливковое лезвие Филириниля. Хлопок в ладоши... и мы все попадали там же, где и стояли.

– Мои конфеточки, я же вас не «сильно»?! Это только за тем, чтобы вы ненароком мне не навредили!

Из сверкающего шестигранника вышла улыбающаяся суккуб. Одета в сапожки, черные облегающие штаны и белую блузку на завязках, она сложила за спиной кожаные крылья и задорно покрутила хвостом.

– Софи!

– Он помнит! Помнит! Калеп мягонький калачик! – растроганно засюсюкала суккуб, помогая мне подняться. – Оу! Тут и эльфийка! И такой весь из себя грозный мужчина! Всем приветули!

– Кто она?! – настороженно спросила Фридлейф Аторэ, выставляя Филириниль и кинжал перед собой.

– Шмякнуть, как надо! – свирепо гаркнул Малыш Брюм.

– Стой! Она мне брат! – осек я рыцаря–плютеранца, вновь вздымающего молот.

– Но у «него» рога и крылья! Шмякнуть обязательно! Расплющить! Он Тьма и я втопчу Тьму в грязь!

– Они «накладные», ненастоящие! Для маскарада! Для праздника!

Нахмурившись, Брюм повторил:

– Для праздника? А для какого?

– Для Дня Всех Святых!

– Получается, что «он» тоже брат, раз об этом мне говорит старший брат. Да? Отец же сказал мне слушать старшего брата.

– Да!

– Ммм! Калебушек–хлебушек? Что за игры?

Суккуб высунула язычок и кокетливо зажала его в уголке губ.

– Хочешь, чтобы я притворилась твоим братом, а потом вдруг оказалась горячо обожающей тебя сестрой? – промурлыкала Софи мне на ухо. – О, да! Мне это по нраву! Сестра долго выдает себя за брата, чтобы войти в доверие, а потом...

– Нет! – оборвал я странные и не понятные мне фантазии суккуба. – Для Брюма все друзья – это братья! Сестер для него нет!

Софи сфокусировала свои выразительные фиолетовые глазки на Малыше, затем понимающе вздохнула:

– Брюмчик–Тугодумчик. Ага.

Вывернувшись из рук суккуба, я попросил:

– Представься, пожалуйста, остальным.

Пройдясь взглядом по Фридлейф, суккуб утробно сказала:

– Я Сол'Фимитриэль. Но для таких ватрушек–плюшек, моих близких и родных, как Калек, я – Софи, Софушка или Софиичка.

– Значит, вы знакомы, – не опуская Филиринию, подозрительно спросила Фридлейф Аторэ. – Она опасна?

– Как и все суккубы Мира Тьмы, – честно ответил я. – Но у нас с Софи есть общее дело, поэтому сейчас, так сказать, нам ничего не угрожает.

Тем временем Сол'Фимитриэль, достав из-за пазухи зеркальце и губную помаду, принялась наводить марафет.

– Красный! – огласил Брюм. – Зачем ты малюешь себе рот?

Софи вскинула бровки.

– Этот цвет нравится «тому» твоему брату.

– Неправда! Я склонен ко всему черному! – возмутился я.

– А на губках к красному, – бесстыже подмигнула мне Сол'Фимитриэль.

– Софи, хватит меня забалтывать! Я собирался вытянуть из Великого Леса какую–нибудь скитающуюся горемычную душу, чтобы разузнать, как мне добраться до Вестмарки, а явилась ты! Либо я заблуждаюсь, либо ты пришла с новостями о Бингсе Флаерсе!

– Кто такой Бингс Флаерс? – уточнила Фридлейф.

– Это длинная история, – проворчал я.

– Ты преувеличиваешь, мой обворожительный мармеладный ягненок! Ничего не длинная!

– Я не твой мармеладный ягненок!

– А чей?

Суккуб озабоченно заморгала, а затем огляделась.

– Той же нимфетки с зелеными глазами и каштановыми волосами тут нет. Или есть? Настурция, ау! Выходи, не прячься! Настурция–я–я!

– Твои заклятия заставят ее рассказать, где лежит Вестмарка? – задала вопрос Фридлейф Аторэ.

– Хмм, – глубокомысленно изрек я.

Точнее точного, что Сол'Фимитриэль «пришла» к нам сама. Суккуб уловила мои чаро-творения в Космической Выси и переступила черту между реальностями, раньше, чем я сложил иероглифы–оковы в общий рисунок. То есть на Софи, как на высшее создание Тьмы, ныне не действовали какие–то метафизические ограничения. Внезапность, с которой Сол'Фимитри-

эль смогла вклинить в мои только зреющие колдовские начертания, говорят о ее громадном опыте в манипуляции различных мистерий. Если бы Софи сейчас желала причинить нам вред – у нее бы могло это получиться. И это в некотором роде страшно.

– Я, конечно, могу, и более того – сообщу, где расположена эта забавная страна Вест-марка, – утвердила суккуб, опять подходя ко мне вплотную и обвивая руками мою шею. – Но чуточку попозже. Ладно? Ты же интересуешься, кто такой Бингс Флаерс, Фридлейф, вот о нем – то давайте и поговорим.

Поворошив мои волосы тонкими пальчиками, суккуб укрыла меня своим крылом.

– Так тебе тепло?

– Пожалуйста, прекрати! Сейчас лето и мне не холодно! – попросил я, делая шаг назад. – Бингс Флаерс! Что тебе известно о нем нового!

– Мой ты муси-пусик! Неуютно тебе под крылышком?

– Да!

– Ну, не злись, бубличек! Хотя, когда ты так дуешь свои щечки, ты становишься такой лапушка!

Суккуб легонько потрепала меня за ремень.

– Совсем исхудал с этими гулянками! Прекращай! Это плохая диета!

– Софи!

– Твой голос! Как ты произносишь мое имя! Ахх! Если ты будешь к Софи еще иногда добавлять – ослепительная или элегантная, то я за себя не отвечаю! Унесу тыковку с собой, и никто ее не найдет!

– Она пытается тебя соблазнить! – возмущенно выпалила Фридлейф Аторэ.

– Нет!

– Разумеется, что нет. Ведь ты и так мой, персик!

– Нет!

– Никак не согласится! Ах! Но я работаю над этим!

Сол'Фимитриэль уселась на камень и томно подперла кулачками подбородок.

– Ну? Приступим? Наверное, я начну с начала, да, Калебулечек? Ведь твои друзья все равно увяжутся за тобой.

– Брат за брата, так за основу взято! – прогреготал Малыш, кладя на Фридлейф свою медвежью руку. Эльфийка аж согнулась.

– Бингс Флаерс – очаровательный маг и хитрец, но сумасшедший! Аха–а–ха! Абсолютно и бесповоротно! Бингс коллекционирует «ненависть» разных незаурядных личностей. Видимо ему не хватает азарта в жизни, и так он щекочет себе нервы. До недавнего времени Бингс Флаерс бегал от всяких мегер и фурий, сходил с ними в поединках и снова пускался в бега. Выбирал он целью себе всегда кого посерьезнее и помаститее. В общем, развлекался, мальчик, как только мог. Но однажды ему показалось своих приключений–похождений мало, ну не такие они животрепещущими, наверное, по его мнению были, и он вошел в контакт с моей госпожой Плаймой Осквернительницей...

– Плайма генерал армии Тьмы. Невероятно жестокая и деспотичная искушительница, – брезгливо скривило личико Фридлейф. – Она в фаворе у Назбраэля и стоит наравне с Богами–Идолами Хрипыхора.

– Моя патронесса сочла бы это за комплимент, – добродушно рассмеялась Сол'Фимитриэль. – Действительно, Плайма Осквернительница повелевает всеми инкубами и суккубами, а так же зачинает всякие крупные катаклизмы на разных Планах Бытия. Назбраэль к ней «неровно дышит» и это бесит Его жену – Черноволосую Кобру и Госпожа Черных Свечей, королеву Тьмы Альстад – женщину более чем опасную и ревнивую. Угу. Но сейчас не об Альстад. Так вот, как тут ясно – Плайма всюду на первых ролях. Она топчик! И этот Бингс Флаерс, съехав с катушек, вознамерился поводить ее за нос. При личной встрече, маг как–то умудрился

украсть у моей повелительницы колечко Мелису – такое себе впечатляющее колечко, я вам скажу. Красивое! Плайма, конечно же, дико разозлилась и послала меня возвратить Мелису ей обратно. Опуская некие детали, сразу подведу итог, что задание я провалила и Бингс от меня ускользнул.

Сол’Фимитриэль печально воззрилась на меня.

– Плайма провела про это и схватила меня. Она вынесла мне жесткий вердикт, от которого я неимоверно страдала. Потом ко мне явился Калев–Обольстительный–Герой.

Суккуб послала мне воздушный поцелуй.

– По стечению обстоятельств Калевушек тоже разыскивал Бингса Флаерса. Мы договорились с ним, что если он вызволит меня из западни, то я помогу ему в поисках Бингса.

– Все верно, – подтвердил я рассказ суккуба.

– Мне достанется Мелиса, а Калебу Бингс Флаерс. Бингса я, безусловно, тоже приберу для Плаймы, но позже, когда он перестанет быть нужным Безымянному.

– Для чего он тебе, старший вороний брат? Этот Бингс Флаерс, – покумекав, спросил у меня Малыш Брюм, усаживаясь подле Сол’Фимитриэль.

Вводить или не вводить в курс всех событий своих новых друзей? Я всегда подозрительно отношусь к тем, с кем знаком без года день и неизменно молчу о том, «кто» я, «что» я и «куда» я, но тут – случай исключение. Во–первых, Фридлейф и Малыш Брюм бились за Ураха против Вальгарда Флейта и Дроторогора, что уже выводит их на пьедестал добра и света. А во–вторых, возможно, что Фатум сулит нам много совместных приключений. Да, мы еще толком и не притирались, но доверять друг другу надо уметь уже сейчас. Ложь и недомолвки – семена разлада, которые рано или поздно, но неизбежно, дают свои печальные всходы. Сомнительный, двоякий, нечестный, скользкий – такие колосья–прозвища пожнет потом тот, кто обманывает своих товарищей. И отмыться в будущем от такой грязи будет почти уже нереально.

Малыш потрогал рог суккуба и сказал:

– Твердые. Для праздника?

– Для маскарада, для Дня Всех Святых, – поддержала мои изначальные слова Софи. – Нравятся?

– Ага. Тем, что они твердые, но мои мускулы тверже.

Я вынул из сумки кривую спицу с рукояткой стилизованной под змею.

– Чтобы уколоть его Гадюкой, – ответил я на вопрос Брюма.

По всей вероятности рыцарь–плутеранец уже забыл то, о чем меня спрашивал, но Фридлейф – нет.

– Вначале ты показался мне другим, – холодно произнесла воительница луны, изучающе осматривая Гадюку. – Вон, по острию, лосниться масло. Держу пари, что твоя спица ядовита!

Я убрал Гадюку обратно в «кожаную спутницу».

– Так и есть. Мне глубоко плевать на этого Бингса Флаерса. Я даже его не видел ни разу, но... Он нужен троллю–лавочнику по имени Безымянный.

– Тролля?! А ты тут тогда при чем?! – удивилась Фридлейф Аторэ. – Ты, что?! Состоишь в сговоре с живорезом?!

– Расплющить живореза?! Где он?! – вскакивая, возопил Малыш Брюм. – Прямо по черепашке шмякнуть и раздробить! Колотушкой!

– Тише, тише, дорогой, их тут нет, – попыталась успокоить рыцаря–плутеранца суккуб.

– Ладно, рогатый праздничный брат!

– И да, и нет, – сухо промолвил я.

Фридлейф подошла ко мне вплотную.

– Как это так?! Да и нет?!

– Все куда запутаннее, чем тебе кажется на первый взгляд. У меня есть подруга Эмилия, которую поразило проклятие «Старости» Тауруса Красного Палача. Чтобы его снять, мне

необходимо отыскать осколки некоего фиала – Светочи. Эти осколки разбросаны по всей земле, и только Безымянный может навести меня на их след. За свою услугу тролль попросил меня наказать Бингса Флаерса, расплатившегося с ним за какой-то артефакт кучей зачарованного золота, которое со временем превратилось в обычное железо.

– Если бы ты не был Фиалковым рыцарем, то я бы сочла, что ты несешь какую-то чушь, – тихо сказала Фридлейф Аторэ. – Тролль, владеющий каким-то магазином, собирается обменять тебе свою информацию о Светочи на «отравленный привет» для Бингса Флаерса. Я верно поняла?

– Быть может, это звучит несколько притяннуто, но все действительно так, – отозвался я.

– Фридлейф! Не купись на Калеба, – вступилась за меня Софи. – Твой Фиалковый рыцарь не станет убивать тщедушного Бингса Флаерса. У Гадюки нет такого потенциала. Спица лишь заставит мага приползти к Безымянному, чтобы умолять его о прощении. Ведь, Бингс – вор! А каждый вор обязан сесть в тюрьму или хотя бы раскаяться в своих поступках! Так что, если осветить дело с моральной точки зрения – к Калебу претензий никаких нет! Он выступает в роли возмездия! Исполнителя закона, если угодно!

Я и Фридлейф вместе воскликнули:

– Откуда тебе известно, как будет действовать Гадюка?

– Это ты-то, суккуб, выходец из Бездны, говоришь мне о каких-то раскаяниях?! Не верю!

– А я и не прошу тебя верить мне, – улыбнулась Софи. – Важно то, что ладошки нашего Калебуленьки не обогрятся убийством человека. Тебе же это нужно для себя уяснить?

Склонив головку в мою сторону, Сол’Фимитриэль промурлыкала:

– Условимся с тобой? Давай я стану твоей энциклопедией по всем интересующим тебя вопросам, пирожочек? Знаю, знаю, что ты знаешь о том, что по законам Мира Тьмы за сведения тебе придется со мной чем-то рассчитываться. Но тут у меня все под контролем. Один ответик с меня, одно свидание с тобой.

Суккуб встала с камня и, приблизившись ко мне, взялась разглаживать воротник моей мантии.

– Обещаю, что ты не пожалеешь о нашей дружбе! Пылкой! Темпераментной!

– Свидания?! Свидания – точно нет! А на счет дружбы я подумаю, – выдал я, отцепляя от себя пальцы Софи.

– Уже лучше! Я на верном пути! – хихикнула суккуб.

Скучающий Малыш Брюм вновь крикнул:

– Братя! Шмякнем?!

– Бингса Флаерса, – кивнула Сол’Фимитриэль. – Недавно мне открылось, где он отдыхает-загорают. Калебушек, ты готов сорваться к нему на вечеринку прямо сейчас?

– Как я и подозревал – ты пришла, чтобы воздать мне свой должок! Однако говоришь об этом только спустя полчаса! – нервно выпалил я, внутренне трепеща от того, что клубок, ведущий к возвращению красоты Эмили, обозначил свое начало.

– Не ругайся на меня! Я девушка! И как девушка я использую любую возможность для того, чтобы подольше поболтать с тем парнем, который запал мне в сердечко!

– Ты не исправима!

– Девушка? – повторил Малыш Брюм. – Девушками братья зовут тех, братьев, которые носят юбки. Как по мне – это неудобно. Зачем вообще придумали эти юбки? На них не нацепишь поножи!

– Я не оставляю Калеба наедине с тобой, исчадь Тьмы – это раз, – четко, почти по слогам проговорила воительница луны, смотря то на меня, то на суккуба. – Два – у нас сейчас есть более неотложные дела, чем ваш Бингс Флаерс. Поэтому мы с тобой никуда не идем.

– Ты уверена, эльфийка? Я – нет. Расскажу почему.

– Один и два! – тоже высказался рыцарь-плютеранец.

– Того три! – посчитала Сол’Фимитриэль. – Три – это то, что Юнивайн слышит «воззвания» симпопончика Калеба, впрочем, отклика на них не дает, так как на его круп свалились чрезвычайно важные обязанности. Поэтому заявлю авторитетно – Юнивайна на этой, да и на следующей неделе не ждите. Что же до Вестмарки, то получается, что к ней вы потопаете на своих «двоих», да? Она там, за грядой (суккуб неопределенно махнула хвостом). До нее идти, идти и еще раз идти. Идти и не перейти!

– Тогда что ты предлагаешь? – уточнила воительница луны.

– Короткую дорогу к Бингсу Флаерсу, затем в Вестмарку, – осклабилась суккуб.

– Что это за такая короткая дорога? – насторожился я.

К Фридлейф подбежал Люгли (пока мы все тут общались, единорог гулял где-то у опушки Тысячелетнего Грома). Он забил копытом и недвусмысленно нацелил свой рог на Сол’Фимитриэль.

– Ух, какой красавчик! – по-детски распахивая фиолетовые глаза, восхитилась суккуб.
– Можно мне его погладить?

– Если не хочешь получить дыру в боку, то нет, – процедила Фридлейф, на всякий случай, придерживая единорога за холку.

– Жаль! Обычно животные ко мне благосклонны!

Сол’Фимитриэль надула губки.

– Что же! Бингс Флаерс, как и Вестмарка, очень далеко отсюда, на севере Великого Леса. Но для нас это не проблема. У меня есть котелок – «Дымок», в котором я могу перенести туда тебя–кексика, Брюмчика–Тугодумчика и Фридлейф. Всех кроме единорога. На него места в Дымке не хватит.

– За Люгли не переживай. Он отыщет меня где угодно, – промолвила Фридлейф Аторэ.

– Здорово! – захлопала в ладоши суккуб. – Какой он у тебя умный и восприимчивый!

– Когда разберемся с Бингсом, ты же не забудешь о том, что нам надо попасть в Вестмарку? – уточнил я.

– Как я посмею? Этого же требует мой ненаглядный котенок!

– Что это за Дымок такой, в котором мы куда-то отправимся? – скептически спросила Фридлейф.

– Погодите, сейчас все сами увидите!

Сол’Фимитриэль залезла в кармашек штанов, из которого спустя секунду извлекла миниатюрный котелок без крышки, но с ручкой. Суккуб положила Дымок на землю, потом щелкнула пальцами (на них появилось пламя), после чего стала сверху–вниз сыпать искрами (так приправы добавляют в суп). От соприкосновения с колдовским огнем котелок принялся менять свою форму. Он постепенно расширялся и вытягивался до тех пор, пока не обрел возможность принять в себя несколько человек. Я бы оценил Дымок в пять футов в поперечнике, и где-то четыре в высоту.

– Отец Урах! Маскарадный праздничный брат, ты еще и фокусник! – иступлено заорал Брюм, подпрыгивая на месте.

– Впечатляет, – тоже одобрил я.

– Мне это не нравится, – беря меня за лацкан, сообщила воительница луны. – Суккуб может поднять нас на нем в воздух, а затем просто сбросить вниз!

– Если бы Софи желала нас погубить, то, уверяю тебя, она выбрала бы менее изощрённый способ.

– Если самая короткая дорога в Вестмарку лежит через Бингса Флаерса, и ты веришь этой... Сол’Фимитриэль. Что же, тогда в путь, – без всякого энтузиазма сказала эльфийка.

– Бубончики, лезьте в Дымок! – пропела улыбающаяся Сол’Фимитриэль.

– Раз ты так настаиваешь, – проворчал я, подтягиваясь на двух руках.

Кряхтя, я перелез в волшебный котелок. Дно Дымка хоть и было черно, как ночь, но никакой сажи и гари в нём не было. Я провел по холодной стенке мизинцем – ни пылинки.

Я встал в полный рос и нос к носу столкнулся с суккубом.

– Я часто его мою! Вот такая я хозяйюшка! – похвасталась Софи. – Присмотрись ко мне!

– Если только на досуге, – устав сопротивляться настырному суккубу, согласился я.

– У–и–и–и! Я счастлива!

Сол’Фимитриэль прижала меня к своей груди, так что у меня захрустел позвоночник, но затем, (когда я недвусмысленно захрипел) все же отпустила. Фридлейф в это время что-то шептала приникшему к ней Люгли.

Разминая онемевшие от пылких объятий бока, я помахал Малышу Брюму – мол, айда сюда. Великан, закинув молот и щит за спину, грузно зашагал ко мне.

По моему мнению, рыцарь–плютеранец во всей своей амуниции весил около трехсот фунтов. Очень даже прилично! Я ожидал того, что Брюму не удастся самостоятельно забраться в Дымок и уже приготовился ему в этом хоть как-то помочь, но... не пришлось. Малыш уверенно ухватился стальной ладонью за борт, и следом (как?!) закинул туда же ногу. Усилие... Бзщц! Бахах! Брюм грохнулся, заворочался и вот он уже вновь возвышается надо мной, как пожарная каланча.

– Старший брат! Я тут! – оповестил он меня.

– Сколько же в тебе «дури», что ты так легко преодолеваешь подобные препятствия в своих доспехах?

– Могу шмякнуть или поломать любого, на кого ткнет мой старший брат! А могу и расплющить!

– Хм. Это полезное умение.

– Но только не отца Аску! За отца Аску и отца Ураха я сам ломаю любого брата! В том числе и тебя! (Малыш Брюм поочередно ткнул пальцем на Фридлейф и Сол’Фимитриэль) И тебя, и тебя!

– Шикарно! – скривился я.

– Брюмчик–Тугодумчик по силе среди всех живущих сегодня людей занимает почетное двадцать восьмое место! – оповестила меня Сол’Фимитриэль, предварительно посмотрев в блокнотик, разрисованный кустовыми розами.

– Не кисло. Кстати, классная обложка у твоей записной книжки!

– Я ее сама разрисовала! Могу и тебе что-нибудь разукрасить! Ты только попроси!

Наконец, наговорившись с Люгли, в котелок (котлище!) запрыгнула Фридлейф (только альвам, видимо, дано так плавно совершать акробатические трюки!). Нам было тесновато. Почти касаясь друг друга спинами, мы повернули головы к суккубу.

– Готовы? – осведомилась Софи.

– Да! – хором, но с разными интонациями в голосе, отозвались мы.

– Раз так, то погнали!

Суккуб приподнялась на мысках, потянулась и широко расправила крылья. Вслед за тем она вспорхнула и, сжав в кулак ручку Дымка, потащила его ввысь так, как ветер подхватывает гусиное перышко. Внизу заржал Люгли. Тысячелетний Гром быстро уменьшался в размерах, а небо, наоборот, ширилось и вырастало в объеме.

Вряд ли Софи солгала мне на счет Юнивайна. По всей вероятности призрачный конь где-то носится по своим потребностям или чужим просьбам (ворожеи тоже ему друзья), считая их более значимыми, чем мои докуки. У меня есть догадка, что Юнивайн как-то чувствует, нахожусь я в опасности или нет. Если мне что-то угрожает – в приоритете для себя он ставит меня, если же явной беды со мной не происходит, то «извини, Калек, как разберусь «тут», свидимся». К чему я веду? Да к тому, что Сол’Фимитриэль – это подарок судьбы! Без нее я бы плелся к Вестмарке недели, а то и месяцы! А так, при благоприятном раскладе я «шлепну»

Бингса Флаерса, а потом сидя в Дымке домчу до Арт Паури, Зинат Альфадаха и Лившихтмаха! Кучеряво? Да! Но задаваться не стоит! Как пить дать, все так гладко не пройдет. Ну, там видно будет.

Глава 3. Опасные развлечения неуловимого мага

В моем богатом опыте искателя приключений ранее отсутствовал пункт – полет по небу в громадном котле. Сегодня я смело вычеркиваю это упущение из своей жизни. Насколько же быстро мы сейчас мчимся по надзвездной сфере? Настолько, что меня укачивает, а беднягу Брюма едва не тошнит. Пока Сол’Фимитриэль – суккуб из Мира Тьмы неумолимо машет крыльями куда–то в сторону севера, мы все гадаем (каждый про себя, ибо ветер ревет поистине оглушительно), как долго продлится наше воздушное путешествие.

Суккуб взлетела так высоко, что мои вспотевшие ладони покрылись инеем, а деревья внизу стали различаться глазом, как сплошная буро–зеленая клякса. Вопреки всем неудобствам, мной, разумеется, как и всегда, овладело любопытство. В данный момент, борясь с головокружением и недовольным урчанием желудка, я наблюдал за Софи. Вне всяких сомнений, что суккуб получала удовольствие от того, что оказалась среди облаков. Когда она поворачивала к нам голову, чтобы проверить, не вывалились ли мы ненароком за края Дымка, ее лицо лучилось улыбкой, а фиолетовые глаза сверкали. Отмечу, что Сол’Фимитриэль относилась к своей «поклаже» чрезвычайно бережно.

Суккуб держала котелок в одной позиции и почти никуда его не наклоняла. Страха, как такового я не испытывал пока голос София не произнес у меня (наверное, у всех нас) в голове: – Внимание, я нашла точку Опоры! Иду на разгон!

После этих слов суккуб сманеврировала вправо, и я увидел причудливую грозовую тучу, по форме смахивающую на пончик. Мы пролетели через «дырку» и... Всего пару мгновений назад мне казалось, что мы летим подобно соколу и нашу скорость увеличить уже не получится – я ошибался. Соприкоснувшись пальцами свободной руки с молнией, мигнувшей из дождевой хмари, суккуб засветилась. Следом пространство–время вокруг нас подверглось метаморфозе. Оно вытянулось и свернулось в дугу. Мы ворвались в белый коридор, и шум сразу стих. Даже не так, воцарилось полное безмолвие. Я не слышал ровным счетом абсолютно ничего. Так же пропало и ощущение какого–то движения. Для моего восприятия Дымок и Софи стали статичны и лишь круговерть как–то рывками меняла перед взором антураж–картины, представляющие собой разные узоры и оттенки марева.

Могу объяснить происходящее так: воспользовавшись какой–то особой магией, Софи разогналась до такой степени, что мой мозг, дабы не оказаться под ударом перенапряжения, попросту перестал фиксировать для себя большую часть деталей и подробностей окружающей действительности. Замедленное, заторможенное, избирательное осознание реальности – известный защитный механизм, включающийся у людей, подвергающихся деперсонализации посредством колдовских актов, серьезных травм или событий, выходящих за рамки привычного.

Хоть время, как таковое, приостановило для меня свой бег, я все же думаю, что Сол’Фимитриэль тащила нас по тонкой грани миропонимания не меньше дня. «Белые» волны–инсталляции постепенно подменились «черными», а затем вновь обозначились, как «белые».

В какой–то момент суккуб плавно подняла ладонь вверх...

Гвалт! Ледяной шквал, сдирающий кожу с лица! Калейдоскоп красок перед глазами! Это для нас ритм Бытия вернулся в знакомый ему уклад. Крылья Софи сотрясали высь, как угорелые. Однако, постепенно, их темп пошел на спад. Спустя, где–то полчаса суккуб застопорилась в одной точке, после чего, внимательно оглядев местность, принялась планировать вниз.

Наконец мы опустились на поросшее травой плато. Меня мучило. Несмотря ни на кого из товарищей, я выбрался из волшебного котелка и направился в кусты. Там меня вырвало. Дал так о себе знать вампиризм, от которого я благополучно избавился в Оплоте Ведьм, или

турне по небесным просторам – ответить не решусь, так как причина может крыться, как в чем–то одном, так и в совокупности обоих факторов.

Отерев рот платком, я вышел к друзьям. Пепельно–серая Фридлейф едва заметно дрожала, Малыш Брюм долбил кулаком по своему шлему (так он пытался прийти в себя?), а Сол’Фимитриэль, согнувшись пополам, часто–часто дышала – она устала.

Завидев меня, суккуб выпрямилась, выдохнула, и следом улыбнулась:

– Ты как? Нормально?

– Да, спасибо, я в порядке. Где мы?

– Мы там, где нам надо, золотце! Погоди... Вдруг ты так меня, свою Софочку, успокаиваешь?...

Суккуб потрогала мне лоб.

– Жара вроде нет, но появиться он еще может, ведь, вы, люди, не привычны к резким перепадам температуры.

– Я сообщу тебе, если это случится.

– То самое проклятое логово... – ахнула Фридлейф, снимая с плеча лук.

Спустя миг до меня дошло, почему воительница луны решила вооружиться. С филигранной точностью, мы приземлились у самого края громадной пропасти, такой глубокой, что и не ясно – есть у нее дно или его нет. В Великом Лесу много беспроглядных ям, но такая грандиозная, скорее всего, в нем только одна.

Давным–давно здесь случилась какая–то масштабная катастрофа, приведшая к образованию разлома, который с течением времени принял форму ассиметричного гало. Свет тут имеет поверхностные права, однако там, где он все же теснит мглу, видно, что впадина по большому счету состоит из рыхлого и податливого суглинка. И в этом суглинке, словно оспины на теле чахоточника, проступают безобразные дыры, диаметром фут на фут. Влажные по окантовке, они почти не приметно курятся сизым химерическим паром. Спуск в недра тут тоже намечен – неровная растрескивавшаяся тропа, по эллипсу уводящая к мрачным и чудовищным загадкам.

Допустимо обмолвиться, что все изначальные впечатления вторят о том, что перед нами раскинулся некий исполинский термитник, извращенный грязным и чужеродным оккультизмом. Но это не совсем так. Тогда вопрос – кому же принадлежит это худое место?

По всем признакам мы находимся в преддверии самого крупного, старого и печально известного гнезда ядовитогубых причмокивателей. У Гривирдана. Здесь, в заплесневелых кавернах жуткого города король эльфов Лузановиэль Аторэ, совершив ратный подвиг, поборол Захваша, впервые воплотившегося в Явь, после того, как Урах выкинул Его в Пустоту еще на заре всех эпох.

Та битва – Сотня Ножей была такая страшная, что молва о ней дошла даже до Соединенного Королевства. Тысячи альвов Тумиль’Инламэ вместе со своим королем зашли в Гривирдан и лишь горстке из них, потом, вновь удалось подняться к солнцу. Да, Гривирдан стал могилой для ядовитогубых причмокивателей и клеймом позора их спесивому Богу–Идолу, но цена сему оказалась дорогой – получив смертельную рану, Лузановиэль Аторэ тоже погиб. Его тело вернули в Зеленое Королевство и запечатали в янтарь, а вот... вот других альвов, потерявших свои жизни в Сотне Ножей, вроде как упокоили в самом Гривирдане – в общем кромлехе, где–то в центре Урочища. Это тех, кого отыскиали в бескрайних червоточинах. Но, как понимаю, было много и таких альвов, коих не нашли и они и поныне возлежат в прогорклых галереях среди поверженных ими врагов.

Не знаю, правда, это или нет, но кое–кто из научного общества, сопричастного к исследованию мифов, иногда, опираясь на реминисценции древних чернокнижников, молвит о том, что Боги–Идолы Хрипыхора, разгневанные пресветлым деянием Лузановиэля Аторэ, наслали на души умерших в Гривирдане альвов особую inferнальную Волшбу. Якобы, что из–за Нее, похороненные под сводами уродливого лабиринта эльфы обернулись призраками. Бедные,

сомкнутые Местью Зла, они принуждены раз за разом сходить в сражении с эфемерными ядовитогубными причмокивателями и без конца им проигрывать. Этакая пытка, растянутая в тонкий волос бесконечности. Правда ли это? Надеюсь, что я этого так и не узнаю...

– Гривирдан, – глухо промолвил я через минуту.

– Тут есть, кого шмякнуть, братья? – с надеждой в голосе осведомился Малыш Брюм.

– Полагаю, что этого исключать нельзя, – ответил я, глядя на Сол’Фимитриэль.

Пока я и Фридлейф раздумывали над тем, куда нас занесло, (Брюму это было все равно, ему лишь бы шмякнуть и расплющить) суккуб успела сжать Дымок до кукольных габаритов и убрать его обратно в кармашек. Прибрав одну свою чудодейственную штуку, Софи вынула из штанов другую – крошечную бутылочку, которая под сакральными пассажами приняла форму обычной тары. Отпив из нее мутно–киноварного раствора, суккуб распорядилась:

– Попей и передай друзьям по кругу!

– Не буду я это пить! Что это за дрянь вообще?!

– Это не дрянь, милый мой эклерчик, а Бодрос! Бодрос – это выжимка из клубней «Бодростевельника» Мира Тьмы. Мы не спали целые сутки. На нас еще действует заклятие «Скорости» и от того истощение не чувствуется, но оно есть!

Видя мое нежелание хлебать пойло из Бездны, Софи нравоучительно добавила:

– Если ты не выпьешь Бодроса, то просто свалишься или заснешь на ходу! Я не шучу! Усталость придет мгновенно – так всегда сказывается Вихревой перелет! Бодрос нейтрализует отрицательно–негативный эффект «Скорости» и придаст тебе сил. Доверься мне, куksик, так надо! Я же сама прямо при тебе его отвела!

Вот в чем вопрос! Вкусить или не вкусить то, «что» тебе предлагает суккуб? Ответ – никогда и ни за что! Ни в коем разе! Под запретом! На замке! Это же суккуб! Хитрый и безмерно коварный! Однако тут есть одно занятное «но». Суккубы – создания Предвечной Ночи считают себя «выше» остальных демонов Мира Тьмы и от того придерживаются своеобразного кодекса чести. Обрисую гипотетическую ситуацию–дозволение: если какой–нибудь персонаж вызовет суккуба из беды, то потом этот спасенный суккуб будет считать себя обязанным отплатить персонажу той же монетой. Я не только освободил Сол’Фимитриэль от наказания Плаймы Осквернительницы, но и дал ей шанс кардинально изменить свою жизнь к лучшему – преподнес вторую попытку добыть Мелису. И суккуб это учла. Вредить она мне точно не станет... Пока не станет.

– Положусь на твою честность, – скептически отозвался я, прикладываясь к стеклянному горлышку.

– Не пей!... – воскликнула Фридлейф Аторе.

Глоть... О, как же вкусно! Что–то сродни минеральной воде с примесью шоколада! Затем... Меня будто бы окрылили и наполнили энергией! Я преобразился! Помолодел! Взбодрился!

Я уважительно выдохнул:

– Вау!

– Тебе понравилось? Дай тогда и мне тоже хлебнуть из фляги, старший брат! – потребовал рыцарь–плутеранец.

– Эээ! – откликнулся я, еще не придумав, как отказать Брюму в его просьбе.

И тут бутылка почему–то выскользнула из моей перчатки. Сама собой! Ну воооот... Однако Софи в последний момент поймала Бодрос хвостом!

– Аккуратнее, дорогуша! – с укоризной сказала суккуб.

Она взболтала тару, а затем подала ее Малышу.

– Бери, Брюмчик–Тугодумчик.

Фридлейф перехватила бутылку.

– В ней может содержаться яд, который становится опасным, если его как следует потрясти! – предостерегла Брюма Фридлейф. – Суккуб могла добавить его для нас с тобой, Брюм! Чтобы избавиться от нас! По–ни–ма–ешь? Чтобы только она шла с Калебом! Без меня и тебя!

Брюм глуповато заморгал глазами.

– А? Отдай мне бутылку, брат!

– Я вполне на такое способна, – не стала юлить Сол’Фимитриэль. – Однако Калебулечка мне небезразличен. У меня на него виды! Свадьба там или еще что в перспективе, поэтому я не желаю портить с ним отношения по таким пустякам, как ваши испорченные кишки... или загубленные жизни.

– Свадьба?! – воскликнул я. – Софи?! О чем хоть ты говоришь?!

– Это мы еще обсудим, пупсичек, – зашебетала суккуб. – Повторю, проглотить Бодрос нужно всем, иначе Вихревой перелет на Дымке запомнится на... очень долго.

– Если ты смочишь губы этим пойлом (воительница луны воздела Бодрос над головой), то у тебя вырастут такие же рога, как у нее!

– Как у маскарадного праздничного брата? – осмыслил Брюм. – Не хочу!

Нахмурившись, суккуб поглядела на Фридлейф Аторэ. Та кинула ей бутылку обратно.

– Мы отказываемся.

– Как пожелаете. Только потом не жалуйтесь, – пожала плечами Сол’Фимитриэль.

– Уж не будем!

– Софи, ты же суккуб. Поэтому всем вместе пить Бодрос из твоих рук категорически воспрещается, – улыбнулся я, чуть надувшейся демонессе. – Нынче утром ты не прочь выйти за меня замуж, но в полдень вдруг решишь, что это была плохая затея. И что тогда? Твой отвар, разбежавшийся по моим венам, под словом–заклинанием, к примеру, вскипит, и я сварюсь заживо. То, что ты говоришь про последствия путешествия в Дымке – важно, но еще более важно то, что если Бодрос отравлен, то друзья смогут прийти ко мне на помощь. Ну а, если все наоборот, и Фридлейф с Брюмом завалятся в кусты, то тут уж мы с тобой не оплошаем!

– Я тоже твой друг! – со слезинкой в глазу выпалила обиженная Сол’Фимитриэль. – И в будущем твоя счастливая жена!

– Конечно, – поспешил подтвердить я, пропуская мимо ушей слово «жена». – Считаю это все проверкой для тех, кто тебя еще не знает. Если все окажется, как ты говоришь – то потом Фридлейф и Брюм будут тебе доверять как самим себе.

– Это логично! – просияла Софи, подходя к Фридлейф, которая рассматривала замшелый монолит с изящной клинописью.

Эльфийка негромко прочитала:

Мы слышим музыку – она прекрасна

В ночи стылого Гривирдана звучат её ноты

Край, что теплом объят, дал ему жизнь

Кузнечиков и цикад хоромы сплели ему венок из лавра

Минул миг, и жизнь прекратила для него свой бег.

Так предопределенно для каждого.

Мы тоже уйдем.

Знайте, потомки! Он содеял подвиг!

Он не убоился Бога–Идола!

И мы не боялись рядом с ним!

Что видеться нам в застывших глазах его?

Вечность.

Как и раньше, он неувядающе красив

Душа, что подарила нам цветы счастья

Мы по–прежнему любим её.

Улыбки таят печаль
Что будет после?
Не дано узнать нам.
Мы чувствуем тайну.
В увитых плющом стенах растут её соцветия.
О, Битва Гривирдана! Слезами Ты наполнила наши чаши до краев!
Есть здесь и сейчас, потом всё исчезнет
Но его голос, его милый голос пройдет через Тьму.
За Чертой, что скрывает Безвременье, он освободился от боли.
И даже если нам никогда не доведется там увидеться
Мы навечно сохраним его образ.
Неувядающий образ в лепестках лавра.

– Это эпитафия посвящена моему прадеду Лузановиэлю Аторэ, – чуть погодя отрывисто произнесла Фридлейф. – Спустившись в Гривирдан, он уже сам оттуда не вышел.

– Красиво, – честно сказал я.

– И печально! Мне кажется, что я вот-вот заплачу! – объявила Сол'Фимитриэль, порывисто прижимаясь к моей мантии. – Срочно меня утешь, Калебуленька!

– Софи, ты же привела нас сюда не для того, чтобы мы просто погрустили, – проворчал я, глядя сверху вниз на серебристые локоны. – Напомню! Бингс Флаерс! Мы здесь из-за него!

– Как же ты иногда бываешь жестокий! Береешь и обрываешь женские переживания своими мужскими упреками! Ммм! Ты такой властный при этом! Такой...!

– Софи!

– Братья! – грянул Малыш Брюм, обнимая нас с суккубом.

– Ну ладно! Ладно! В начале – Бингс, потом – ужин с белым вином и тигровыми креветками!

Сол'Фимитриэль ловко вывернулась из тисков рыцаря-плутеранца, а затем продолжила:

– Короче! По моим сведениям Бингс Флаерс забрался в Гривирдан. Что он тут искал – не знаю, но определенно точно, что маг попал в какую-то древнюю ловушку ядовитогубых причмокивателей, причем аж в самом начале своего пути! Внутренним взором я вижу, что он приклеился к одному месту и двинуться ну никак не может! Сейчас мы снизойдем в Проклятый город, отыщем Бингса и исполним то, что нужно. Ты – поцарапаешь его Гадюкой, а я заберу у него Мелису.

– Ого! Звучит не сложно, – обрадовался я. – Но ты сказала что-то про ловушки. Чего нам ждать?

– Чего угодно, – ответила Фридлейф вместо Софи. – В Гривирдан опасаются соваться даже живорезы.

– Живорезы! Где они, братья?! Где?!

– Так было еще, когда ты не погружалась в... сон, – указал я. – С той поры могло многое измениться. Однако я согласен с тобой – будем соблюдать максимальную осторожность.

– Тогда, вперед! – просияла суккуб.

Сол'Фимитриэль первая, за ней я, за мной Малыш Брюм, а за нами Фридлейф Аторэ – в таком порядке мы отправились в Гривирдан.

Ядовитогубые причмокиватели – это зубоскальство Захваша, Его издевка над всем прекрасным. Он сотворил их длинными, полуслепыми, землистыми, внешне напоминающими слизней, с громадными ртами, усеянными токсичными иглами-парализаторами и руками-ногами крючьями. Эти живорезы самые загадочные и непостижимые из всей братии Хрипыхора. Сколько их обитает в Великом Лесу? Возможно мириады. Гривирдан был негласной столицей ядовитогубых причмокивателей. Однако после событий Сотни Ножей он опустел. Хотя так ли это на самом деле? Скоро мы это выясним...

Ядовитогубые причмокиватели не нуждаются в лестницах. Они прободают в почве ходы, роют траншеи и углубления, выминают своими телами склизкие склоны и скаты. Занятно то, что данным живорезам высокие потолки априори не нужны, но кое-где, особенно в центральных галереях, они их мастерят, вероятно, уповая на возвращение своего кошмарного господина.

Ступая по заоченелому желтозему, мы спускались все ниже и ниже. Когда нас обволок полумрак, я сконцентрировал несколько шариков «Света» и предусмотрительно запалил Лик Эбенового Ужаса. Естественно, что Альдбриг я тоже вынул из ножен.

Постепенно рытвин в стенах становилось все больше и больше. Каждый раз, проходя мимо сочащегося тьмой провала, я ожидал, что из него кто-то может на меня выпрыгнуть. Но этого не происходило. Спустя какое-то время нашего продвижения в глубины, солнце превратилось в маленькую точку. Теперь повсеместную черноту разгоняло только мое заклинание-освещение. Нам приходилось идти, внимательно смотря под сапоги – на тропе сплошь и рядом обнаруживались затаенные корневища и бугры (и высохшая кровь!), за которые можно было споткнуться и упасть в пропасть. Слава Вселенной, что обошлось без этого и мы достигли дна (все же оказалось, что оно тут есть) этой траурной котловины. Перед нами возникла пещера. Ее горловину-вход обметывали засечки явно рукотворного толка. Тишину нарушала лишь падающая где-то капель. С нарастающим волнением, мы переглянулись и зашли вовнутрь...

Мои шарики «Света» пронзили стародавнюю Тьму...

Оказавшись в холле Гривирдана, я будто бы перенесся на тысячелетия назад. Дурно пахнущие испарения, зародившиеся в подземельных свищах о которых человеку лучше и не знать, оведали мореные шири. Оклеванные мелкими пиктограммами и убогими изображения Хрипохора, они вторили нам об эрах угрюмых и незапамятных. О тех днях, когда Великий Лес и Лес Скорби еще являлись одной Чашей. О той ветхой поре, когда ни эльфов, ни гномов, ни людей еще не было и в помине. Тогда ядовитогубые причмокиватели мнили Гривирдан ядром мира, а себя его владыками.

Там и сям валялся какой-то сор и каменное крошево. Из свода свисали сталактиты, а с тверди торчали сталагмиты. Кое-где натечные формы соприкасались, образуя сталагнаты.

Софи всплеснула руками. В ее ладонях появились глобулы малинового цвета. Я почему-то знал, что если такая глобула попадет в кого-нибудь, то от этого «кого-нибудь» не останется даже пепла.

– Он тут, в тупике, за тем поворотом, – прошептала мне суккуб.

– Шмя!?!..

Фридлейф зажала Брюму рот перчаткой.

– Да, – тихо ответил я. – Там не брат. Если он нападет на нас, шмякни его. Расплющи!

– На счет три, – промолвила Сол'Фимитриэль. Ее глаза засветились странным колдовским огнем. – Раз, два, три!...

Все вместе мы выскочили из-за угла и нацелили свое оружие на овальное углубление...

В нише действительно был человек. Он сидел на корточках в блеклом голубом круге, и выйти из него, по-видимому, не мог. Облаченный в бордовую тунику, с откинутым назад капюшоном, он словно бы пребывал в трансе. При нашем появлении на его точеном лице не дрогнул ни один мускул. Как же выглядел Бингс Флаерс? Да ничего уж такого примечательного! Не знаю, почему Сол'Фимитриэль посчитала его красавцем. Явно не юнец, но и без морщин (ему, как и мне могло быть пару сотен лет), худой патлатый брюнет, с серыми глазами и выделяющимися скулами. На указательном пальце мага застряло вычурное кольцо с геммой в виде клыкастого лика Назбраэля.

– Ха-ха! «Попався», который «кусався»! – удовлетворенно рассмеялась Сол'Фимитриэль. – Плайма будет в восторге!

– Так навскидку скажу, что он нечаянно угодил в «Йодль», – придиричиво оглядывая Бингса Флаерса, изрек я. – Это такая капкан–руна, предназначенная специально для тех, кто аккумулирует в себе флюиды Вселенной. Мистик, подпав под воздействие Йодля, получает мощный паралитический импульс, и таким образом, лишается контроля над своим телом. В основном Йодль используют шаманы гоблинов и, ну, ядовитогубые причмокиватели тоже. Йодль – мощная штука.

– Хлебушек–мягонький–творожочек, ты такой умный! – просюсюкала суккуб.

– Безусловно, что это так, – не стал спорить я.

– Капкан! – рывкнул малыш Брюм, намечая молот на макушку Бингса Флаерса. – Достать вам его, братья, или просто бабахнуть Колотушкой по кукушке?!

– погоди, Тугодумчик, твоя погремушка его пока не проймет, – отозвалась Софи. Потом суккуб добавила для нас всех: – Сейчас я сниму Йодль с Бингса. Будьте начеку, ирисочки! Если что, нокаутируйте его! Он не должен вновь сбежать с Мелисой! Только не в этот раз! Только не сейчас!

Я вынул из сумки Гадюку.

– Хорошо, – сухо обронила Фридлейф, натягивая тетиву лука. Она целилась в жезл, примостившийся в складках мантии, на коленях у колдуна.

Сол’Фимитриэль сцепила ладошки (соединив так две глобулы), покрутила малиновую взвесь в замочке кулачков, а затем кинула ее на Бингса Флаерса.

Всплеск света... Что произошло потом? Суккуб уничтожила ловушку, да, покровы сошли с мага, только вот... только вот вместо того, чтобы развеяться, чары перекинулись на нас! Высвободившийся заряд Йодля обволок меня, Фридлейф, Сол’Фимитриэль и Малыша Брюма! Всех четверых! Окутанный синими всполохами, я не мог пошевелиться, но продолжал дышать. А что же Бингс Флаерс? Он, как ни в чем небывало встал, улыбнулся, затем насупился и осуждающе произнес:

– Почему вы? А? Ну почему? Разве вы всемогущие? Разве вы важные и неодолимые? Я ждал Плайму Осквернительницу и Безымянного, а вовсе ни тебя, Калек, и тебя, Сол’Фимитриэль! Уж простите, но вы «никудашные»!

Маг недовольно прищелкнул языком.

– Я должен был предугадать! Троль–то почти не высовывается из Анонимного Дельца, а Плайма всегда все делает чужими руками! Обидно, ведь, для моего «увеселения» нужны сильные персоны! Герои!

Бингс Флаерс расстроенно выпятил губу.

– А вы? Да каждого из вас в три прыжка обойдут все другие игроки! Никакого наслаждения и азарта!

Маг удосужился взглянуть на Брюма и Фридлейф.

– А это кто? Ба! Да это же настоящая эльфийка! Хрупкая и нежная, как хрустальная ваза? Где вы только откопали ее с этой орясиной?

Бингс страдальчески воздел глаза на суккуба. Однако через секунду он встрепенулся.

– Меня посетила идея! Вы с Калеком будете выступать за одну команду! Идет? Это компромисс! Ну и эти двое с вами заодно, раз уж они тоже здесь. Так у вас будет хоть какой–то шанс не оплошать в самом начале! А? Лихо я уладил нашу проблему? Еще бы! На то я и Бингс Флаерс, чтобы все расставлять по полочкам!

Бингс Флаерс прочертил Мелисой зигзаг. Я стоял к нему вполоборота, поэтому что произошло – судить не решился. Бингс как бы разрезал материю–холст и следом, нащупав в невидимом для глаза эфирном пространстве «веревку» Йодля, рывком стащил нашу повязанную магией компанию в... иной План Бытия? Про План Бытия – не уверен, но в какую–то другую залу – точно. Сомкнутая со всех сторон непроницаемой тьмой, она все же подсвечивалась прозрачными куполами, состоящими из всполохов молний. Готов побиться об заклад, что эта

электрическая «застежка», если до нее дотронутся, может изрядно подпалить незадачливый нос. Я и друзья очутились как раз в одной из таких светящихся «мышеловок», расположенных по кругу. Так же я заметил, что в соседних мигающих орбитах стоят какие-то фигуры (мы и они – словно мухи в клею – влипли весьма обстоятельно) Вдруг ниоткуда, прямо между нами – всеми пленниками, вынырнул серебряный шар. Плавное опустившись к тверди, он явил из себя Бингса Флаерса. Потом колдун озарил магический свет, как бы пробившийся из пола. Бингс Флаерс разгладил мантию и торжественно покрутился на месте.

– Здравствуйте, мои дорогие и именитые гости! – громко поприветствовал всех Бингс Флаерс, щеголевато опираясь сапогом на диковинный сундук из черного дерева. – Ровным счетом вас тут двадцать три, поэтому я буду обращаться к вам, используя словосочетание «вы все». Итак, «вы все», кроме той «четверки», (маг махнул в сторону нашей «мышеловки») ненавидите меня! И «вы все», тут без исключения, желаете меня поймать! Поверьте, ваше внимание для меня – бесценно! «Вы все» сейчас, кто уже как день, а кто и два, задаетесь вопросами: Первый – что же произошло? Второй – где вы? И третий – для чего все это? По порядку отвечаю. Случилось следующее – «вы все», посчитав себя умнее меня, попали в мои западни. Место это то же самое, куда «вы все» изначально и пришли, то есть достославный Гривирдан. А вот зачем же «вы все» здесь – об этом мне надо рассказать вам чуть-чуть поподробнее.

Бингс Флаерс широко улыбнулся.

– Еще, будучи ребенком, я полюбил опасности! Не приключения, нет, господа и дамы, а именно опасности! Я говорю об ощущении, которое наполняет тебя, когда ты раскачиваешься на соломинке между жизнью и смертью! Куда наклониться эта соломинка? Неизвестно! И это адреналин! Это мандраж и бешеный пульс, который изнашивает твоё сердце! Где я только не был! Чего я только не видел! Кого я только не встречал! Я выбирал себе врага и неизменно ускользал от него! Знаменитые короли и королевы, отважные воины, пронырливые шпионы, выдающиеся мудрецы, прославленные дуэлянты и акулы бизнеса – все они, получившие от меня «щелчка» по лбу, так и не смогли зажать в угол даже мою тень! И мне стало невыносимо скучно! Я подумал – неужели во всем мире нет того, кто способен припереть к стенке Бингса Флаерса? Тогда во мне вновь проснулся интерес! Я вознамерился провести эксперимент! Или лучше сказать игру – лихую и гибельную! Однако все мало-мальски достойные игры имеют, как победителей, так и призы для этих победителей. Так? Разумеется! Свою затею я назвал – «Пока тикает минутка», а главной наградой в ней определил – себя! Повторю – «вы все» желаете сграбастать меня в свои сети! И я дам вам уникальную возможность получить то, что вы хотите! Без хвастовства заявляю – нынче вокруг меня собрались самые «сливки» отваги и ярости, мастерства и таланта!

Колдун обвел жезлом всех присутствующих и по «мышеловка» пробежала искристая рябь.

– Мы уже почти начинаем! Через пару мгновений моя волшба спадет и вас перекинет в разные точки Гривирдана! Между вами состоится гонка за право поучаствовать в моем конкурсе «Пока тикает минутка»!

Бингс Флаерс показал пальцем на сундук, который затем открыл, пнув по нему ногой.

– Смотрите!

Наружу выпорхнул имп (существо с красной кожей, крыльями, рогами и копытами – родственник бесят из Мира Тьмы).

– Знакомьтесь – это Ограбэр!

Колдун направил жезл на Ограбэра, и тот застыл в воздухе. После этого, Бингс Флаерс, всунув в лапы импа продолговатый сосуд, дважды подул на Мелису. От первого выдувания над колдуном возник оранжевый как бы мыльный пузырь, а после второго – новый (зеленый) пузырь, поверх уже надутого. Сферы, имеющие между собой крупный зазор, закачались, не касаясь друг друга. Подняв Ограбэра (левитацией), Бингс Флаерс поместил его в полость

между сферами. Отряхнувшись, как мокрая кошка, имп принялся летать по дозволенному ему пространству и злобно поглядывать то на нас, то на Бингса Флаерса.

– Ограбэр – мой слуга, который, как вы догадываетесь, не переносит меня на дух и страстно мечтает укокошить. На ваших глазах я вручил ему «Сальвелию». При попадании на человека, да и вообще на кого угодно, эта жидкость вызывает паралич мускулатуры. Когда кто-то из вас откроет дверь в эту потаенную залу, полость, где теперь находится Ограбэр начнет накаляться – таково заклинание. Импу удастся покинуть «воздушный карман» и не изжариться, если только он совершит сакральное действие – плеснет в меня Сальвелией! Подразумеваю, что сейчас у вас где-то в затылке заскребся вопросик – а не врет ли нам старина Бингс на счет Сальвелии? Ответ – нет. В «Пока тикает минутка» все честно! Иначе, зачем бы я все это устраивал? Но... Нам же с вами нужна стопроцентная гарантия того, что Сальвелия достигнет своей цели, то бишь меня? Вдруг я в последнюю секунду не решусь окропить себя этой гадостью и захочу умотать от вас куда подальше?

Бингс Флаерс мотнул подбородком на импа.

– Поэтому поручим это дело любезному Ограбэру. Уверяю вас, что он с превеликим удовольствием обольет меня любой кислотой и даже «спасибо» за это не попросит. Да, Ограбэр, ты такой?

Имп недвусмысленно зарычал, а Бингс Флаерс ухмыльнулся.

– Теперь, перейдем к развязке. Как только Ограбэр окропит меня Сальвелией – я упаду на пол. С этого мига и начнется «Пока тикает минутка» и у вас, наконец, появится возможность сцапать мою персону. Но все не так просто! Не все!

Бингс Флаерс достал из-за пазухи бурый окатыш, затем проглотил его.

– Я съел противоядие. Оно подействует на мой организм ровно через минуту, после того, как меня намочит Сальвелия. Вникаете, что к чему? «Пока тикает минутка» я буду беззащитен и вы, приложив определенные усилия, уничтожив вот эту вот преграду, (маг указал жезлом на оранжевую поволоку) сможете меня пленить, ну или прибить, тут уж для себя сами решайте! Если вы не успеете этого сделать, то я вновь очухаюсь, наколдую на вас какую-нибудь нехилую пакость и убегу! Все ясно?

Маг ощерил зубы в улыбке.

– Молчание – знак согласия!

Ограбэру, видимо, надоело порхать, и он умастил свой пухлый зад на оранжевый купол (под весом импа он прогнулся). Только оболочка, которую маг поставил перед собою заслоном, оказалась скользкая (но хоть не дезинтегрирующая – наблюдение в копилку!). Ограбэр поехал по ней вниз, и не успев взлететь, грузно брякнулся вверх тормашками. Имп сердито хрюкнул (да-да, они это умеют, словно свиньи), а Бингс Флаерс хмыкнул.

– В заключение пройдемся по некоторым особенностям моего соревнования. Я склонен полагать, что каждый из вас привык к тому, что успех – ваш верный друг. В точку? И потому, отвергая всякие трудности, «вы все» с воодушевлением ринетесь на поиски меня. Впрочем, не исключено, что кое-кто из вас (Бингс посмотрел на меня) при нынешнем раскладе предпочел бы пока не гнаться за удачей. К такому суждению, если оно у кого-то есть, я отношусь с уважением. Но, прошу уж меня понять – одобрить его, увы, не могу, так как в этой эстафете я, прежде всего, отстаиваю свой собственный интерес – престиж, если уж не кривить душой! Покинуть Гривирдан до завершения «Пока тикает минутка» будет хлопотно, а так стать, что и небезопасно. В Гривирдане есть бессчётное количество узких лазов и крупных проходов, ведущих из подzemелья наружу, к Великому Лесу. Так вот, все крупные проходы я забаррикадировал волшебными плитами. Ищи не ищи – глухой камень, не иллюзия. Плиты «растают», когда «Пока тикает минутка» подойдет к своему концу. Так же я учел еще и то, что кое-кто из вас в состоянии наколдовать на себя чары «Телепорта», для того, чтобы смотаться из Гривирдана или наоборот сразу «переместиться» ко мне. Не в моей власти блокировать какую-

либо магию на такой громадной площади, как «эта», но, что касается «Телепортации», то на этот мошеннический трюк у меня есть свой козырь. Если вы вдруг захотите «проявиться» где-нибудь в другом месте, то я вас предупреждаю – эффект от ваших спиритических манипуляций будет не таким, каким нужно. Я бы охарактеризовал его, как скверный и малоприятный.

Маг продемонстрировал нам Мелису.

– Это колечко настроено на то, чтобы ловить «телепортирующихся» и перенаправлять их в Мир Тьмы. Поговаривают, что выбраться из Царства Назбраэля обычно... сложно, поэтому... подумайте дважды, прежде чем применять «Телепортацию» до того, как кто-то из вас поставит Точку в нашем предприятии – сему будет звонкий сигнал–оповещение, не пропустите. Хм, по «передвижению» – у меня все. Что еще осталось сказать? Для того чтобы стать чемпионом в «Пока тикает минутка» можно пользоваться любыми имеющимися у вас средствами: оружием, нюхом, колдовством, да чем угодно. Убивать друг друга, как и вступать в какие-то коалиции, союзы–группы – не возбраняется.

Маг вынул из нагрудного кармана зеркало. Оно походило на то, в которое Бертран Валуа показывал мне Кристалл Хадингтона в Магика Элептерум.

– В него я буду смотреть за вами и сопереживать! Нус! Да начнется Охота за Бингсом Флаерсом!

Маг покрутил жезлом и... отовсюду полился ослепительный свет. Спустя миг он пропал, резко подменившись крошечной тьмой. Мы (фишки «настольной игры» Бингса Флаерса) очутились где-то в недрах Гривирдана... Кататония (ступор, застывание в одной позе) исчезла. Мы опять могли управлять собой.

– Надо было его шмякнуть! – заорал Малыш Брюм где-то сбоку от меня. Эхо его голоса устремилось куда-то вдаль.

– Не кричи! – шикнула Фридлейф Аторэ.

Между тем я вновь сотворил заклинание «Освещения». Искрящиеся шарики – бледно-розовый, индиговый, лазурный и золотой оттеснили от нас вековую ночь глубинного лабиринта. Магия Бингса Флаерса перенесла нас в центр длинного и достаточно широкого коридора, по которому гулял стылый сквозняк, воняющий каким-то перегноем. По ободку стен росли лиловые папоротники и причудливые грибные колонии. Кое-где на откосах вертикалей проглядывалась вездесущая пиктография. Слева и справа от нас, во мгле, притаились дороги, вводящие в неизвестность...

– Какой мерзавец! Каков красавец! Каков подлец! – полушепотом стала восторгаться Сол'Фимитриэль, плотно прижимая крылья к спине. – Приманил! Обхитрил! Пленил! И принудил проказничать по его правилам! Сумасшедший он, правда, тюкнутый, но, Калебулька, ты только не ревнуй, ладно? Бингс Флаерс тоже мужчинка персик–загляденье!

Истолковав кислую мину на моем лице по-своему, суккуб быстро добавила:

– Я знаю, ты у меня ранимый на такие констатации. Все кто летушком рождены под созвездием Рака – обидчивые лисеночки. Фир–фир! Но тут не беспокойся, миленький мой козленочек, все мои возвышенные чувства посвящены только тебе! Бингс – вне моего сердца!

– Софи, все внимание миленького козленочка сосредоточено на том, что нам сейчас делать!

– Да расплющить, и все! Раздавить! – подсказал мне Брюм. – Как слизня!

Поправив шлем, рыцарь–плутеранец легонько постучал Колотушкой по своей пятке.

– Как вариант, – нервно хихикнул я.

– Знать бы, где искать этого Бингса Флаерса. Куда нам податься? Туда или в противоположную сторону? – протянула Фридлейф. Закинув за плечо лук, она вытащила из ножен Филириниль и серповидный кинжал.

– Так как мы не единственные участники в этой донельзя прекрасной забаве, то... Еще стоит покумекать о том, как нам обойти других кандидатов на Главный приз, – дополнил я

слова эльфийки, заряжая «Огнем» Лик Эбенового Ужаса (потеряв подпитку от моей концентрации, он, как и шарик «Света», затух еще тогда, когда на нас обволокла руна Йодля). – Софи, есть какие-нибудь соображения?

– Имеет смысл, поторопится, – оповестила суккуб, сморщивая носик. – Пока Бингсик соловьем заливался нам о своих неуловимых похождениях, я разглядела кое-кого из его гостей. Он пригласил к себе на чашечку Сальвелии, не мелких сошек, а ребят и девчат с Именем! Кейвергена и Клигрингрину из Щита Света, Хургурду – безволосую обезьяну, любимицу Бога-Идола Маморгамона, Хлоца – акивала, высшего жреца Ату-Сигилла из Муат’Лан и ну, да, точно это была она, Астру-Алису! Поэтому ...

Я поперхнулся, тем самым перебив речь Сол’Фимитриэль.

– Тебе не хорошо, ананасик? – тут же участливо осведомилась суккуб.

– Да! – кое-кое как выдохнул я, ощущая то, как мои ладони становятся влажными. – Астру-Алису?! Бингс Флаерс точно чокнутый, раз догадался ставить палки в колеса самой Астре-Алисе! Да она разорвет его на платочки и тряпочки! Нет, ну Бингс, конечно, сорвиголова... однако...

Я недоумевающе почесал подбородок гардой Альдбрига.

– Как ему удалось подстеречь Астру-Алису? И более того, нас то понятно, а вот как он ее-то сковал по рукам и ногам в той «мышеловке»?

– Наверное, так же как и околпачил Плайму Осквернительницу, – предположила Сол’Фимитриэль. – Промашка моей госпожи, а так статья, что и Астры-Алисы, да и наша тоже, заключается в том, что мы недооценили Бингса Флаерса. Нужно было сразу признать – он скользкая рыбка.

– Ты аж два раза наступила на одни и те же грабли, – обронила воительница луны.

Глаза суккуба недобро сузились, но ее тон остался дружелюбным.

– Не без этого. У суккубов и инкубов есть такая поговорка – розги от госпожи не получает тот, кто не работает. Свои ошибки я учла.

– Мне все равно, что ты нам учиываешь или не учиываешь, – холодно ответила Фридлейф Аторэ. – Ты можешь сколько угодно убеждать Калеба, что ты ему подружка, но меня – альва Тумиль’Инламэ, не проведешь! Ты рождена в Мире Тьмы! Ты предашь нас, как только мы перестанем быть тебе полезными! Даю голову на отсечение, что ты задумала кинуть нас на растерзание Астре-Алисе, чтобы самой!...

– Ты зря так распаляешься, голубушка! И головушку свою тоже побереги – она у тебя одна, авось пригодиться еще за чем-нибудь! – возвышая голос и негодуя дергая хвостом, перебила Сол’Фимитриэль. – Впрочем, если речь здесь идет конкретно о тебе, то уж прости – я пока никакой «пользы» от тебя и правда не вижу. Хотя, вдруг ты своей «пользой» мнишь чрезмерную подозрительность? Это так? Если так, то воображение у тебя богатое, но оно мешает нам действовать сообща. Запри свои глупенькие фантазии в чулан, а ключик от него выкини в болотце. Так нам всем будет спокойнее.

– Я уверена, что ты пришла к Калебу не с чистым сердцем! И я буду следить за тобой!

Суккуб вздернула носик.

– За собой следи, эльфийка. А то мало ли что? Ведь в Гривирдане сгинуло много твоих родичей...

– Ты угрожаешь мне, бестия?! – прошипела Фридлейф, надвигаясь на суккуба.

У Сол’Фимитриэль в руке проявился кожаный кнут, усеянный мелкими драгоценными камушками. Суккуб была готова отразить нападение воительницы луны.

– Не я, а ты сама себе! Язычок такой прыткий у тебя, когда ты говоришь грубости – вдруг прикусишь его еще ненароком! Вот досадно-то будет. Как мороженце потом лизать уж не знаю!

– Не ругайся, худой, щуплый брат, и ты тоже, маскарадный праздничный брат, не бухти! Или я вас обоих отдубашу! – взревел Малыш Брюм, преграждая путь Фридлейф Аторэ.

Я же, взяв суккуба под локоть (на всякий случай), присовокупил:

– Пожалуйста, давайте пока отложим все дразги и займемся Бингсом Флаерсом! Он, фигурально выражаясь, идя по заточенному лезвию ножа, стянул у Плаймы Осквернительницы Мелису! Это важно! Я уже увидел, так навскидку, потенциал этого перстня!

– С Мелисой он стал в тысячу раз сильнее, – тихо подтвердила мои слова Сол’Фимитриэль. – Нельзя отрицать того, что владея могущественным кольцом Мира Тьмы, Бингс нынче может побороться и с Клигрингрином, и с Кейвергеном и даже с Астрой–Алисой.

– Что это за цветок, братья?! Его надо растоптать или что?!

Из–за перепалки Фридлейф и Сол’Фимитриэль Астра–Алиса почти выскочила у меня из головы... А зря! Кто же эта леди? И почему мы все так разволновались?

Есть такая жуткая страна–анклав – Владычество Теней, в которой испокон веков правит королева–некромант Астра–Алиса. Размером примерно с четверть Соединенного Королевства, она гнилым прыщом пучиться внутри еще более громадного государства шипунцов Острохвостии. Что–то наподобие Залуссии в Великом Лесу только в ином, превосходящем масштабе. Владычество Теней – это Земли порочных ритуалов, жертвоприношений и бесовских воззваний. Населяют ее последователи Назбраэля; Как «живые» – некроманты, медиумы, экстрасенсы, ведуньи и искусители. Так и мертвые – скелеты, вампиры, упыри, зомби, мумии и прочая нечисть.

Тут надо обмолвиться о том, что Владычество Теней повязано с Острохвостией очень необычным и злым, Вселенским колдовством. Каждый шестсот шестьдесят шестой шипунец (таких называют «закланцами» или, реже, «тремя шестерками») почивший в пределах Острохвостии не попадает в Дугунуд – сакральную Область, принадлежащую Шахсмирхалю – Демиургу шипунцов, но восстает во Владычестве Теней. Любой студент Магика Элептерум здесь бы сразу возопил – стойте, стойте, лектор, это как так, восстает?! Да вот так. Проще говоря, как только кому–то из шипунцов не везет и он становится закланцем, то есть умирает (причем все равно по какой причине, но обязательно в Острохвостии), его (уже поделенного на бездумную плоть и мыслящую квинтэссенцию) незамедлительно засасывает в возникающую из ниоткуда дыру. Закланца (две половинки) выкидывает во Владычество Теней, где он, околдованный извращенным и безжалостным магическим пактом – Выкупом Рода, попадает в вечное рабство к королеве–некроманту Астре–Алисе.

Острохвостия, как и Владычество Теней, существуют уже многие тысячи лет, и если представить, сколько же шипунцов за все это время приняли на себя ярмо – закланца, то можно получить примерную картину того, насколько большая армия находится под водительством Астры–Алисы. Безмерная! Чудовищная! Несметная! Как же так вышло, что Острохвостия – королевство гигантское, грозное и гордое не только «терпит» Астру–Алису, но еще и платит ей такую страшную дань? Для того чтобы ответить на этот вопрос надо обратить свой взор на мрачную, шельмоватую и частично недостоверную историю.

Всем нам известно, что Острохвостия шипунцов и Бархатные Королевства мягкошерстов – непримиримые враги. Так вот, однажды, падишах Мурлон Второй из Бархатного прайда, достигнув значительных успехов в войне против крысы–бога (аналог короля) Пискалки, осадил со всех сторон Тысячеголовый Глог – столицу Острохвостии. Шипунцы тогда были в панике, ведь если падет престольный град, то сдастся и вся страна! В самый критический для Острохвостии момент, когда падишах Мурлон Второй со всеми своими отважными мяу–ханами уже штурмовал ворота Тысячеголового Глога, к Пискалке неожиданно явилась Астра–Алиса. Крыса–бог знал о ее уже тогда неблагоприятной репутации, но все же решил послушать, что она скажет.

Астра–Алиса предложила Пискалке следующее: Она отведет от Острохвостии беду, если крыса–бог выполнит то, что она попросит. Предвещая недоброе, Пискалка спросил «что»? Условия гешефта Астра–Алиса сформулировала так: крыса–бог должен отдать ей (ведьме) во

владение все чащи, горы, реки и поля от Миленских скал до залива Ильюста и поклясться кровью на алтаре Шахсмирхалю, что никто и никогда из его потомков не потребует сие обратно. Но это еще не все! Одних только территориальных уступок Астре–Алисе было мало! Она хотела власти над невинными душами (и грешными, разумеется)! И от того, второе поручительство «на крови» Пискалки Астре–Алиса определила таковым: крыса–бог так же клянется не только собой, но еще и Именем Шахсмирхалю, что от сего дня и до окончания всех веков, каждый шестсот шестидесят шестой шипунец, сникший в Острохвостии, будет считаться ее (ведьмы) собственностью. Этот пакт Астре–Алиса окрестила Выкупом Рода. Наказанием за нарушение Выкупа Рода, ведьма назначила «обрушение» всей Острохвостии в Мир Тьмы. Говоря простым языком – если шипунцы что–то учудят то, кусок нашего материка Олфоллии провалиться в тартарары. Возможно ли такое пусть даже чисто теоретически? Проверять бы не хотелось.

Когда ведьма договорила – сталь уже вовсю звенела под окнами крысы–бога. Под вопли, военную брань и рев катапульт, Пискалка, зажатый в тиски безвыходного положения, кинулся к алтарю, на котором с обетом на устах и с чародейским наговором Астры–Алисы вскрыл себе вены. Так, оформившись в «Действие–Слово», Выкуп Рода обозначил собою Прецедент среди Высших Сил.

Как только Пискалка дал зарок Астре–Алисе, Шахсмирхаль, наблюдавший за всем этим из Дугунуда, и ждавший от крысы–бога (к Себе!) молитву о защите, пришел в лютую ярость! Как это так Мои (Демииурга) поданные будут теперь принадлежать какой–то вшивой ведьме?! Как это так Острохвостия склониться перед Миром Тьмы?!

Шахсмирхаль вознамерился отменить Выкуп Рода и более того, покарать Астру–Алису. Но у Него ничего не вышло, так как, зачиная грязный Обряд, ведьма призвала в свидетели своего господина – Назбраэля. Несущегося с Небес на Землю Шахсмирхалю, где–то в воздухе, перехватил аватар Владыки Тьмы. Произошло сражение, в котором Назбраэль выиграл и, смеясь, запульнул Шахсмирхалю обратно звездную высь, тем самым закрепив за Астрой–Алисой всё то, чем побожился Пискалка.

Всесторонне скрепляя сделку, ведьма, при поддержке Назбраэля, так же выполнила то, что было обещано и ею. Астре–Алиса наделила Пискалку безумством, гневом и неуязвимостью. Крыса–бог, окутанный тлетворными чарами, презрел трусость, схватил свое копьё и ринулся в атаку. В тот день от копья Пискалки пал Мурлон Второй, а его мяу–ханы с войском были откинута от Тысячеголового Глога. Затем Пискалка и вовсе выгнал всех мягкошерстов за пределы Острохвостии. И уже потом, не остановившись на достигнутом, крыса–бог добавил несколько уделов Бархатных Королевств к своей вотчине. Почти сразу за этим Пискалка умер. Кое–кто поговаривает, что ему выпал незавидный жребий окончить жизнь шестсот шестидесят шестым, и теперь он вечно служит Астре–Алисе у ее престола. Стал закланцем Пискалка или нет – точно никому не известно, а вот то, что та экспансия крысы–бога пошатнула Бархатные Королевства – достоверный факт. Под нажимом военных поражений и политических неурядиц, Бархатный прайд уступил трон прайду Белых Воротничков. Это тоже небезынтересное событие, но пока не о нем, а об Астре–Алисе...

Если Ютвинг из Клирдвайта (по мнению магического общества) сегодня держит ветвь первенства, как самый могучий мистик–эзотерик мира (классический колдун), то Астре–Алиса, без всяких сомнений, стоит с ним наравне и почитается за маэстро Черной Мессы. Заявляю об этом так уверенно, почти в ультимативной форме, потому что Запретное Ремесло – это моя основная, профессиональная стезя, и в ней–то уж я разбираюсь: «чѐ почѐм и какой тролль с каким мячом». Я – мастер–некромант (хотя все чаще отношу себя к волшебникам широкого профиля), а Астре–Алиса – королева–некромант. Звучит по–разному, правда? Мастер и королева. Это как «умелый муравей» и «королева всех муравьев». Того же суждения придерживаются и в Щите Света Королевства Бурунзии (тоже самое, что у нас Братство Света). Некогда отцы–настоятели, сойдясь на Священную Конгрегацию (своего рода Архиурат), постановили

признать Астру–Алису личным врагом Щита Света. И что? Вообще ничего! Ноль! Астра–Алиса, не прячась и абсолютно никого не боясь, как раньше, так и сейчас, живет в громадном, неприступном оплоте – Шо–Гринбарде. Бытуют разные толки о том, как в молодости (еще до Выкупа Рода) Астра–Алиса достигла метафизических вершин. Кто–то заявляет, что она как–то умудрилась снизойти в Мир Тьмы и искупалась там в Пруды Смерти. А кто–то настаивает на том, что Астра–Алиса когда–то стала «сосудом–вместилищем» для Варахурта (Шпиона Среди Живых, генерала Тьмы) и с тех пор сама себе уже не принадлежит. Ну а еще кое–кто болтает о том, что ведьма такая сильная, потому что проглотила близняшку луны, которая в старину кружила вместе с сестрой по вечерним просторам.

Как бы там ни было, а доподлинно всем известно только одно – Астру–Алису и Назбраэля связывают какие–то мерзкие, inferнальные договоры. Однако я не «все» и мне есть что добавить. Уникальные сведения! Парам–пам–пам! Некая чернокнижница далекого прошлого по имени Летающая–на–Помеле написала эссе о том, как она побывала во Владычестве Теней в канун праздника Миллиарда Могил – анафемского церемониала, прославляющего Назбраэля. В период правления Манфреда Второго это эссе как–то очутилось в архивах Минтаса, где его случайно прочел посол Соединенного Королевства, некий проныра Бертран Валуа. Со слов Бертрана суть эссе такова: Летающая–на–Помеле удостоилась чести увидеть, как королева–некромант, верша лицедейство на Миллиарде Могил, смогла вызвать из Бездны фантом Назбраэля. Тогда призрачный Властелин Мира Тьмы, в присутствии сонма Его идолопоклонников, назвал Астру–Алису Своим регентом на земле. Как по мне так этот титул всем титулам титул.

И еще об одной занятости.

Некоторые маги, так же, как и Летающая–на–Помеле, побывавшие во Владычестве Теней, шепотом молвят об удивительном артефакте – Глумлинге, коим владеет королева–некромант. По их описанию выглядит он так: деформированный лосиный череп с прорезью на темечке. Из этой прорези высовывается тусклый кристалл мигающий искрами–снежинками. Из глазниц Глумлинга, покоящегося на тумбе измаранной изуверскими пентаграммами, валит пар. Глумлинг – это своеобразное хранилище, как губка вбирающее в себя опыт и навыки закланцев. Да, он точно уникален, но в чем же его затравка? А в том, что по приказу Астры–Алисы, Глумлинг может в секунду обучить счастливчика всему тому, что он скопил в себе за минувшие века. А?! Каково?! Естественно, что расплатиться за новоприобретенную ученость с Глумлингом и Астрой–Алисой тоже чем–то придется, но... ведь среди закланцев были и гении, и ведуны, и исследователи! Хлоп, и ты, по воле Глумлинга, теперь, к примеру, имеешь точные познания обо всех континентах мира или разбираешься в любой магии на уровне виртуоза! А? Дорого–богато!

Так что...

– Астра–Алиса цветочек с шипами. С острыми шипами, которые могут проткнуть и тебя, и меня, и всех нас разом, – ответил я Брюму.

– Хрипехор ненавидит Астру–Алису. В былые времена королева–некромант навевалась в Великий Лес не раз и не два. Разрушенный Блабардан – цитадель омовов и сожжённый Приляст – ее работа. Нельзя отрицать того, что Астра–Алиса исключительно опасная ведьма, – сказала Фридлейф.

– Меня защищает мой молот Колотушка и Отец Урах! Ваш цветок меня не проткнет! – рыкнул рыцарь–плютеранец.

– Понадеемся на это, – кивнула Сол’Фимитриэль. Суккуб показала хвостом вправо. – Я чувствую, как оттуда тянутся эманации Бингса Флаерса.

– Я не юнец и уже давно привык здраво оценивать свои возможности, поэтому скажу прямо – вся наша бравая четверка, «тьфу», по сравнению с Астрой–Алисой. Если мы пересечемся с ней сегодня – нам конец, – отозвался я.

– Предлагаешь дожидаться, когда закончиться «Пока тикает минутка» и отбыть в Вест-марку? Как мы изначально и планировали? – спросила Фридлейф Аторэ. – Это разумно.

Я вздохнул.

– Фабиан очень важен для нас, да. Но мы все равно уже здесь, в Гривирдане и... Второго такого шанса, повинтить Бингса Флаерса у меня не будет. Как я уколою его Гадюкой, если после встречи с Астрой–Алисой он просто перестанет существовать? Никак. Я провалю задание Безымянного и... Захочет ли после этого тролль менять свои знание о Светочи на что-то еще? Велика вероятность, что нет. Для меня же это будет равносильно катастрофе. Моя подруга Эмилия, где бы она сейчас не находилась, ужасно страдает, и я в лепешку расшибусь, но верну ей ее красоту.

– Какой же ты отважный! – воскликнула суккуб, прижимаясь ко мне с боку.

– Ты ставишь свои проблемы выше всего Соединенного Королевства! В погоне за Бингсом Флаерсом ты можешь умереть! Кто тогда спасет принца Фабиана?! – вознегодовала Фридлейф.

– Я! Отец Аска сказал – спаси Фабиана! Значит я его спасу!

– А ты не думала, дорогая, что тут есть еще и другая сторона шоколадной медальки? – проворковала Сол'Фимитриэль. – Если Мелиса окажется у Астры–Алисы то всё, пиши пропало! Надетое на ее изящный пальчик, колечко натворит на земле таких бед, что мне даже и вообразить–то страшно! Так что Фабиан тут выступает на вторых ролях!

– Не ври! Не наши беды тебя волнуют, а твои собственные рога! – осекла суккуба воительница луны. – Ты боишься, что Плайма с тебя шкуру спустит за то, что Мелиса ушла у тебя из-под носа к Астре–Алисе!

– И это тоже, – заметно погрузнев, не стала отнекиваться суккуб. – Госпожа... накажет меня, куда серьезнее, чем в прошлый раз.

– Я никому не дам наказывать праздничного маскарадного брата!

Я в упор поглядел на Фридлейф Аторэ.

– Я не эгоист и никогда им не был. Но Бингс Флаерс мне нужен. И я рискну его поймать.

– Показывайте мне врагов моих отцов! – пробасил Брюм. – Отец Урах! Отец Аска! Отец... эээ! Два отца! Пока два! Но с Фабианом будет опять три!

Фридлейф разочарованно покачала головой, но сказала так:

– Я с тобой.

– Спасибо!

– Вот увидишь, эльфийчка, удача будет на нашей стороне! – возликовала Сол'Фимитриэль.

– Или только на твоей?

Суккуб пожала плечиками, мол – ох, уж мне этот скептицизм.

Я собирался встать во главе отряда, но Фридлейф не позволила мне этого сделать. Воительница луны промолвила:

– Нет, Фиалковый рыцарь, пусть, как и прежде, первой идет «она».

– Я так и собиралась поступить.

Взмахнув кнутом (для проверки) и, чуть согнув ноги в коленях, Сол'Фимитриэль пошла вглубь Гривирдана...

– За маскарадным праздничным братом! – позвал Малыш Брюм, ступая следом.

Ради осторожности, я свел до минимума интенсивность магического освещения. Теперь шарики «Света» не сияли так ярко, как раньше, но лишь худо-бедно помогали нам что-то видеть перед собой.

Идя по ассиметричным, пахнущим каким-то тленом ходам, которые в незапамятные эоны проложили своими уродливыми лапами ядовитогубые причмокиватели, мы держали оружие так, чтобы его сразу можно было пустить в дело. Коридоры подменялись коридорами. Из

малюсеньких трещинок в потоке на нас постоянно капал какой-то маслянистый экссудат – то, чем стала вода, пройдя через волглую толщу Гривирдана. Окутанные колдовской люминесценцией, мы робко отгоняли от себя извечную ночь лабиринта. Медленно разрываясь на тысячи теней, наволочка тьмы, вопреки своей воле, оголяла перед нами тайны и секреты Проклятого города. Где-то из зловещих ниш, как поганки, выступали костяные крышки сундуков-ларей. Некоторые из них были закрыты громоздкими замками или заколочены четырёхгранными гвоздями, а иные, распахнутые настежь, демонстрировали нам предметы оккультизма и кабалистики. Иногда наши сапоги задевали ржавые цепи, вбитые в гранитную основу, остовы хитиновых панцирей или доспехи, под которыми белели скелеты альвов. Гривирдан – это место величайшей славы и безмерной скорби Зеленого Королевства. Отголоски той самой битвы – Сотни Ножей встречались нам почти постоянно. Будь то меч, латная перчатка, амулет Сирвиллы, янтарные бусы или истлевший колчан – каждая такая находка отзывалась болью на личике Фридлейф. Стараясь шагать как можно тише, я машинально обводил посохом овальные своды. Всюду иероглифы Хрипохора, всюду роспись-рисунки, восхваляющие пантеон Огня, всюду каракули и письменные завитушки.

Спустя какое-то время мы, протискиваясь в очередной узкий проем, вдруг отчетливо услышали звуки, принадлежащие живому существу. Они доносились с противоположного конца непроглядных хоромин и, что важно, нарастали в громкости с пугающей быстротой.

Рычание, гулкое шлепанье босых лап и присвисты, направлялись точно к нам. Прятаться не имело смысла – нас увидели. А почуяли еще раньше. Поспешно обменявшись кивками и жестами, мы застыли в оборонительных позах... Шарики «Света», повисшие чуть впереди Брюма, отгородившего собою Сол'Фимитриэль, внезапно вырвали из мрака очертания широкоплечей, стремительно надвигающейся фигуры.

Предчувствие... Почему ты такое плохое?

Глава 4. Глубоко, глубоко под землей, в древнем городе Гривирдане

– Арвархар! – взревел животный голос.

Так вышло, что наша компания была вынуждена принять бой в довольно–таки тесном проходе. И оттого, когда громадный серо–розовый кулак бабахнулся по щиту рыцаря–плютеранца, мы все, бросившись к товарищу на выручку, лишь создали вокруг себя сумятицу, и как итог упустили хорошую возможность ответить на натиск, атакой из тыла.

А между тем, Малыш Брюм – здоровенный и мускулистый, облаченный в прочнейший доспех Братства Света, второго зубодробительного тычка не выдержал. Всей своей нехилой массой он повалился на суккуба, которая топталась прямо за ним. Софи жалобно вскрикнула (это Хургудра!), а я, между тем, наконец, увидел того (ту), с кем мы имели дело. Секунда–наблюдение! Скаля желтые клыки и раздувая ноздри–дыры, к прыжку готовилась безволосая обезьяна таких исполинских размеров, что у меня от удивления (от страха!) отвисла челюсть. Скачок!...

Я выстрелил из Лика Эбенового Ужаса. Огонь вмазался в отвратительную морду и, не причинив ей никакого вреда, опал на пол снопом искр! Да какого тролля?! Откуда у этой гадины стопроцентная защита от магии Стихий?! Не иначе, что это дар Самого Маморгамона! Но разбираться будем потом! Не получив даже ожога, Хургудра, перепрыгнув Брюма (приземлившись рядом с рыцарем–плютеранцем обезьяна уперлась в него задней лапой, чтобы тот не поднялся), схватила меня за башлык и притянула к себе! А–а–а–ам! Пасть у моего лица!... Однако моя физиономия, хвала Вселенной, осталась при мне (или на мне?). В самый последний момент Фридлейф, как–то просунувшись сбоку, засунула Филириниль в пасть Хургудры! Плюясь и все так же злобно рыча, любимица Бога–Идола Маморгамона перебросила меня через себя, а затем обрушила свою ярость на воительницу луны. Как тряпичная кукла, я пролетел, наверное, футов пять и, ухнул головой об стенку. Превозмогая тупую боль в черепе, я, зная, что из–за стресса никаких заклинаний сотворить сразу не смогу, потянулся за отлетевшим в сторону Альдбригом. Нащупав рукоятку меча (вот он!), я кинул взгляд на Фридлейф.

Безволосая обезьяна, как–то освободившаяся от Филиринили, наградила воительницу луны чудовищным ударом по виску. Я вскочил, а Фридлейф, явно потеряв сознание, завалилась там же, где и стояла. Издав ликующий вопль, Хургудра потянула пальцы к горлу эльфийки... И Фридлейф верно бы погибла, если бы не Сол'Фимитриэль. Все в том же положении – лёжа, суккуб повернулась на одном бедре и щелкнула своим кнутом. Кожаная спираль обмоталась по безобразной ноге... Усилие!

Безволосая обезьяна потеряла равновесие и (дудых!) шибанулась подбородком об нишу с какой–то рухлядью ядовитогубых причмокивателей. Надо ставить точку в этой баталии! Сейчас, бестия, я воткну в тебя Альдбриг! Распластавшаяся Хургудра отпихнула меня левой пяткой (я кубарем отлетел куда–то вправо!). А вот рыцаря–плютеранца она отогнать не сумела. Грязная стопа столкнулась с серебристым щитом (бубух!), после чего Колотушка, ниспосланный дюжей рукой (за Отца Ураха!), низринул на череп живореза. Раздался противный хруст... Нет, Хургудра не умерла (куда уж такой машине), но иступлено заорала. Однако Малыш Брюм не струсил. Он вновь занес молот над головой, но... нанести новый удар ему не удалось. Хургудра, подавшись вперед, обхватила Брюма посреди торса, затем единым разом перевернула его спиной к себе и стала давить, желая сломать хребет. Вместе с этим, зубы безволосой обезьяны рвали стальной ворот на шее. Собираясь хоть как–то помочь Брюму вырваться из тисков Хургудры, я воздел Альдбриг... Меня опередила Сол'Фимитриэль. Подхватив валяю-

щийся кинжал Фридлейф, она, поставив на карту все, ловко перекувыркнулась аккуратно к мышке Хургудры. Суккуб, понимая, что жизнь Брюма висит на волоске, отвлекла на себя одну из лапищ безволосой обезьяны. Блеснул кинжал... Он метил в ухо живорезу, но вместо того поцарапал броню рыцаря–плутеранца – это Хургудра встряхнула суккуба, тем самым изменив направление убийственного укола.

Я взмахнул мечом... Повезло! Я вогнал Альдбриг в подреберье! Безволосая обезьяна завопила, отпятилась, грохнула головами друг об друга Брюма и Софи, а потом побежала от нас прочь... Брюм, ворча «Колокола, колокола звонят внутри моей башки!», потряс Сол'Фимитриэль, которая в свою очередь пролепетала «Они такие громкие, что я их тоже слышу». Я же склонился над Фридлейф Аторэ... Она дышала!

– Из нас никто не погиб! – с облегчением объявил я.

– Повезло, – в несвойственно сухой манере откликнулась Сол'Фимитриэль. – Хургудра не такая, как все остальные безволосые обезьяны. Она выкормлена в Червонном Капище. При высших жрецах Хрипохора. При внимании Маморгамона. Хургудра могла убить всех нас.

– Могла. Но нам подфартило. Еще бы чуть–чуть и я уложил бы ее баиньки. Жаль, что она убежала.

– Рана Хургудры не была смертельной. Ее спугнул не твой клинок, Калев, а то, что она услышала.

– И что же она такое услышала? – озадаченно спросил я, осматривая висок Фридлейф. Под кожей у нее вспухал громадный лимфатический пузырь.

– Нет, не то, я не правильно выразилась. Но как объяснить?

Суккуб приложила ладонь к своей груди.

– Оно тут. Вибрации. Рифмы без слов. Превосходство Света над Тьмой. Это чувство... Оно доступно для восприятия, таких, как я и Хургудра. Думаю, что ты тоже скоро поймешь, о чем я.

Сол'Фимитриэль напряженно вглядывалась в сумеречный коридор.

– Где–то там идут Клигрингрин и Кейверген.

Малыш Брюм грузно опустился рядом с Фридлейф Аторэ.

– Брат ушел к Отцу Ураку?

– Нет, брат пока с нами, но брату плохо.

Ответив рыцарю–плутеранцу, я задал вопрос Софи:

– Кто такие эти Клигрингрин и Кейверген?

– В Соединенном Королевстве есть верховный понтифик – глава Братства Света, а в Бурунзии этот же пост называется иначе – иерарх. В Бурунзии их аж два. Так вот Клигрингрин и Кейверген – как раз–таки и есть эти иерархи. Они храбрые и непобедимые воины Щита Света, – прошептала суккуб. – Им покровительствует сам Даратанаэль. Он наставляет их, защищает и молвит то, что угодно Ураку. Даратанаэль задает иерархам цель. И эта цель, какая бы она ни была, всегда достигается.

– Иерархи, как же, слышал... А Даратанаэль, хм, это же небожитель Всеотца?

– Верно. Даратанаэль – владыка Царства Небесного. Месть и Каратель Ураха. Его еще иногда зовут Бич и Гнев Господень. Все суккубы и инкубы трепещут, зная, что в Конце Времен им придется сражаться против него. Даратанаэль держит при себе хоругвь Света и копье Молнию Света. Да–да, ты не ослышался, воробушек, именно то копье «Света», которым Харальд Темный низверг Дроторогора в Полдень Игл.

Я уже открыл рот, чтобы осведомиться «как это так», но суккуб затараторила:

– Ладно, уговорил, блиц–подшивка хроник прошлых лет. Плайма Осквернительница проводила для нас, суккубов, разнообразные уроки, показывая на Стене Прозрения те или иные фрагменты истории, которые были или только будут, а так стать, что и нет. Полдень Игл и предшествующие ему события, мы, конечно, тоже проходили. Значится так. У Харальда

была жена Линда Фаления. Так, бубличек? И родилась она в Королевстве Бурунзия. Так, сладенький? У нее было три братца – король Куминг Велжуйский, герцог Влимлиг Остлегицкий и иерарх Владуморг. Ага, козличек? За час до замужества к Линде, молящейся Урагу, нанес визит Владуморг и высокий–высокий мужчина покрытый капюшоном. Брр!

Сол’Фимитриэль вся передернулась, как от холода.

– Мужчина скинул капюшон, и стало видно, что весь его лик светится. Это был Даратанаэль. Владыка Царства Небесного вручил Линде свое копьё Молнию Света, сказав, так: «Дева из Бурунзии, твой брак – это Замысел Ураха. Однажды любовь Всеотца спасет мир, а твоя – Соединенное Королевство. Когда наступит Черный час, снаряди Харальда моим копьём Света. Сделай так, и тогда он выстоит».

– Я знал, что Харальд Темным владел особым копьём, благословенным Урагом, но как оно ему досталось – нет. Спасибо за подробности!

– Не за что, мармеладочка! – откликнулась суккуб, игриво похлопав меня по щеке. – Вот и эльфийка проснулась!

Мое внимание было сосредоточено на Сол’Фимитриэле, и оттого я пропустил то, что Фридлейф пришла в себя.

– Фиалковый рыцарь, я...

– Ты как? – сразу же спросил я.

– Жить буду. Где Хургудра?

– Улизнула.

– Брату лучше! – возликовал Малыш Брюм.

– Нам пора уходить, пупсики! Если мы попадемся Кейвергену или Клигрингину, ну то есть если я им попадусь, то от меня не останется ни рожек, ни ножек, ни хвостика!

– Маскарад закончится, и ты станешь обычным братом!

– И нам–то что с того? – кое–как вставая, обронила Фридлейф Аторэ.

– С того, что будете тогда шкандыбать до своей Вестмарки весь следующий годок! Годок и еще маленькую тележку дней!

– Причина весома. Пошли, – отозвалась воительница луны.

После знакомства в Хургудрой наша компания обзавелась различного вида синяками и ссадинами (Фридлейф, наверное, еще и сотрясением мозга). Но в целом, нас, что говорить, пронесло. Обошлось без отгрызенных конечностей, переломов и иных неприятных последствий.

Как ни крути, а Бингс Флаерс был прав, утверждая, что мы – я, суккуб, рыцарь–плютеранец и эльфийка, не шибко–то вписываемся в формат его состязания. Если бы не счастливый случай, вылившийся в то, что безволосая обезьяна унюхала иерархов Бурунзии, то мы могли бы уже выбыть из конкурса.

Софи шла размашистым шагом, иногда чередуя его с короткими перебежками.

Когда я повстречал суккуба первый раз, она была скованна цепями и терпела издевательства бесят, выполняющих жуткое поручение Плаймы Осквернительницы. Тогда я, Настурция Грэкхольм и Альфонсо Дельторо избавили Софи от мучений, но не от оков (от них тоже, но не сразу). Я помню, как испугалась суккуб, когда почуяла то, что к ней приближается магистр Ордена Милосердия – Лютерия Айс. Она сообщила, что Лютерия может закинуть ее в Мир Света, где ее растворят в Святой воде. Магистр Ордена Милосердия – моя подруга, погибшая в Тумиль’Инламэ, имела ярко выраженную духовную силу. Но от нее не исходил тот почти неуловимый поток эфирного пламени, как от Алана Вельстрассена. Находясь подле верховного понтифика, ты понимаешь, что его огонь Добра вполне может стать осязаемым. Кожей. Что ему подвластно не только лечить и успокаивать души, но и сжигать их дотла.

К чему это я? К тому, что Алан, появившийся на свет уже отмеченный Урагом (со звездами на ладонях – знак верховных понтификов), неимоверно могущественен. Это же, без вся-

ких сомнений, касается и тандема иерархов. С той только разницей, что как «два» больше, чем «один», так и пара иерархов – это как верховный понтифик в квадрате. Арифметика! Для Сол'Фимитриэль, существа из Мира Тьмы, свидание с Клигрингрином и Кейвергеном сулит стопроцентную смерть. А кто хочет умирать? Никто! Поэтому суккуб, настроившаяся на зов Мелисы, вела нас к Бингсу Флаерсу, видимо, самым коротким путем. Но безопасным ли? Надеюсь, что да!

Мы миновали вытянутую залу–кладовую, запруженную багровыми кувшинами, а затем стали подниматься куда–то наверх. Покинутый город ядовитогубых причмокивателей, в основном обнаруживающий себя извилистыми туннелями или вогнутыми полостями–пещерами, вдруг предстал передо мной в совершенно ином ракурсе. Кое–как взобравшись по рыхлой круче, я был остановлен выставленным локтем Софи. И не зря! Еще один пустопорожний шажок и поминай, как звали! Я стоял в начале узкого виадука, уводящего на другую сторону пропасти... Когда ты всю дорогу тащишься по кривым подземельям и, бац, перед тобой вырастает пустота, непроглядные недра которой сифонят затхлостью и тленом, то твоя клаустрофобия, отирающаяся где–то на задворках сознания, подменяется липким страхом высоты. Отгоняя от себя нахлынувший ужас, я помотал головой. Помогло. Подо мной, как и надо мной тоже, разверзли свои уста мосты–перемычки. Аллегорически это можно представить так – что–то наподобие рук, растягивающих нити незаконченной пряжи. Аккуратно, придерживая (страхую) впереди идущего товарища за пояс (перил–то нет!), мы, балансируя над хтоническим провалом, двинулись к противоположному концу виадука. Вспышка! Я невольно глянул вниз.

На двух почти соприкасающихся друг с другом мостах разгоралось сражение! Два человека против гнома в одеждах Минтаса! Вопреки всему я, тараканившийся позади Сол'Фимитриэль, затормозил. Уж так меня заинтересовал этот поединок! Людей я для себя назвал – Красным и Белым, по цвету их доспехов, а гнома окрестил Чародеем. Красный выстрелил в гнома из арбалета, а Белый достал из–за пазухи волшебную палочку. Чародей увернулся, и, выставив перчатку, ответил зигзагом «Молнии». Заклинание угодило Красному в колено. Он скобочился, закричал и новый арбалетный болт полетел совсем не в то место, где стоял гном. Между тем Белый, все водивший волшебной палочкой туда–сюда, послал в Чародея сгусток магмы. Вжух! В последний момент гном успел сконцентрировать заклинание «Элементарного Щита». Тогда Белый выпустил из волшебной палочки еще один Расплавленный шар – его так же поглотила колдовская броня Чародея из Минтаса. Сдача гнома не заставила себя ждать. Электрическая дуга гроыхнула по Белому, но серьезного ущерба тому не нанесла. Как бы запутавшись в плаще, она заюлила на мерцающем воротнике, после чего потухла. Недовольно проведя пальцем по обожженной горловине, Белый достал золотистый ятаган. В следующую секунду он совершил сальдо через себя и тем самым перепрыгнул на мост гнома. Красный опять стрелял из арбалета, но промазал. Его покалеченная нога под алым доспехом дымилась, очевидно, причиняя запредельную боль и мешая целиться. Ятаган сошелся клин к клину с маленьким топором. Еще и еще раз! Отбив очередной финт ятагана, гном с разворота (технично!) ударил врага кулаком в солнечное сплетение. Короткий всплеск света, а сразу за ним протяжный хрип! Да и как тут не скулить, когда в тебя врубается перчатка, зачарованная на магический урон! Белый, отлетев от Чародея на пару футов, упал на спину, у края обрыва. Пшить! Пшить! Пшить! Третий арбалетный болт все же достиг гнома. Он врезался ему под ключицу и принудил выронить топорик.

Чародей закричал. Он силился разогнуться, но почему–то не мог. Острые болта было смочено ядом? Возможно. Ухмыляясь, Красный стал неспешно заряжать свое оружие какой–то особой серебристой стрелой, а Белый, упершись руками об пол, вспрыгнул на ноги. Кивнув Красному (мол, все на контроле, не вмешивайся), он приблизился к гному. Решая чем погубить Чародея – волшебной палочкой или ятаганом, Белый расслабился... Это твоя непростительная ошибка, приятель! Гном, превозмогая судороги во всем теле, вновь двинул Белого колдов-

ской перчаткой. Сиянием–взрывом Белого снесло за пределы моста. Ву–а–а–а–а! Печальный вскрик понесся в глубины Гривирдана. Эхо... Слабее... Слабее и слабее...

Красный, в гибели друга ничего плохого не усмотрел. Злобно рассмеявшись, он поднес арбалет к глазу. Что–то мне подсказывает, что та серебристая стрела, куда бы она ни вонзилась, непременно убьет гнома... «Пиу» – сказал лук над моим ухом! Человек недоуменно приложил палец ко лбу – из него торчало тонкое древко с оперением. Закачавшись, уже бездыханный Красный отправился в Бездну вслед за Белым. Чародей из Минтаса исподлобья, снизу вверх, глянул на нашу компанию. Фридлейф поняла лук над головой, и тогда гном благодарно кивнул.

– Все! Посмотрели на мальчиков–болванчиков? И хватит! У нас свой Брюмчик–Тугодумчик есть! – шикнула Сол’Фимитриэль. – Пора дальше!

– Почему ты вступилась за гнома? – спросил я у ступающей за мной Фридлейф Аторэ. – Он же тебе «никто».

– Двое на одного. Схватка уже изначально была нечестной, – прошептала воительница луны мне в шею.

– Так и ну?

– Что, и ну? Я уравнила ставки.

– Нет, ты выставила победителем гнома. Почему?

– А почему ты допытываешься?

– Мне интересен ход твоих мыслей.

– Брат! Отец Урах заповедовал защищать маленьких! Гном – это человек с бородой, но только маленький? Худой, щуплый брат поступил правильно!

– А я бы не стал вступать в перепалку. Не мне тут, решать, кому жить, а кому двинуть кони, – буркнул я. – Вселенная рассудила бы их. Я же этих парней даже близко не знаю.

– Та, что дирижировала волшебной палочкой и крутилась с ятаганом – Химильва знаменитая судья–палач из Империи Хло. Продажная чиновник, изумительный боец и аморальная почитательница бурлеска! Ров Ги Клош – Надзиратель тюремных камер Мира Тьмы будет рад, такому гостю как она! Ну, в смысле, ничего хорошего Химильве это не сулит, – поведала суккуб. – А тот, что арбалетиком играл, то Рюми Пак, наемник–стрелок из княжества Балитии. В его коллекции много отрубленных кистей и стоп. Парень он противный и спесивый. Был! Теперь уже Рюми Пак составляет компанию Химильве, и жариться на одной из сковородок Ров Ги Клоша или тянется на дыбе у Таккилада’Ан’Халада. И тот досуг, и этот, как по мне – так себе. Гном же – Гуфадоль. Он из Минтаса. Маг – и этим все сказано.

Фридлейф не замедлила прокомментировать речь Софи:

– Вот видишь, Кaleb, мое сердце не прогадало!

– Я и не сомневался в этом, – быстро отозвался я, накидываясь с вопросом на суккуба. – Что это еще за княжество такое – Балития? Первый раз о таком слышу!

– Есть такое, зайчик, есть. Оно там, на западе. За океаном Лирики. Левее и ниже Олфоллии.

– За Вольными городами есть еще один материк?!

– Ага. Большой. Со своими Богами, обычаями, народами и странами...

Споткнувшись, суккуб рефлексивно взмахнула крыльями. Одно из крыл хлестануло мне по щеке.

– Хармх! Софи...

– Не шипи, сладенький. Я не нарочно.

– Да я не про это, – вновь зашептал я, обуреваемый научным интересом (со мной так всегда – скажи что–то, чего я не знаю и все, приехали). – А про материк!

– Сейчас не лучшее время обсуждать картографию! – одернула меня Фридлейф Аторэ.

– Калебулька, ты представляешь? А, ведь, я сейчас согласна с эльфийкой. Давай потом об этом поболтаем? Когда у меня будет Мелиса, а у тебя секретики Безымянного.

– Ну ладно! – вздохнул я.

Благополучно преодолев акведук и оставив позади себя ту неохватную разумом впадину, что, быть может, напрямую ведет к Пеклу Назбраэля, мы опять заплутали по лабиринтам Гривирдана. Сол’Фимитриэль безостановочно понукала нас увеличить свой и без того не прогулочный темп ходьбы. Она во что бы то ни стало и вопреки всему, желала первой добраться до Бингса Флаерса. «У него Мелиса, котик! Он ее поносил и все! Теперь вернет! Мне!» «Рядом» со словами о сумасшедшем маге – любителе острых ощущений и кольце Плаймы Осквернительницы, за насущной нуждой, еще ошивался инстинкт самосохранения. Суккуб ой, как не хотела пересечься с Астрой–Алисой (да и мы все тоже!) или с Кейвергенем и Клигрингрином. Поэтому... Поэтому когда перед нами внезапно взорвалась стенка, мы изрядно стухнули.

Надсадный вопль!

Из пламенеющей бреши вывалилось бесформенное, обгорелое тело. Через мгновение оно превратилось в кучку праха. Из–за каменного зазора показался желтый глаз и... Фридлейф тут же спустила тетиву. Стрела воткнулась в жаркий ком оплившей грязи.

– Гаваргахар мир–ату тухарган ватайри, Со–ло’Фимитри–а–эль! Плаймус таха–эбе!

– Стойте! В том проеме не враг! – возвестила суккуб. Впрочем, говоря это, она выглядела раздосадованной.

– Пусть покажется! – рявкнул Брюм.

– Я не одна, Глимус! Выходи!

Софи бросила взгляд на приготовленное нами оружие.

– Выходи, но только медленно! Без фокусов, чтобы не спугнуть моих друзей! И изъясняйся на языке Соединенного Королевства!

Тот, кто выступил из–за дымящегося пролома, своим видом, спровоцировал нападение Брюма. Широко шагнув вперед – на манер физкультурного упражнения (левая нога выпрямилась, а правая присела в колене), рыцарь–плотеранец, прикрывая себя щитом, взвихрил молот. Малыш Брюм – лучший из лучших бойцов Соединенного Королевства (элита!), состоящий в Ордене Плотеранцев, не понаслышке знаком с тем, как выглядят живорезы или рабы Назбраэля. И если экстравагантную внешность Софи, мне худо–бедно удалось растолковать Брюму (почему она такова), то в эту пору... Рыцарь–плотеранец, естественно, услышал то, что сказала Сол’Фимитриэль, но его мозг, воспринимать это отказался. Тут по любому надо «шмякнуть»! Почему?

Существо, появившееся из–за скола, было полностью покрыто шерстью. От рогатой макушки до пяток, она лоснилась ухоженным коричневым цветом. Эластичный хвост–трезубец. Рост шесть футов. Пальцы с длинными черными когтями. Без одежды, да она и не нужна, когда на тебе такая ворса. Уши с кисточками. А морда... Большие желтые глаза–блюдца, под ними нос–рыло, как у летучей мыши, и рот с пухлыми алыми губами... В этом рту сидело много иглообразных, острых зубов – некоторые загнутые, иные волнистые или трехгранные, выпирающие под своеобразными углами. То есть чудище коварное и непредсказуемое. Олицетворение Тьмы. Оно, он (Глимус) – «гоэтия». Гоэтии – командиры среднего звена. Они – горделивые и амбициозные, по градации чинов приравняются к суккубам, инкубам и «нечестивым». Их творец – выдающийся полководец Назбраэля, сверхумный демон, гениальный стратег и тактик Сабесску. Гоэтии издревле славятся различными талантами, как военными, так и творческими. От природы склонные к колдовским мистериям, они так же зарекомендовали себя, как и хорошие маги. Гоэтии – инициативные, непоколебимо уверенные в себе, необычайно сильные, сметливые человекоподобные твари. Изредка некоторым высокопоставленным Князьям Страха и Ужаса получается уговорить Сабесску продать Им (дорого!) того или иного гоэтию. Без всяких яких – это ценное приобретение! Вымененного гоэтию, лорд Мира Тьмы будет использовать у себя в качестве старшины, шпиона, воина, счетовода, кудесника или управляющего. Конечно, гоэтии не лыком шиты, но будь тут Серэнити Темная или

Лютерия Айс – верховные жрецы Света, то, возможно, судьба Глимуса сложилась бы иначе, а так...

Гоэтия обратился дымом и молот Брюма лишь цапнул маревую пустоту. Проявившись чуть правее Сол'Фимитриэль, Глимус выставил перед собой мохнатую ладонь. Из нее вылетел маленький металлический шарик. Бумс по Брюму (заклинание «Замедления» опутало рыцаря–плютеранца тягучими нитями) и обратно к Глимусу. Осознав, что теперь двигается не быстрее улитки, Малыш Брюм взревел (по слогам):

– Ве–дми–но кол–до–вство! Бра–тьяая! Убе–йте–ег–гооо!

Держа Глимуса на мушке Ли́ка Эбенового Ужаса, я сотворил сферу–антидот к заклинанию «Замедления». Я мог снять с Брюма ворожбу гоэтии, но дожидался развязки (развевая чары, я бы поставил точку в еще не начавшемся диалоге – рыцарь–плютеранец опять бросился бы на Глимуса). Фридлейф–же повторно не спустила тетиву только потому, что Глимус предосудительно спрятался за Софи.

– Будьте любезны, охладите свой пыл, – плавным, красивым баритоном попросил Глимус.

В правой лапе гоэтия сжимал тлетворный меч, источающий хмарь, а в левой специфичное оружие – тот самый металлический шарик. Он оценивающе оглядел нас, а потом добавил:

– Нужды ссориться, у нас нет. Я тут не за вами.

– Тебя послала Плайма. Ты здесь по ее поручению, – упавшим голосом утвердила Софи.

– Я помню, как Госпожа приобрела тебя у владыки Сабесску и... теперь ты тут.

– Поэтому я «тут». Не суккуб и не инкуб, а я. Гоэтии – никогда не ударяют в грязь лицом.

– Ты пришел за Мелисой.

– Именно.

– Она моя! – отрезала суккуб.

– Твоя? С каких это пор ты говоришь, что Мелиса твоя? Кольцо принадлежит нашей госпоже – Плайме Осквернительнице. Великой княжне и хозяйке Ягнес–Фарада. Если ты вдруг забыла, – не согласился Глимус. Один его желтый глаз глядел на Фридлейф, второй на Сол'Фимитриэль.

– Я не забыла, – отозвалась Софи, медленно отходя назад.

– А так и не скажешь. Впрочем, ты вообще должна проводить свой досуг несколько «иначе». Почему ты здесь?

– Так получилось.

– Да? Удивительно. Не слышал, чтобы Плайма снимала с тебя наказание.

– И что же? Побежишь–нажалуешься ей на меня?

– Отнюдь. Это нормально, что ты хочешь вернуть расположение Госпожи.

– Что–то вроде того.

– Вырвалась и вырвалась. Я бы тоже на твоём месте ровно на стуле не сидел.

Глимус провел по губам языком. Его желтый глаз впери́лся в меня, затем вновь вернулся на Фридлейф Аторэ. Видимо гоэтия считал эльфийку опаснее меня.

– Ну и раз мы так неожиданно пересеклись, то скажу вот что; Не только ты и я идем за Бингсом Флаерсом. Ты, разумеется, чувствуешь это, – еле́йно промолвил Глимус. – Еще Астра–Алиса и два иерарха. Гривирдан – нынче местечко не сахар. Поэтому для достижения цели... предлагаю объединить силы.

– Ни за что! – тут же отрезала Фридлейф.

– Зачем нам это нужно? – задал вопрос я.

– Не доверяйте ему! – воскликнула Сол'Фимитриэль.

– А тебе верить значит можно? – вскинул кустистую бровь Глимус.

– И ей нельзя! – обронила воительница луны.

– Ммм, всем нельзя, но иногда приходится идти на риск, – глубокомысленно произнес гоэтия, вновь поворачивая морду к суккубу. – Ситуация щекотливая, Сол’Фимитриэль, а вдвоем у нас больше шансов завладеть Мелисой.

– Но отдать кольцо госпоже может лишь один из нас.

– И это будешь ты.

– Смеешься? А что же тогда достанется тебе?

– Сам Бингс Флаерс. Для Плаймы он не менее желанен, чем Мелиса.

– То есть делим добычу пополам. Так?

– Все верно. Из нас никто не останется внакладе.

– Враль! – обвинила Глимуса Софи. – Ты предашь меня и присвоишь все себе!

– Разве я когда-то не держал свое слово?

– Конечно! Сотни тысяч раз! Как и все гоэтии! – крикнула суккуб.

– Ба, какая! Ты сделала свой выбор, дурочка, и наши корабли теперь под разными флагами!

Гоэтия оттопырил мохнатое ухо.

– Клигрингрин близко. А с ним Кейверген.

– Либо ты сейчас же уберёшься с нашей дороги, тварь, либо я отправлю тебя обратно в Мир Тьмы! – недвусмысленно предостерегла Фридлейф Аторэ.

– Я никогда не ел эльфов, но, признаюсь, с удовольствием бы попробовал, каковы они на вкус, – хмыкнул Глимус. – Кто знает, может еще доведется?

– Скорее ты слопаешь свой плешивый хвост! – отреагировал я.

– Ха! Ну-ну! Тут еще и Кaleb! Знаем, тебя как же! Грозный ты наш! Хе-хе...

Гоэтия обрел форму дымной фигуры. Уносясь со сквозняком в дебри Гривирдана, он на прощание изрек:

– Еще увидимся, Со-ло’Фимитри-а-эль. Если ты, конечно, останешься жива. Иерархи вряд ли будут к тебе так же добры, как я.

Ответом ему стала выпущенная стрела воительницы луны. Не причинив вреда бестелесному Глимусу, она звякнула о камень

– Спасибо, – поблагодарила суккуб. – За меня еще никто и никогда не вступался.

– Я это сделала не потому, что ты мне дорога! – рыкнула Фридлейф. – Мы миримся с тобой по необходимости! Иначе!...

– Иначе бы разговор был бы другим? Знаю, знаю. Всюду расчет! Но все же, твой поступок для меня много значит, поэтому и спасибо, – шмыгнула суккуб, кладя мне руку на плечо. – Возвращай Брюмчику–Тугодумчику его естественную подвижность. Иерархи и правда, совсем близко.

Кивнув, я наложил на рыцаря–плутеранца заклинание–антидот. Почувствовав, что в состоянии двигаться как раньше, Малыш Брюм сграбастал нас всех за башлыки – одной рукой меня, а второй Фридлейф и Софи.

– Вы позволили ему улизнуть, братья! Почему?! Отцу Ураку бы это не понравилось! Падаль Тьмы должна быть уничтожена! Вырвана с корнем!

– Да шут бы с ним! – пискнула Сол’Фимитриэль. – Надо поторапливаться!

– Но мы его поймаем?! А, праздничный маскарадный брат?!

– Всенепременно! Мы как раз за ним и идем!

Как только Брюм разжал хватку, Софи побежала по коридору. Несясь по вертепу пещер и перепутий, из которых состоял Проклятый город, я спрашивал себя – «Насколько же обширен Гривирдан?» Сейчас мне кажется, что он бесконечен. Ядовитогубые причмокиватели проковыряли в толще лесной подстилке мили и мили ходов и патрубков! Преодолев галерею всю испещрённую пиктографической клинописью, мы, вильнув в очередной обметанный плесенью лаз, вышли на нечто напоминающее балкон–лодочку. Тупичок, а под нами естественная, нео-

глядная каверна. Надо поворачивать обратно! Софи вела нас наугад, ориентируясь на эманации Бингса Флаерса не расстающегося с Мелисой, поэтому некие огрехи в навигации – это нормально. Впрочем, то, что мы оказались сейчас тут, а не внизу, где вероятно, вон из того отверстия нам надлежало показаться – это удача! Потому как среди шаржированных и карикатурных колонн, увитых ярко люминесцирующими грибными припухлостями и всеобщей разрухи, намечающей в себе признаки грубой мебелировки, между потенциальными участниками «Пока тикает минутка» зачиналась новая баталия. И было тут аж три противоборствующие команды. Мягкошерст и акивал – каждый сам за себя, а трое людей – вместе.

Черно-угольный мягкошерст, с белым кончиком хвоста, юркнул за сталагнат и голубой дротик, посланный человеком, его не достал. Для того чтобы мне было легче интерпретировать действия людей, я опять навесил им ярлыки. Только теперь я обозначил их для себя уже не по цветам, а по комплекции – Толстый, Средний и Башня (последний почти такой же рослый как Брюм). Средний, такой усатый дядька в шароварах и хитиновом нагруднике, попытался достать акивала алебардой – очень красивой и, вероятно, зачарованной на какую-то дурную магию. У него не получилось. Акивал, превосходно читающий язык телодвижений, ушел влево, следом нагнулся и снизу вверх нанес удар коротким посохом, оголовье которого было сделано в виде Бога-Змея Ату-Сигилла. Средний, тоже не зевая, заблокировал посох алебардой...

– Хлоц! Это Хлоц! Он важный блиночек в Муат'Лан! А мягкошерст – это Чернослив! Он известнейший герой и воин Адамантового налапника! – прошептала Софи, прижимая нас расставленными руками к стене (так, чтобы нас не заметили). – Ух и жарко сейчас будет!

Стараясь не упустить ни одной, даже мелочной детали схватки, я, присев на корточки, украдкой выглядывал из-за осклизлого портика балкона-лодочки.

По сути, Бархатные Королевства и Соединенное Королевство – это страны-соседки, разделенные парочкой морей да Великим Лесом (так подумал будто бы это совсем чуточку, а-ха-ха). И оттого мягкошерсты, издревле мелькающие в истории людей (так-то в Хафлане есть аж целое посольство Бархатных Королевств – Маслице и Блинок!), первые, кого мы – «нескладные верзилы» вспоминаем (помимо гномов), когда речь заходит о том, что лежит там, за «грядой». Я – тому не исключение. В последние месяцы я много раз затрагивал темы прямо или косвенно относящиеся к мягкошерстам. Но есть и иные жители на нашей Земле, коих мой разум несправедливо обошел стороной! К примеру – акивалы! Случай их припомнить как-то не подворачивался, а зря! Сейчас, смотря на то, как сосредоточенный Хлоц сотворил посохом горчично-торфяной болид, заставивший отскочить Толстого, подбирающегося к нему с фланга, я одновременно воспроизвел в себе некие тезисы относящиеся к акивалам.

Путешествуя туда-сюда, я бывал почти во всех уголках Олфолии. В том числе и в королевстве Муат'Лан или в Золотой Пустыне, как зовут ее некоторые из нас. В Муат'Лан, в обширных, истосковавшихся по дождям пустошах, уже как без малого тысячи и тысячи лет благоденствуют акивалы. Хладнокровные, обожающие жару и ненавидящие мороз, они – гуманоидные рептилии, сплетенные, по моему мнению, из несочетаемых элементов, граней личности – высоко развитого интеллекта и животных инстинктов. Роста, как и комплекции, акивалы самого разного. Есть среди них и карлики, и великаны, так что выше человека, толстяки с лоснящейся чешуей, и ссохшиеся костлявцы. Впрочем, основная масса акивалов выглядит подтянуто и атлетически сложено. Кожа у уроженцев Золотой Пустыни варьируется от почти черно-зеленого и красного оттенков до, в редких случаях, белого и розового – эти своего рода альбиносы. Но стандартный окрас акивалов, разумеется, желтый. Живут они меньше, чем гномы, но дольше, чем люди – в среднем доживая до ста, ста двадцати лет, а в сто пятьдесят укладываются за очень редким исключением. Какая-либо растительность, усы или там волосы, у акивалов отсутствует. Их глаза не мигают, а время от времени смазываются особой плёнкой. Кстати, спят они, тоже не закрывая глаз, и от того не понятно, бдит акивал или же пребывает в дреме. Еще интересный нюанс, это то, что акивалы линяют. Ну, прямо, как змеи, подменяя

износившуюся одежду, новой. И если уж речь зашла про одежду, то акивалы ее носят, предпочитая легковесные и полупрозрачные типы тканей, а так же крупные золотые украшения, указывающие на статус индивида – тут все как у нас, чем богаче наряд, тем важнее его обладатель. Если представить себе ящерицу в длину где-то в шестьдесят пять дюймов, стоящую на задних лапах, в червонных амулетах и браслетах, в шелковой юбке, с копьём-гарпуном и выдубленной броне из геккона – то в воображении проявится приблизительный образ акивала.

По Муат’Лан раскинулось множество городов, сложенных из обтесанного песчаника, известняка и гипса. Эти гигантские мегалитические сооружения, выстроенные в эпохи старые и загадочные, как горы, возвышаются над барханами и дюнами песка. Хотя к Муат’Лан и прикрепляют учтивое слово «королевство», таковым оно на деле не является. Восточный участок Тлингвы, принадлежащий акивалам, поделен на регионы (эрги). В каждом отдельном эрге (а всего их дюжина) правит свой государь – «василиск», которого поданные почитают наместником Ату–Сигилла.

Ату–Сигилл, в свою очередь, это мифический демиург, вылупившийся из яйца Начала прежде, чем Пустота обрела наполнение Веществом. Когда же в Бесцветности вдруг вспыхнула звезда Юката, Бог–Змей так восхитился светом, заполнившим Континуум, что тут же взял ее к себе в жены. В Соединенном Королевстве звезду Юкату зовут Авангардом. Лучше всего ее видно в ночи океана Темного Холода и в Муат’Лан. Но сейчас не о том. Акивалы верят, что от Юкаты и Ату–Сигилла произошли семь Великих духов и десятки Малых. На Великих Духов Бог–Змей возложил обязанности «Кольца». Над главным Кольцом – кольцом Жизни господствует Асх–Па, над кольцом Смерти – Эхнен–Па, над кольцом Песка – Халац–Дори, над кольцом Ветра – Мер–Хэрон, над кольцом Войны Ефей–Ха, над кольцом Мира – Дут–Диамант–Ха и над кольцом Судьбы – Афаяф–Ха. Для Великих и Малых духов, а так же для Юкаты, по всей Золотой Пустыне содеяно неисчислимо количество храмов. Однако главным Богом акивалы почитают только предвечного Ату–Сигилла, имя которого в переводе с языка Муат’Лан дословно звучит так – «Над Всеми».

Социальный строй акивалов зиждется на фундаменте рабства. Почти половина обитателей Муат’Лан носят на себе цепи и имеют на лбу татуировку – «солнце в клетке». Иногда случается так, что раб становится свободным и тогда татуировку частично вымарывают – прутья держащие солнце соскабливают вместе с кожей. После этого, все кто взглянет на голову бывшего раба, увидит то, что на его челе лучи светила беспрепятственно выходят за рамки клетки. К такому относятся как брезгливо, так и уважительно.

В Золотой Пустыне, на взгляд большинства людей (и не только), царят варварские обычаи и нравы. Закон тут выступает в роли предмета устрашения масс и диктатуры правящего класса. За незначительное преступление, пусть даже совершенное вынуждено, впоследствии будет вынесено весьма жесткое наказание. У пойманного на краже еды акивала могут усечь лапу, а за выпитую воду с чужого грота – иссечь кнутом или заживо закопать в песке. Лапа, кстати, может отрасти вновь!

Вода для акивалов священна. И если на границах с Острохвостией и Клирдвайтом ее раздобыть легко, то в центре Муат’Лан уже почти нереально. К примеру, в эрге Над–Костями–Предков можно преодолеть сотню миль, но так и не встретить ни одного оазиса или колодца. А если налетит суховей и засыплет едва приметные ориентиры пути – то все, понять в какую сторону двигаться уже будет нельзя. Такое положение вещей в высшей степени катастрофично, потому как потеряться в Муат’Лан – это равнозначно смерти. Но умереть в Золотой Пустыне можно не только от жажды. Жизнь здесь пытаются отнять и иссушающий зной солнца, и приходящий ему на смену хлад вечера. Посильную лепту в статистику «трагически усопших» вносят эфы и кобры. Кусь за голень и привет Урах, Назбраэль, Ату–Сигилл или любой бог В–Кого–Ты–Веришь. Надо было быть более внимательным! Но и это еще не все. Так же в Муат’Лан существует нехилая такая вероятность наткнуться на кочующих разбойников или работор-

говцев. Это, конечно, будет поприятнее мучительного издыхания от яда или обезвоживания, однако плюсы плена на этом и заканчиваются.

Помимо этого я, провожая взглядом новый магический эллипсоид Хлоца, попятивший Среднего, припомнил то, что акивалы среди народов мира возвеличены, как великолепные лекари, зодчие, астрономы, воители и торговцы. О–хо–хо! Торговля! В Соединенном Королевстве самый громадный рынок находится в Гельхе – это Королевский Базар (Толкучка Шальха все же поменьше). В Железных Горах гномов есть аналог Королевского Базара – под городом–горой Труздом – овеянный немеркнущими огнями, ведет свою купле–продажу Великий Базар клана Караз. Оба упомянутых мною рынка такого размера, что по ним ходить, ходить и не переходить. Что же до Площади–Перед–Храмом из Золотой Пустыни, то это скопище чайных, магазинов специй, фруктовых лавок, плавильных, гончарных, магических шалманов и рабовладельческих помостов по своей квадратуре превосходит Великий и Королевский Базары вместе взятые. Площадь–Перед–Храмом – удивительное и необычайно колоритное место. Я обязательно поразмыслию о нем, когда... вокруг станет поспокойнее.

Ага, Средний, вынырнув из–за укрытий, опять ткнул алебардой в Хлоца. Лишь чудо спасло акивала. В последний миг он наклонил голову в бок, и острие алебарды лишь порезало ему щеку.

Чернослив, пробравшись под носом у Башни, стоящего с дротиками наизготовку, выскочил перед опешившим Средним, как гром среди ясного неба. Мягкошерст мог ударить противника украдкой, со спины, но, по всей вероятности, из побуждения чести, так делать не стал. Сверкнули шипы налапника и... (в арсенале мягкошерстов есть оружие, сподручное сугубо их кошачьей породе. Похожее на кулак со стальными когтями и шипами, оно называется налапник) Средний, с пробитым горлом, завалился к лапам Чернослива. Разминувшись с Толстым, ловкий мягкошерст юркнул за нагромождения сундуков–ларей и там, был схвачен за загривок Башней. Отчаянно махая налапником Чернослив, душимый могучей пятерней, не доставал им до незащищенного кадыка Башни. Наверное, это конец... Громадина второй рукой спрятал дротик и уже потянулся за мечом, намереваясь пришить мягкошерста, однако... Хлоц, зажавший Толстого электрической дугой, простер свою сморщенную длань в сторону Башни. Из ладони акивала вылетела гадюка! В полете она раззявила слюнявые челюсти, которыми потом впиалась в подбородок человека. В ярости отшвырнув Чернослива, Башня попытался отделаться от волшебной змеи, но не смог и спустя пару секунд стушевался, а затем грудой доспехов упал на пол. Слизав капельку крови со скулы Башни, гадюка растворилась в воздухе. Поднявшись и сузив зрачки, Чернослив, немного пригнувшись и вздыбив холку, отдалился от неподвижного, но явно готового ко всему Хлоца. Когда расстояние между мягкошерстом и акивалом превысило пять–семь футов, Чернослив что–то мяукнул, а Хлоц приподнял свой посох с оголовком Ату–Сигилла. Выжившие в стычке участники «Пока тикает минутка» разошлись по разным направлениям. Чернослив побежал в верхний левый коридор, а Хлоц враскорячку зашаркал куда–то вправо.

– Хорошо, что нас никто не заметил! А то кто его там знает, чтобы было! – облегченно выдохнула Сол’Фимитриэль. – Теперь можно спуститься вниз!

– Я устал сгибаться и чего–то ждать! Это не достойно рыцаря–плотеранца! Дайте мне хоть кого–нибудь расплющить, а не то я расплющу вас! – недвусмысленно оповестил Малыш Брюм.

– Встречи с Хургудрой тебе видимо показалось мало? – сквозь сжатые зубы спросила Фридлейф Аторэ.

– Ту худой и шуплый! Тебе не зазорно бояться!

– Я воительница луны и ничего не боюсь!

– Ничего не страшится только дураки, – пошутил я.

– Так–таки! И ты не дурак, значит, – фыркнула Фридлейф.

– Брюмчик, потерпи, опасности они такие, ммм, как девушки. Навязчивые. Найдут еще тебя, и не отделаешься, – пропела суккуб, обнимая рыцаря–плютеранца за талию.

– Девушки это те братья, что говорят тонкими голосами!

– Отличия у них есть не только в этом!

– Ты похож на девушку! У тебя слащавый голос!

– Какой шикарный комплиментик!

Сол’Фимитриэль расправила крылья и вместе с подхваченным Брюмом спрыгнула с балкона–лодочки.

– Ааа! Маскарадный бра–а–а–ат!..

Суккуб и рыцарь–плютеранец мягко спланировали на плиты. Держу пари, что я не смог бы даже приподнять Брюма, а тут...

– Давайте к нам! – позвала суккуб.

– Твоя сила, Софи, меня поражает. И, если честно, даже пугает, – промолвил я, перекидывая ногу через бортик.

– Мы уже выяснили, Фиалковый рыцарь, что ты не «дурак». А трусы от дураков чем–то отличается? – усмехнулась Фридлейф. – Ведь они оба бегут от опасности.

– Как узнать дурака? У него на все ответ есть. А трусы, хм, это такой вид нательного белья. В основном их шьют из хлопка. Трусы – это важная вещь в повседневном обиходе! Я всем рекомендую их к использованию!

– Ответ у него есть, – беззлобно хмыкнула воительница луны.

– Я специально так сказал! – рассмеялся я.

– Ну, уже! Ваши смишинки подождут! – заторопила Софи.

Прыжок!

Я приземлился рядом с Брюмом, через секунду рядом с нами очутилась Фридлейф.

– Моя настоящая сила кроется в заботе и ласке, мой ненаглядный барабуличек, а вовсе не в том, чтобы тягать на себе всяких Брюмчиков–Тугодумчиков, – проворковала Сол’Фимитриэль. – Вот испеку тебе фирменный торт с ванильной начинкой, посажу за чашечку черного чая напротив водопада лавы и...

Суккуб запнулась, округлила глаза, а затем крикнула:

– Рядом иерархи! Бежим!

И вновь мы пропустили по развилистым и запутанным анфиладам враждебного Гривирдана. Сол’Фимитриэль неслась так быстро, что наша компания едва поспевала за ней. Все же, даже принеся осторожность в жертву скорости, мы чувствовали, что за нами кто–то идет. Не просто идет, а настигает! Совершая марш–маневр, я все больше подпадал под странное, донныне неведомое мне, ощущение. Я бы не назвал его гнусным или противным. Нет. Но и приятного в нем ничего не было. У меня под ребрами насыщалось и пухло Нечто светло–гнедушее, упрямое и непримиримое. Оно принуждало взглянуть на себя по–иному, как на грешное и сломленное соблазнами создание, скудельное, бессмысленное и суетно–бестолковое. Это эмоциональное, а отчасти и физическое влечение мешало мне сосредоточиться на цели миссии, на Бингсе Флаерсе! Помимо этого, мое периферическое зрение, как бы смазлось. Мною овладевало безразличие. Было ли это следствием возникшей во мне ажитации или так на моем теле сказывался дефицит воздуха, «исконный мытарь подземелья» – утверждать не берусь. Но все же! Набегу я помотал головой. Помогло. Может я накручиваю себя?... Не останавливаясь, Малыш Брюм отпил из своей фляжки. А я когда последний раз пил? Бодрол у входа в Гривирдан, его да, а до этого? В Тысячелетнем Громе?... Хм, ну мне и не хочется вроде. Жажда я не испытываю...

Софи завернула за угол, а я сразу за ней... На меня обрушился поток блеска. Я едва не ослеп, и непроизвольно закрыл лицо руками! В щелочки между пальцев я различил, что сияние не статично, что его эпицентр движется. Затем кто–то применил магию «Голоса», сказав: «Моя

воля – удар». Тут же по моей груди, словно кувалдой приложили. Задыхаясь и сипя, я сполз по стене. Иной тембр воспроизвел новый колдовской приказ «Ослаблены» (меня охватила жуткая усталость, такая, что я едва мог пошевелиться), а потом «Свет – рассейся». Лучше всех из моих друзей магией «Голоса» владела Настурция Грэкхольм, однако те люди, что сейчас стояли подле меня, знали ее не хуже, чем сестра Эмилии. Что я увидел; Приняв гротескные позы, наша компания возлежала у сапог двух мужчин. На вид им обоим было лет по тридцать пять, максимум сорок. Моложавые, коренастые, со светлыми короткими волосами и властными чертами лица, они, облаченные в какую-то легковесную, но явно прочную броню, придирчиво нас осматривали.

– Это не она, Кейв, – тихо сказал мужчина, приподнимая за башлык Сол'Фимитриэль.

Сотрясаемая мелкой дрожью страха, суккуб плотно зажмурилась.

– Но тоже нечисть, – сурово откликнулся другой иерарх. (А кто же еще? Если тот «Кейв», значит это «Клиг») – Отправь ее обратно в Бездну.

– Иначе никак, – вынимая из ножен самый обычный, заурядный меч, ответил Клигрингрин.

Внезапно уставившись на меня, Кейверген остановил занесенную руку Клигрингрин.

– погоди.

– Что?

– Ты только погляди кто тут.

Не отпуская Софи (подтащив ее за собой), Клигрингрин приблизился ко мне.

– Калёб Шаттибраль. Некромант из Шато.

Я хотел спросить – с чего бы это мне вдруг оказана такая высокая честь, быть известным иерарху из Бурунзии, но по понятным причинам лишь смог невнятно зачмокать губами.

– И суккуб с ним, – заметил Кейверген.

– Не только суккуб, но и эльф и рыцарь-плютеранец со звездой Ураха на лбу.

– Эльф?... Да, точно, она эльф. Не вымерли они, получается.

– Алан упоминал о возрождении Тумиль'Инламэ и оживлении Ураграммы.

– Им.

Между тем, мой мозг анализировал сложившуюся ситуацию. Причем он почему-то не обкатывал какую-либо идею, как нам выбраться из незавидного положения, но отмечал некие только мне доступные частности. Ага, занятно. От иерархов будто бы идет флер Небесного света. Он не убаюкивает и не умиротворяет, хотя явно может и это, но наоборот, пронизывает и низвергает. Огненные ауры Клигрингрин и Кейвергена, которые в Яви не различимы невооруженным глазом, для чародейского Ока видны, словно пожарище в безлунную ночь.

– Чем-то насолил им Бингс Флаерс, – после недолгого раздумья, проговорил Кейверген.

– Только мы с тобой здесь из-за Астры-Алисы, – откликнулся Клигрингрин.

Брезгливо поморщившись, иерарх отпустил башлык Сол'Фимитриэль (голова суккуба «поздоровалась» с булыжником).

– От тебя веет могилой, – прищурившись, обратился ко мне Кейверген. – При иных обстоятельствах я, не колеблясь, убил бы тебя. Но не теперь.

– Мы и Алан Вельстрассен носим парные кольца, – подхватил Клигрингрин, демонстрируя мне красный перстень очень похожий на «Лики Всеотца», из которого Лютерия Айс черпала силу понтифика Братства Света. – У нас их два в Бурунзии, и у Алана их два в Соединенном Королевстве.

– От них мы знаем все, что ты сделал для Ураха, – сказал Кейверген.

– Ты не отринул стезю Тьмы. Однако Алан считает, что ты заслужил помилование. Мы уважаем его мнение и потому от нашей руки ты не умрешь. Сегодня не умрешь.

– Но суккуба мы пощадить не можем.

– Соф...фи... Пожалуй... ст-а... Не...е-е-ет! Он...ааа мо-о-о-ой дру...у-у-у-уг! – простонал я, смотря, как Клигрингрин буднично (привычку выдает точность действий, без контроля сознания) приставляет меч к шее Сол'Фимитриэль.

Кейверген и Клигрингрин переглянулись.

– Друг? – приподнял бровь Клигрингрин. – Ты заблуждаешься. У суккубов нет друзей. Она предаст тебя. Уже предала. Только тебе пока об этом не ведомо.

– Не-е...е-ет, не-е...ет! Это не-е-е-е т-а-а-ак, – прокричал я.

Извиваясь, я полз к Софи, намереваясь накрыть ее своим телом. Суккуб тянула ко мне свою руку. Ее очи, наполненные слезами, горели желанием жить...

– По твоим венам...

Заговорив, Кейверген вдруг резко смолк.

Меч иерарха соскользнул с горла Софи, не причинив ей вреда. Суккуб больше не занимала Клигрингрина – она как бы перестала для него существовать. Взор его синих глаз буравил одну точку где-то вдаль. Свечение, излучаемое иерархами, поблекло. Повяло холодом, приторно-сладким тленом и мистериями, так хорошо знакомыми мне по упражнениям в оккультной практике. Тьма смешалось со Светом. Так в горячее кофе добавляют холодное молоко – сравнение малость кривобокое, но по-другому я эти эзотерические аномалии, теснящиеся во мне в данную секунду, не опишу.

– Астра-Алиса, – хрустнув костяшками пальцев, процедил Клигрингрин.

– Идем, – кивнул Кейверген, закутываясь в плащ (его свет моментально погас). Следом хламидой обернулся Клигрингрин – в Гривирдане опять стало темным-темно. Почти бесшумно ступая, иерархи, позабыв о нас, как о надоевших игрушках, отправились отлавливать Астру-Алису (или она их!).

У магии «Голоса» есть свои достоинства и недостатки. Обучиться ей не просто, и применять тоже. Это только так кажется, что «сказал» и сразу на тебе случилось волшебство. Всё совсем не так. Каждый слог магического «слова» имеет свой пучок энергии, которая при неумелом речевом воспроизведении может навредить самому колдующему. Запнулся, нечетко произнес фразу и бабах! Но бабах не твой противник, а ты сам! Ну, в принципе, такой вариант развития событий возможен в любом типе метафизического творения – с магией надо быть аккуратным!

Перебирая в себе интонационный набор звуков, произнесенных Клигрингрином, я составлял «ключ» к замку его колдовства. По своей структуре, сродное чарам «Замедления», оно все же имело иную заправку, основанную на соматическом истощении.

Кое-как надавливая языком на зубы, я произнес навет, разбивающий магию «Голоса»:

– Ре-ку-пе-ра-ция!

Вялость покидала меня неохотно. Я разогнулся, а потом помог это сделать Софи. Фридлейф и Брюм с этой задачей справились сами. Как только к Сол'Фимитриэль вернулась бывшая подвижность, она сразу стиснула меня в объятьях.

– О, мне лучше... – оповестила эльфийка. – Это...

Сол'Фимитриэль заглушила Фридлейф своим возгласом:

– Спасибо! Спасибо! Ох, Калеб!

Суккуб отстранилась, чтобы посмотреть мне в глаза, затем снова прижалась ко мне.

– Ты сделал все, чтобы защитить меня! Ты мой герой! Клигрингрин! Кейверген! Я так напугалась! Я до сих пор вся не своя от ужаса! Аж мурашки по рукам-ногам бегают! Вот, потрогай! Я вся в «гусиной коже»!

Суккуб опустила мою ладонь на свое предплечье.

– Да, ты вся в пупырышках!

– Если бы не Астра-Алиса, то поминали бы тебя, как звали, – сказала воительница луны.

– Нет, – категорично заявила Сол'Фимитриэль. – Они бы вас тоже не пожалели.

– А по всем признакам, смерть из нас всех ждала тут только тебя, – не согласилась Фридлейф Аторэ.

– Что такое было?! – вскричал, наконец, пришедший в себя Малыш Брюм. – Сколько мы вообще будем здесь лазить?! Отец Аска говорил, что мы идем к брату Вильгельма, к Фабиану, который станет мне новым третьим отцом! Но я что-то не слышу, чтобы вы, братья, что-то об этом говорили! Горланите о чем угодно, только не о нем!

– Достойнейшее наблюдение! Стрелой в «десяточку»! – похвалила Фридлейф Брюма.

– Ты смеешься надо мной, худой щуплый брат?!

– Нет. Я тут единственная, кто с тобой согласна.

– Уже скоро, скоро, мы отсюда выйдем и пойдем за Фабианом, – успокоил я рыцаря-плутеранца. – Сразу, как только «шмякнем» одного плохого дядю. Бингса Флаерса. Ты же вроде понял, что он нам «не брат»?

– Да! Но не затягивай, старший вороний брат, а то я тебя вздую!

– Хорошо!

– Так что ты посинеешь!

– Ладно! Ладно!

– По первое число! Выбью из тебя все твои черные перья!

– Ну, мне понятно! Прибереги свой пыл, он может нам еще пригодиться!

– И не посмотрю на то, что ты старший брат!

– Зов Мелисы очень «громкий»! – возбужденно поведала суккуб. – И у нас есть все шансы добраться первыми до Бингса Флаерса! Иерархи ушли за Астрой–Алисой, а иные участники «Пока идет минутка» почти все друг дружку передубасили!

– Красота, – саркастически обронила Фридлейф.

– Ну же!

Взмахнув подобранным кнутом, суккуб чуть ли не вприпрыжку побежала по сумеречной потерне.

– Осталось совсем немного!

– Надеюсь, что в этот раз это действительно так, – проворчала воительница луны позади меня.

Софи наполнилась энтузиазмом, Малыш Брюм – раздражением, а Фридлейф – скептицизмом. Я же понемножку и тем, и другим, и третьим.

Глава 5. Застрявшие во времени

Гривирдан – это моток свищей, пронизывающих рыхлую почву Великого Леса. Протяженность Проклятого города по моим прикидкам равна... ай, обойдемся без пространных прикидок! Суть в следующем; Те норы, что ядовитогубые причмокиватели некогда вырыли для себя, могут, грубо говоря, не иметь конца и края. Вполне допустимо, что вонючие, замызганные селитрой и обметанные пиктографией шахты Гривирдана, прилаженные под гуттаперчевую форму ядовитогубых причмокивателей, пересекаются с прободными каналами другого хтонического урочища. И если бы мы были подобны аскаридам и могли бы свободно перемещаться по этим тошнотворным рытвинам, то есть вероятность, что заползли бы неведь куда, а потом бы и не выбрались. А так, шагая по «кишкам» содеянным под рост человека, а где-то и куда выше, мы рано или поздно выйдем (или, разумеется, нет) к центру Гривирдана. В себе я повторяю; Ядовитогубые причмокиватели, те, что в прошлом, те, что в нынешнем и те, что в будущем, всегда ждали, ждут и будут жать своего звероподобного Бога-Идола. Для Него и ради Него, чтобы Он мог выйти наружу, тесались эти пролеты. А не для нас...

Альвы Тумиль'Инламэ шли здесь. Их доспехи, их кости, их изящные луки и клинки лежат тут повсюду. С боем, они пробивались в червивое нутро Гривирдана, где эоны назад, в смраде и нечистотах обретался Захваш. Я даже близко не представляю, сколько мужество было в тех эльфах, вслед за своим королем, спустившихся в бесконечные и гибельные туннели, запруженные сонмищем ядовитогубых причмокивателей. Хотя, украдкой смотря на Фридлейф, полноправную владычицу Зеленого Королевства, дочь принца Легии, я, как наяву, вижу в ней ее гордых предков. Отважные, смелые, решительные – таковы были те альвы, выдворившие Захваша за Грани Бытия, ценой своих жизней.

Проход, ведущий нас к Бингсу Флаерсу, постепенно расширялся и набирал объема. В какой-то момент его утлые вертикали отодвинулись от нас так далеко, что мои шарики «Света», парящие во мраке, перестали дотягивать свои лучи до стен каверны. Ох, чую, что неспроста здесь так много приволья! Ага, впереди что-то светиться.

Преисполненные бдительности и готовые дать отпор любой напасти, мы шли к двум блистающим конусам – синему и красному. И чем ближе наша компания к ним подходила, тем четче они становились. То были эфирные фигуры, явно приметившие нас раньше, чем мы их. Впрочем, враждебности к нам они не выказывали.

Когда до призраков оставалось дойти шагов десять-пятнадцать, мы застопорились. Покрытый синими акцидентными всполохами, перед нами стоял печальный эльф в короне, а рядом с ним примостился трансцендентный «красный» ядовитогубый причмокиватель с выпуклым сагиттальным гребнем посреди безобразной головы. Малыш Брюм сразу, с прыжка, нанес по нему удар молотом. Пройдя сквозь тулово, пудовое оружие шваркнулось об пол, нисколько не навредив потустороннему живорезу. На агрессию Брюма ядовитогубый причмокиватель никак не отреагировал.

– Угомонись! Он не настоящий! Иллюзия! – повисая на вновь воздетой руке рыцаря-плютеранца, прокричал я.

– Отпусти, глупый вороний брат! – взревел Малыш Брюм.

– Да тебе кажется! Это обманка!

– Ух и глупый! Бестолочь! Дурина!

Рыцарь-плютеранец негодуя отодрал от себя мои пальцы и еще раз ткнул Колотушкой в ядовитогубого причмокивателя – молот, словно через туман прошел.

– Морок какой-то! Обманы! Я его Колотушкой, а он, что твой воздух!

Затем Малыш Брюм как-то разом обмяк. Сомнамбулически поведив подбородком, рыцарь-плотеранец вдруг громогласно зевнул и присел на камень.

– Я хочу спать!

– Потом отоспишься! Вставай!... – сердито гаркнул я.

Я собирался досказать предложение, но меня перебили.

– Сотней Ножей зовете вы, люди, ту битву, что здесь грянула. Альвы же, называют ее Сотней Ран, – не мигая глядя на меня, неожиданно промолвил эльф.

С тонкими серебристыми волосами, забранными в отдельные косички-пряди, в безупречном доспехе с орнаментами звезд и с опаловым серпом на поясе, он выглядел невероятно красивым и грациозным.

– Ровно столько раз Захваш пронзил тебя своим кинжалом, о мой король, – прошептала Фридлейф, свирепо косясь на, казалось бы, оцепеневшего ядовитогубого причмокивателя.

Перед нами был Лузановиэль Аторэ! Хоть его тело и было вывезено в Тумиль'Инламэ, сам он (его естество) не покинул Гривирдан!

– Мы разбили живорезов и загнали Захваша обратно в Бездну. Тогда Хрипотор захлебнулся яростью. Она была настолько ужасной, мстительной и непомерной, что смогла открыть Богам-Идолам возможность для отмщения. Сколько альвов сгнуло в Гривирдане? Столько слез я не пролил за всю свою жизнь. Боги-Идолы пленили наши души. Они обрекли нас противостоять племени Захваша. Заставили вновь и вновь переживать поражение за поражением. Чтобы лицеизреть свою победу там, где ее не было.

Чтобы не зарыдать, воительница луны закусила губу. Потом она, как и Брюм, зевнула и, помотав золотистыми локонами туда-сюда, недоуменно нахмурилась.

– Но там, где пульпа Хаоса густа и насыщена, там, где в Огненном Ядре вьются лианы бешенства и безумия, там, неизменно есть и место для чистого, незапятнанного Цветка Пламени. Урах – тот же Огонь, только Белый, а не Багровый. Когда Все Боги-Идолы произнесли Свои страшные Наветы, Он явился сюда, чтобы говорить перед Ними. Он сказал Им так: «Когда Мое Сердце утихнет, а потом забьется вновь, тогда для Моих детей минует срок Вашего деспотизма и они обретут надежду».

– Истинно, что Ураграмма Тумиль'Инламэ замолкала! Но теперь Она опять бьется! – воскликнула Фридлейф, а Сол'Фимитриэль добавила:

– Летучие мыши, печенье и варенье! Прямо на наших глазах старая история получает новый виток!

– Да. Урах сказал нам, что когда-нибудь в Гривирдан придет Фиалковый рыцарь, а с ним, за его плечами, плащом, надежда разбить чары Хрипотора. Надежда, но не обещание, что так и будет. Потому что Боги-Идолы, Все Вместе, тоже очень могущественны. И Они прекрасно умеют манипулировать человеческими чувствами и потребностями.

Лузановиэль Аторэ недолго помолчал, а потом продолжил:

– При мне в Тумиль'Инламэ не было ни одного Фиалкового рыцаря, и я не знаю, что это за титул. Но вот твоя брошь (два пальца Лузановиэля Аторэ показали мне на грудь) и я прозреваю, что это ты и есть. Боги-Идолы припасли для тебя соблазны, Фиалковый рыцарь, и их будет сложно отринуть.

– Для меня?! Вы ждали меня?!

– Тебя, человек, или кого-то вроде тебя. Ты один из вариантов допустимости, – впервые подал голос ядовитогубый причмокиватель, приподняв свою кустистую, в нарывах и фурункулах морду (из его эфемерных челюстей сочилась ядовитая слюна). – Одно не возобладало над Другим. Тогда Бог Света уже был не Тот, что раньше. Он не одолел Царей Севера, Юга, Востока и Запада. И Ему пришлось идти на уступки. Однако альвы принадлежат Ему, Ураку, а не Юкцфернанодону, поэтому Он «Постановил», а и Боги-Идолы «Согласились»; Принять Выбор. С твоим приходом в Гривирдане грянет заключительное сражение.

– Я, Лузановиэль Аторэ, король Тумиль'Инламэ и Грихцирн, княжич Гривирдана (альв кивнул на ядовитогубого причмокивателя) видим, что ты, Фиалковый рыцарь, подвержен не только влиянию Ураха, но и Юкцфернанодона, хотя ты и отрицаешь это в себе.

– Я никогда!... – запротестовал я, спеша откинуть от себя любые связи с Хрипыхором.

– Ты всегда, всюду и везде! – не дал мне договорить Грихцирн. – Магия «Элементов», коею ты беспечно зачинаешь изо дня в день, черпается тобою из Абсолютного Хаоса! А спрашивал ли ты себя, Фиалковый рыцарь, Кто владеет Этим Абсолютным Хаосом? Ты несуразный сиволапый землекоп! «Элементы» хлада, молнии, пожара – это не твое, не общее! Все – Хрипыхора! Не заблуждайся, думая, что Боги–Идолы не видят твои кунштюки и колдовские бахвальства, вылущенные из великой Ипостаси Юкцфернанодона! Из Его Крови! Богами–Идолами все учтено! И Они готовят предъявить тебе Свой счет! Оплати Его до того, как станет слишком поздно! Сегодня! Сейчас! Сделай правильный «Выбор»! Согни голову, прострись ниц и тогда Боги–Идолы будут довольны, а ты не только будешь пощажен Ими, но и вознагражден так, как и не смел даже мечтать в своих самых дивных снах!

Мне ой, как не понравилось триада Грихцирна, выставившая меня должником перед Богами–Идолами, однако...

– По велению наших Господ, Мы даем тебе тот самый Выбор – Уступку Ураха, Согласие Хрипыхора, – сказал король альвов.

– Так что же это за Выбор такой? – хрипло осведомился я.

– По правде сказать, Он не велик, – грустно усмехнулся Лузановиэль Аторэ. – Скоро я и Грихцирн, по той самой заповеди, поведем свои рати друг на друга в последний раз. Боги–Идолы и Урах хотят, чтобы ты определился, чью сторону ты займешь. Хаоса или Света.

– Здесь нечего определяться! И так все понятно за кого мы! – выкрикнула Фридлейф. – За тебя!

– Не торопись, канареечка, чирикать сразу за всех! – возразила Софи, щелкая кнутом. – Имей терпение дослушать!

– Спа–а–а–а–ать!

– А если я вообще не стану занимать чью–то позицию?

– То ядовитогубые причмокиватели станут тебе врагами.

– Как и альвы, по принуждению Хаоса. Выжить тебе, поверь, никак не удастся, ибо ходы и выходы будут запечатаны сразу, как только мы договорим.

– Так, а если Калебулька выступит за Богов–Идолов? То тогда, что?

– Замолчите! Я не могу уснуть! – опять заорал Брюм, швыряя в Сол'Фимитриэль своим шлемом. Суккуб ловко поймала его и сунула себе подмышку.

– Ишь, какой ты забияка, Брюмчик–Тугодумчик! Девочек нельзя обижать!

– Какого рожна ты вообще вознамерился дрыхнуть?! – разозлился я. – Что с тобой?!

– Это последствие Вихревого перелета на Дымке! Я предупреждала, а они не верили! Мы с тобой пили Бодрос, а дылда–крикун и цаца–эльфиичка – нет! Провести двадцать четыре часа без сна, еды и воды, да еще и под давлением специфического волшебства Мира Тьмы – это тебе не шутки шутить!

– Я – в норме! – прикрывая рот ладонью, рыкнула Фридлейф.

– Ага, ага! А зачем ты мне свое горлышко показываешь? Гландочки у тебя болят? Воспалились, да?

– Заткнись, пока я тебе рога не сломала!

– Фи! Грубиянка!

– Рабы Ураха, умершие в Гривирдане, не вознеслись ни в Мир Света, как и не скатились и в Мир Тьмы. Все они сейчас сомкнуты Хаосом, и так может остаться и впредь, – стал отвечать Грихцирн на вопрос Софи (его рудиментарные глазенки отрешенно смотрели куда–то вдаль). – Если Фиалковый рыцарь, выберет Хрипыхор, то Боги–Идолы молвят Ему следующее: Буде

Калев Шаттибраль, а именно так его зовут, погибнет, противостоя альвам Ураха, то его дух ждет обновление. Он возродится в Червонном Капище колдуном–фантомом, сопричастным к древним тайнам мироздания. Это наивысшая честь, сулящая Калебу, как бессмертие в Хаосе, так и познание им предвечной мудрости Юкцфернанодона. Если же Фиалковый рыцарь, одержав победу вместе с буревестниками, избежит смерти, то Стихии воздадут ему иные награды. Первое – тщеславный Бингс Флаерс, забравшийся в Гривирдан, волей Хрипыхора, не сможет сбежать из него, как бы он того не хотел. Бингс Флаерс достанется Фиалковому рыцарю. И пусть он делает с ним, что хочет. (Сол’Фимитриэль украдкой подмигнула мне). Второе – Фиалковый рыцарь получит совершенную власть над Огнем, Морозом, Камнем, Ветром и Молнией. Третье – Боги–Идолы вернут Калебу двух его друзей – Эшли Шторма и Парабеллу, упавших в вулкан Куш–Куш, что дымиться в Бархатных Королевствах.

– Эшли и Парабелла живы?! Все это... Все эти года?! Живы?! Они живы?! – закричал я не своим голосом, припадая на колени подле ядовитогубого причмокивателя.

– Да. Боги–Идолы всеведущи. В ту пору, тут в Гривирдане, Они прозрели тебя, как «вероятного» Фиалкового рыцаря и, пройдя из Прошлого в Будущее, вынули твоих друзей из лавы Куш–Куша ради Этого мига, – подтвердил Грехцирн. – Целые и невредимые, Эшли Шторм и Парабелла все эти столетия спят в Червонном Капище и предназначаются тебе как Дар за повиновение Хрипыхору.

Я завыл, как собака! Нет! Прямо, как волк, на полную луну! От горя и от радости! Так сложились обстоятельства, что я, полностью противопоставляющий свою натуру Хрипыхору, задумываюсь ныне о том, что не все так уж и однозначно... во мне самом и в моих клятвах Всеотцу... Парабелла! Эшли! Ради них я!...

– Пф! А твои Боги–Идолы, правда, верят в то, что Калев способен обменять жизни пусть и друзей на тысячи душ альвов? Нет, ты серьезно? Неужели–же твои Хозяева и впрямь такие меднолобые и ничтожные или–же ты нарочно Их такими выставляешь? – съязвила Фридлейф Аторэ. – Неужели, по мнению Богов–Идолов, преступное могущество, подсовываемое Ими из Своего тухлого погреба, пленительнее, чем Свет Ураха? Постигни, если ты, конечно, в состоянии это сделать, живорез, Калев удостоился броши Фиалкового рыцаря за возрождение Тумиль’Инламэ! Он – не альв, да, но он апофеоз всего самого лучшего, что есть в альвах! Калев никогда не опустится до личной выгоды в убыток других!

– Никогда?

Из ядовитогубого причмокивателя послышался какой–то треск. Вероятно, так он смеялся.

– Ты ничего не знаешь о Фиалковом рыцаре! Он стар по меркам людей, мудр и друзей ценит выше, чем себя или кого бы то ни было! Твой колченогий и лопоухий народ перестал для него хоть что–то значить, как только он услышал горячо любимые им имена! Тоже касается и Бингса Флаерса, и перспективы приблизить свою личность к высотам чародейского мастерства! (Грехцирн воззрился на меня) Твой Фиалковый рыцарь прекрасно осведомлен о том, что Хрипыхор – есть суть Юкцфернанодона! Вседержителя! Сильнейшего из Сильных! Что Хрипыхор – это амбиции, инерции и мистерии! Что Хрипыхор и Его Боги–Идолы могут То, что не доступно Ураху! Разве Урах позаботился о друзьях Фиалкового рыцаря? Куда там! Твоему Богу Света начхать на всех и вся кроме Самого Себя! А вот Хрипыхору нет, о нет... Для Ураха – Фиалковый рыцарь – это, так, удобное клепало, а для Хрипыхора – дитя, что может стать приемным сыном! (ядовитогубый причмокиватель вернул свои зенки на Фридлейф) Разница очевидна? «Постигни ее, альв, если ты, конечно, в состоянии это сделать».

– Ах ты гнус! – сплюнула воительница луны. – Если бы ты уже не был бы мертв, то я бы убила тебя!

Грехцирн опять разразился трескучим смехом.

– Скоро я вновь обрету свою плоть, и тогда я дам тебе такой шанс!

– Погодите, погодите, еще не все карты вскрыты! Король Тумиль‘Инламэ еще не сказал, что причитается Калебуле от Ураха! Давай, Ваше Сиятельство, выкладывай, что Бог Света даст Фиалковому рыцарю за Выбор в Его пользу? – пропела Сол’Фимитриэль. – Наверняка же что-то не менее ценное!

– Урах оставил мне лишь одно сообщение для Фиалкового рыцаря.

– Какое? – все так же стоя на коленях и задирая подбородок вверх, спросил я.

Лузановиэль Аторэ улыбнулся, а потом промолвил:

– «Жестокость не наследует мира, и только любовь – спасение. Твоя награда близка».

– Это звучит как-то не шибко щедро! Даже пространно! Так девушка обещает свидание настырному мужчине, не собираясь на него приходить! Лишь бы отделаться! – возмутилась Софи, а я сказал:

– Как мне для себя истолковать эту фразу?

– У меня ответа не прости. Слова Ураха должны быть понятны только тебе, – опять улыбнулся король альвов.

– Вот Он каков! А? Великий и неподражаемый Бог Света! Он говорит тебе, что все будет хорошо! Но когда-нибудь потом! – глумливо прокричал Грихцирн. – Разве тебе этого мало? Довольствуйся! Не забудь поблагодарить, и попутно расшибить чело об камень! Урагу такое по нраву!

Наигранно помахав ресницами, Сол’Фимитриэль как бы поскущнула.

– Тю, я тоже ожидала чего-то Большого!

– Чего?! Чтобы Урах преподнёс Калебу на блюдечке полцарства?! Бог Света – это не меняла, не торговец и не шукарь! Он никогда не покупает верность к Себе! – прорычала воительница луны.

– И зря, потому что Калебулькинс–Красатулькинс теперь точно не станет глупить и займет позицию Хрипохора! – вздернула носик суккуб. – Что ему эти «завтрашние хорошо», а послезавтрашние «опять плохо»?! Друзья важнее всего!

– Лгунья! Рассуждая так, ты грезишь только о Мелисе! – берясь за Филириниль, в бешенстве крикнула Фридлейф Аторэ.

– А ты только о своих ненаглядных альвах! Все! Их не-ту-ти! Они трупики и с этим уже ничего не поделаешь! – становясь в защитную стойку, отозвалась Сол’Фимитриэль.

– Братья, если вы не замолчите, то я откручу вам головы! – в полудреме пробасил Малыш Брюм.

– Миг определения! – объявил Грихцирн.

– Пора совершить свой Выбор, Фиалковый рыцарь, – вторил ему Лузановиэль Аторэ.

Я медленно вдохнул и так же медленно выдохнул.

Кто бы, что не говорил, но мое исконное оружие это не меч и магия, а разум, и сейчас он работал на износ.

За ширмой строк, состоящих из запугиваний, искушений и разных посулов, я разглядел кое-что интересное! В речевых оборотах Грихцирна и Лузановиэля Аторэ скрывался самый настоящий теологический, одобренный натурфилософией и антиномией, Парадокс! Они (живорез и альв) говорят об определенном Акте–Договоре, произошедшем уже очень и очень давно.

Разберемся же что в Нем к Чему и Почему!

Когда-то отшумела знаменитая битва Сотня Ножей (Ран). При том совсем не так, как того хотел Хрипохор. Все бы ничего: и то, что Гривирдан обратился в руины, и то, что ядовитогубых причмокивателей порубили видимо–невидимо, и триумф альвов как таковой, на все это еще как-то можно было бы закрыть глаза, но вот... вот пинок Захвашу под толстый зад, такого унижения Боги–Идолы стерпеть уже не смогли. Тщеславие не позволило. Зазнайство! Как только Их «братюня» – Червь Пространства, Фантаст и Алчущий Мозгов (все титулы

Захваша), обиженный противными эльфами, показался в Эфире, Стихии, пыща жаром отмщения, кинулись в Гривирдан. В нем (здесь), собравшись единым гуртом, Боги–Идолы прокляли всех погибших эльфов Той паршивой Ворожкой, на Которую горазды только Высшие Силы. Ответ–Реакция последовала моментально. К Богам–Идолам вышел Урах. Предполагаю, что вначале Он постарался отменить Указ Ошметков Юкцфернанонона, но почему–то не справился с этой задачей. Тогда Всеотец поступил иначе – Он положил на Ворожку Богов–Идолов Свою волю. Урах предначертал, что когда–нибудь в Гривирдан явиться Фиалковый рыцарь, а с ним и Конец бессчётным издевательствам над Его народом. Боги–Идолы воспротивились Тому, и Их произволение вынудило Ураха снизить до компромисса – «Выбора». Угнетение Света Огнем Хаоса преобразило Непокосимое Обещание Всеотца во всего лишь Надежду–Вероятность. По–новому сформированный Завет стал таковым: Финальный поединок между ядовитогубыми причмокивателями и эльфами грянет с приходом Фиалкового рыцаря. Это фундамент. Далее уже все обуславливается некими вариациями и их комбинациями, которые для простоты объяснения, сподручно выразить абстрактно–математическим уравнением. В нем; Победа эльфов над живорезами будет «равна» их освобождению от оков Хрипыхора, где «переменная» – Фиалковый рыцарь может, как поспособствовать этому, так и, наоборот, привести расчет к арифметической катастрофе. Так же во всей этой дескрипции есть и такой пункт–сноска; До озвучивания «Выбора», Боги–Идолы вправе манить Фиалкового рыцаря на сторону Хаоса любыми методами и средствами. И тут перенесемся обратно к абстрактно–математическому уравнению. Логично уразумев, что в «нем» использовать «пряник» будет более эффективнее «кнути», Стихии, собравшиеся в Гривирдане, заглянули в будущее и, увидев некий вариант развития событий, приближенный к сегодняшним реалиям, все же не отказались и от флера скрытой угрозы. Они прозрели, что я буду употреблять магию Элементов и в хвост и в гриву – да, верно. Что я буду назван Фиалковым рыцарем – снова верно. Что многие мои друзья умрут – опять в точку. Что в Гривирдан меня приведет какой–то Бингс Флаерс – не прогадали. Всех этих знаний Богам–Идолам хватило с лихвой. Они подготовились. Вынули Эшли и Парабеллу из Куш–Куша, невидимыми щупальцами оплели Бингса Флаерса, а так же умаслили изречением о магических энигмах и припугнули, что навешают мне «люликов», если вдруг я начну дурить. Достойно того, чтобы сказать – «к троллям всех ваших альфов, им и так каюк, я выступаю за Хрипыхор!»

Ну, так да, но не совсем так. Почему? Подоплека в мелочах и деталях, которые, так навскидку, не очевидны. Урах, устами Лузановиэля Аторэ, изрек мне: «Жестокость не наследует мира». И это наиболее важная часть Его общего обращения! У Богов–Идолов почти все озарения обо мне, Фиалковом рыцаре, угодили в яблочко, но то, что я каким–то чудом, верхом на Фарганорфе, ухлопаю Дроторогора Филиринилем – такого бы Им не пригрелись даже в... умопомешательстве?

Это упущение имеет далеко идущие последствия. Какие? Боги–Идолы (и Сам Дроторогор) из Пространственной–Временной Петли не догадываются о том, что сила Дроторогора, оставленная Им для ядовитогубых причмокивателей, чтобы укрепить их в дебютном сражении против эльфов, так статья, что не получит «сигнал» к действию. А это значит, что ядовитогубые причмокиватели, тут, сейчас, будут лишены покровительства своего самого яростного Бога–Идола.

Ну, так и почему, почему это так?!

На такие выводы меня наталкивают штудии странной метафизической книги – Первоначала, которую я забрал из Гамбуса.

В Первоначалах упоминаются некие любопытные, покрытые саваном тайны, полунамеки на то, что Вседержители или Их аспекты, в ряде эпизодов могут потерять звенья Своей Вневременной Тройки – Их этакое божественного сценария, спроецированного в Перспективу–Грядущее. Порядок «Тройки» таков; Первое из «Тройки» – Начало–Провокация – это когда под

влиянием уникальных последовательностей происходит запуск какого-то конкретного действия, спрятанного в карман вечности. Второе из «Тройки» – Потенциал–Ключ–Поворот – это явление мощи, вынуженное Инструкцией из Заряженной Пустоты, для достижения запланированного результата. Третье из «Тройки» – Достижение–Вердикт – это инцидент, который получает свой итог, и может ознаменоваться как угодно.

Семьдесят к тридцати, что Дроторогор, давеча мною дестабилизированный, но, конечно же, не убитый, уносясь в Хаос, неизбежно разорвал большую часть Своих трансцендентных связей с землей. А это значит, что один из эпизодов Вневременной Тройки, скорее всего, не сработает. А конкретно какой? Чтобы ответить на этот вопрос обрисую ситуацию шуточно.

Проще всего представить, что Дроторогор, по обстоятельствам крайне уважительным, в середине дня бросает Свое рабочее место и бежит домой. Он очень спешит обратно, так как забыл вынуть из печи вкуснейший луковый пирог! При этом, вылетая из кабинета, как ошалелый, Бог–Идол случайно оставляет окно открытым, чем тут же и пользуется шалун–ветер! Ветер подхватывает аккуратно сложенные бумаги на столе у Дроторогора и с наслаждением раскидывает их по всей комнате. О, беда! Теперь прежде чем продолжить сеять зло, Бог–Идол, когда вернется обратно на работу, будет должен в начале собрать все Свои бумажки по разным углам! А ведь кое-что из важных заметок ветер мог и унести на улицу, верно? Еще как! И потому Бог–Идол, к примеру, так и не вспомнит, что у него была запланирована важная деловая встреча, ммм, да хоть бы и с тем же Назбраэлем! Так вот, это все, конечно, каламбуры, но чтобы Дроторогору разобраться с тем, что у Него было там и сям намечено плохого для жителей земли и надлежащим образом отреагировать, Ему теперь потребуется время. А сколько? В данном случае, уж явно не пара дней!

Исходя из этого Вневременная Тройка в Гривирдане, а именно ее Вторая часть – Потенциал–Ключ–Поворот, так стать, что не реализуется! Да–да! Дроторогор не примет участие в намечающихся «развлечениях», в накачке ядовитогубых причмокивателей эссенциями Пламени. И, и! По всей видимости, что и другие Боги–Идолы, увязанные примамы на Царе Стихий, потеряют Свои взаимосвязи во Вневременной Тройке Гривирдана и от того, будучи разобщенными, оставят ядовитогубых причмокивателей без всякой сверхъестественной форы! Без той силы Хрипыхора, что веками коснела в Проклятом Городе! У–ху–ху! Очко у живорезов убираем, а к альвам прибавляем!

«И только любовь – спасение» – молвил Урах дальше. К чему бы отнести это бесхитрое словосочетание? Профан скажет – сантименты, я же – не профан, поэтому дам трактовку этому выражению иначе; Любое препятствие можно преодолеть, если в твоём сердце есть вера. В Первоначалах есть малюсенький отрывок, в котором Индиговый Духовидец (автор) задаётся вопросом, почему Назбраэль, Фисцитрон Венценосный (дракон–бог из Эры Предтеч) и Юкцфернанодон ни разу не смогли превозмочь Ураха? Туманными увертками и двусмысленными оговорками Индиговый Духовидец намекает в Первоначалах на то, что Бог Света умеет преобразовывать Силу–Тьму–Негативизм, в Силу–Свет–Сияние и так утучнять Своя «Я–Превосходство»!

Я готов дать палец на отсечение, если не прав, но думаю, что это только так – Урах, по вселенски умный, смог проникнуть мыслью куда глубже, чем Боги–Идолы! Узрев, что в будущем я разбил Вневременную Тройку Хрипыхора, Он из Прошлого собрал витающую по Гривирдану мощь зла, а затем перековал ее в Свет и перенаправил обратно в будущее, в нынешний день, на альвов!

Но это еще не все! Есть же еще заключительная ремарка – «Твоя награда близка». Здесь она относится непосредственно ко мне. Грихцирн просмеялся мне в лицо: «Он говорит тебе, что все будет хорошо! Но когда–нибудь потом!» Ядовитогубый причмокиватель не осознает, что это «когда–нибудь» намного ближе, чем кажется по первой! Так как Вневременная Тройка разрушена (я надеюсь на это!), то Боги–Идолы даже не узнают о том, что в Гривирдане вот–вот

начнется то самое сражение! Астральные связи нарушены! «Почта не дойдет до адресата!» Из этого вытекает то, что, если я встану на сторону альвов, Стихии не отдадут Приказ–Инструкцию убить Прабеллу и Эшли! По–прежнему живые, мои друзья так и будут спать в Червонном Капище. Однако вместо незавидной участи к ним приду я! И спасу их! О, Вселенная, только бы я не просчитался! Только бы не переоценил свою «соображалку»!

Про магию Элементов – за ее эксплуатацию мне никто и ничего «не предъявит». В Гривирдане Богов–Идолов нынче не будет, а опосля, уж, когда до Них дойдет, что я вместе с альвами «обошел» ядовитогубых причмокивателей, Они вряд ли станут мне мстить. Дело тут вовсе не в том, «могут» Боги–Идолы мне навредить или нет. Еще как «могут». Но разве слон станет претыкаться и обрушивать всю свою ненависть на земельного червя? Аналогия! Если подвернусь под пятку – раздавят, если нет – да и пёс с ним.

Теперь Бингс Флаерс. С ним все тоже очевидно. Урах – Бог Добра и Он не станет специально надевать хомут на чью–то шею. Если Богам–Идолам все равно, что будет с Бингсом Флаерсом – хоть сожгут, хоть утопят – без разницы, и Они отдадут мне его за пустяк, то в союзе с Урахом – такого не случится. Безусловно, что мне страсть как нужен Бингс Флаерс, но я, верящий в Бога Света и во Вселенную, чую, что он и так не уйдет от меня. Рано или поздно.

Моя награда близка! И она достанется мне по чести, а не по вероломству!

Итак. Проговорив и обобщив в себе все выше изложенное (в моих мыслях это пронеслось за какие–то секунды), я, поднявшись на ноги, сказал:

– Кто такой Юкцфернанодон? Вседержитель Девяносто Девяти Спиц родившийся из Большого Взрыва тогда, когда еще не было звезд. Многое в Мире появилось благодаря Ему и вы, буревестники, (я обратился к Грехцирну) Его отпрыски. Когда народы Хаоса, Порядка, Света и Тьмы очнулись от глубокого сна, из Ничто возникла Смерть – Баланс Всего, Сильнейшая, Замкнувшая Собой Сотню в Круг. Смерть провозгласила – юдоль – тленна, границы жизни – положены, плоть есть распад и обновление. Тогда Юкцфернанодон сразился со Смертью. Он желал, чтобы народы Вседержителей не умирали, но продолжали «Быть» на радость Их Создателей. И Он проиграл. Смерть разорвала Юкцфернанодона на Щепы, на Стихии, которые потом стали называть Себя Богами–Идолами. Стихии упали на Землю и обрели на ней Свой разум и Свое Я...

– К чему ты так изливаешься, – гневно суживая глаза, осведомилась Фридлейф. – Уж не намерен ли ты...

– Замолкни, альв! – оборвал воительницу луны Грехцирн. – Не смей прерывать Фиалкового рыцаря!

Фридлейф порывисто вынула стрелу из колчана и вложила на тетиву. Она собиралась пронзить живореза (а может и меня вместе с ним), но потом вспомнила, что он не материален, и оттого бессильно топнула ногой. Песок, отлетевший от подошвы, попал на лицо крепко заснувшего Брюма.

– Прояви благоразумие, дитя, – воззвал Лузановиэль Аторэ к своей праправнучке. – Еще не все слова сказаны.

Покосившись на Фридлейф, я возобновил свою речь:

– Кто такой Юкцфернанодон? Это Боги–Идолы, Его аспекты, которые отринули запутанную и сложную дорогу Непредвзятости, чтобы пойти по прямому и топорному пути – Пути Силы, ожесточения и безраздельного доминирования. Этого ли бы хотел Юкцфернанодон? Уверен, что нет. Вседержитель Хаоса – Он иной, не Такой, Каким мнят его буревестники и даже Сами Боги–Идолы. Юкцфернанодон – безгрешный Пламень и в Нем, в «целом» нет ничего от подлости, изуверства и зла.

Я вынул из ножен Альдбриг.

– Поэтому сегодня, сейчас, я – Фиалковый рыцарь возвращаю Юкцфернанодону Его честь!

Я воткнул клинок перед мордой Грихцирна.

– И я буду сражаться за Него на стороне Ураха! Потому что Юкцфернанодон и Урах – братья, а Боги–Идолы лишь Само–познавшие Себя Осколки Большого и Красивого Смысла, Осколки, упавшие в грязь и не пожелавшие ее с Себя смывать! Да услышит меня Юкцфернанодон! Мой Выбор – Хаос, Мой Выбор – Свет, Мой Выбор – Вселенская Гармония!

– Да! Именно! Таков Калерб, Фиалковый рыцарь Тумиль’Инламэ! – воскликнула Фридлейф Аторэ.

– Калебулька, ну ты что за персик–то такой? Ну как так то! Зачем ты посадил нас на «скамеечку отстающих»?

– Ты мнишь, что умеешь судить, Кто есть Кто. Но что позволяет тебе это делать? Какие откровения? Какие вдохновения? А! Ты, наверное, сам Стихия? Или нет? – пророкотал Грихцирн. – У буревестников есть такая поговорка – «не спорь с мертвецом». Ты и ахнуть не успеешь, как я оторву твою голову от шеи, насажу ее на шест и повелю продолжить говорить. Приготовься, ущербное двуногое создание, сейчас ты обрекло себя на вечную муку. Говорящая Голова – так станут называть тебя в Гривирдане.

– Так ли это? – спокойно спросил у Грихцирна король Тумиль’Инламэ, подходя ко мне. По каверне прокатился глухой грохот.

– Входы и выходы Гривирдана закрылись – бежать некуда. Осталось совсем недолго, альв, и мы все узнаем, – прострекотал ядовитогубый причмокиватель, уползая на гряде.

Живорез набирал цвета и насыщенности, его плоть, ранее призрачная, становилась все более четкой и как будто бы раздавалась вширь.

– Пошли, у нас мало времени, – распорядился Лузановиэль Аторэ.

Он, как и Грихцирн, овеществлялся.

Пуф–ф–ф.

Фридлейф тюфяком упала в суглинок. Без всякого сомнения, она уснула.

– Вот же, заразка! Бодросик пить «я не хочу», а друзья меня «нести хочу», – простонала Софи, подхватывая воительницу луны под ребра и вручая мне в руки (под новоприобретенным весом я едва не повалился). – Шаттибралька, на тебе тефтелька Фридлейф, а я так уж ладно, Брюмчика–Козлюнчика потащу.

– Не бросать же их тут, ага, – прокряхтел я, взваливая воительницу луны на плечо.

Фридлейф во всей своей броне показалась мне совсем не перышком!

Лузановиэль Аторэ шел очень быстро, и не оглядываясь, а я и суккуб плелись за ним следом. Мы взбирались по узкой тропинке, сплошь усеянной мелкими камешками и песком. Вокруг нас было много простора, что само по себе необычно, так как почти весь виденный мною Гривирдан, за исключением того места, где на мостах боролись Химильва, Гуфадоль и Рюми Пак из княжества Балитии, состоял из туннелей и их перекрестий.

С засунутым за ремень посохом, я, ворча, жутко потая и сетуя себе под нос, неуклонно волочил Фридлейф наверх. А вот Сол’Фимитриэль, внешне хрупкая и нежная, Брюма несла даже не сбивая дыхания. Могла бы, раз так ей легко, и эльфийку прихватить! Ну ладно, ладно! Я просто не люблю таскать тяжести! Мебель! Тюки! Эльфов!

Король альвов завернул за угол. Когда я сделал то же самое, то аж присвистнул. Аккуратно положив Фридлейф наземь и оттерев вспотевший лоб рукавом мантии, я стал оглядываться. Мы находились на пяточке–возвышении, а внизу было как бы плато и на этом плато стояли войска и реяли знамена, одно – единорог на фоне Тумиль’Инламэ, а второе – корона из золотых листьев, ягод и алмазов. Благородные лицом и статью, на нас смотрели сотни, а то и тысячи альвов! Все они, укрытые бесподобной зеленовато–серой броней, не казались фантомами, но выглядели самыми настоящими, живыми эльфами! Из плоти и крови!

Я перевел удивленный взгляд на Лузановиэля Аторэ. Покатав желваки, он сказал:

– Каждый раз, выходя на битву с ядовитогубыми причмокивателями, рать Тумиль'Ин-ламэ обретает свое прежнее обличие. Сегодня это произойдет в последний раз.

Отвернувшись от меня, король позвал:

– Сингариэль! Вилисилиэна!

Отделившись от войска, к нам поднялись два альва. Мужчина в доспехах по цвету не отличимых от основной массы эльфов, и в капюшоне, а женщина в синеватой броне с удивительным резным шлемом, украшенным сапфирами.

Сингариэль... Сингариэль... Это же владыка Зеленого Королевства! Родной брат Лузановиэль Аторэ! А Вилисилиэна – она магистр воителей луны! Да! Я читал о ней тоже! Именно она создала этот Орден в Лусфире! Вилисилиэна – воин из легенд!

– Фиалковый рыцарь, – промолвила Вилисилиэна, придиричиво смерив меня взглядом яшмовых глаз.

– Он, – тоже осмотрев меня, подтвердил Сингариэль. – И это значит, что наступил тот самый День, которого мы так долго ждали.

– Идите сюда, – распорядился Лузановиэль Аторэ.

Все вместе мы расположились у природного портика, за которым, в отблесках магического света, исходящего из неугасающих торфяных свечей пучками воткнутых тут и там, вырисовывалось поле, покатоое и неровное, изрытое яминами и траншеями. Где-то в середине этой шири топорщилась гигантская статуя Захваша. Вылепленная толи из серного мякиша, толи из вездесущего желтозема, она была укутана в полотно–вымпел с изображением тюремной клетки, из которой тянулись желтые языки пламени. Очи–рубины Бога–Идола испускали свое собственное, наводящее ужас, алое сияние, а под Его ногами–колоссами воздевался зловещий, обметанный рунами и обмазанный сажей алтарь. Из нутра алтаря валил едкий дым, а вокруг него... столько ядовитогубых причмокивателей сложно представить, даже имея такую гибкую фантазию, как у меня. И из всех них, из этого сонма червивых вод, выделялся один единственный экземпляр – здоровущий и кряжистый, мощный и хищный, возвышающийся над соплеменниками словно гора – преображенный в циклопическую махину Грихцирн. Он рычал, распахивал придатками, жутко напоминающими кривобокое подобие рук, копошащихся подле него живорезов, и шелкал пастью, из которой капала полынная, болезнетворная сукровица.

– Смотрите! Сейчас! Смотрите на Грихцирна! – выкрикнул Лузановиэль Аторэ.

Схватив челюстями какого-то ядовитогубого причмокивателя, выродок–исполин перекусил его и от того, придя в иступленный раж, с воем прильнул к алтарю. Его леденящая душу треба искала отклик за Гранью Мироздания, в той Области, где обитали дегенеративные тесы Былого, варварски растасканного Смертью, Единосущного Величия Юкцфернанодона – Сумрачный Лед, Черный Огонь, Морской Вихрь, Ураган Слез, Шторм о Шестистах Ятаганов, Зыбучий Гром, Землетрясение, Эхо Гор, Утопающий в Себе Крик, Лавовый Цветок (и другие, Их много) и Их дети – младшие Стихии, которые известны нам, как Боги–Идолы. Тварь, орошая постамент кровью зажатого в клешнях живореза, рьяно придавалась сакральному и очень злотворному лиходейскому ритуалу. Но сколько бы раздувшийся Грихцирн не вопил, сколько бы ни извивался в подбострастном экстазе, сколько бы ни прислушивался ухом к раззявленному рту Захваша и сколько бы ни всматривался в Его чадающие хмарью глазища, «Ответа» на свои ужимки так и не получал.

Боги–Идолы, как и Их бездумные Стихии–Прародители, были глухи к воззваниям княжича Гривирдана. Они «не прозревали» и «не руководили» буревестниками, но Их Ихор, всколыхнутый анимистическим наговором, не остался неприкаянным. Когда Грихцирн в озверелом истощении всем «грузом» осел на своих подданных, вдруг из эфемерной кадильницы, являющейся центром алтаря, полился темно–оранжевый ручей. Он потек к деформированным лапам Грихцирна и тот, поначалу обрадовавшийся этому, спустя миг издал трель неподдельного страха. Все из–за того, что жижа, вытекшая из алтаря, внезапно обесцветилась, а затем

ярко засеребрилась. Потом она вскипела и частицами чистой энергии вознеслась к потолку. Гривирдан, издревле прозябающий во мраке и робком мерцании колдовских свечей, одновременно преобразился!

Мой ум меня не подвел! Мана Богов–Идолов так–таки подвергалась трансформации Ураха! Неровный, истрескавшийся свод, принявший в себя Скверну Хрипыхора перекованную в Благодать Всеотца, ныне блистал незамутненной синевой безоблачного неба! Там, милями выше Проклятого Города, над Великим Лесом, всюду лучилось солнце – как в зеркале, его отражение, было и тут – на потолке! Ядовитогубые причмокиватели, проводящие всю свою юдоль в червоточных, побитых пиктографией и плесенью тошнотных пещерах, люто ненавидели солнце и теперь, подпав под его десницу, прониклись таким невероятным космическим ужасом, что принялись выцарапывать себе кособокие глазенки, только бы погрузиться обратно во тьму. Иные же чинили вред не только самим себе, но и кидались на товарищей, в психозе раздирая им на шеях артерии и вены. Что же до Гривирдана, то он, до крайности удивленный и разъяренный одновременно, рассудка не потерял и старался подавить всеобщее смятение.

– Я мечтал о солнце все эти тысячи лет! – шурясь, возликовал Сингаризель. – Глядите, как мечутся живорезы! Как они боятся его!

– Фиалковый рыцарь привел с собой Ураха! – выкрикнула Вилисилиэна, плача от радости. – Всеотец с нами! Он с нами! Мы победим!

– Мы боролись против Гривирдана бесчисленное число раз! Мы погибали и возрождались вновь, только для того, чтобы Захваш и другие Боги–Идолы могли потешаться над нами! Безбрежно было море наших страданий! наших изнуренных душ! Однако и моря, глубокие и черные, порой тоже пересыхают! И наполняются вновь! Утешением! Отрадой! Мы верили, что все изменится! Верили, и сейчас дождались! Урах предрек нам, что сюда явиться Фиалковый рыцарь! И вот он – подле меня! Его Выбор сделан! Его Выбор – мы! Его Выбор – Урах! Ночь покинула Гривирдан, и Свет здесь теперь правитель!... – прокричал Лузановиэль Аторэ собравшимся на плато эльфам.

Я смотрел вниз и... лица, такие разные и такие прекрасные... Принимая весть, войско альвов улыбалось! С чем бы сравнить их эмоции?... Так оттепель приходит после долгой и тяжелой зимы. Так за смертельной болезнью следует чудесное выздоровление! Так может улыбаться лишь тот, кто превозмог Вселенскую Горечь, тот, кто вопреки всему был не сломен, тот, кто уповал на то, что у Отчаяния есть Конец и теперь видел Его.

– ... Воины Тумиль'Инламэ, оглянитесь! (все как один альвы повернулись к полчищам ядовитогубых причмокивателей) Вон они – живорезы Гривирдана! Брошенные Захвашем и другими Богами–Идолами на папёрть Судьбы! Они напуганы! И они слабы, как никогда до этого! Они знают, что мы помним все то, что нам довелось тут пережить! Все муки, что мы тут снесли! Все тяготы, что мы тут извели! Они знают, все это и трусливо дрожат, понимая, что теперь им пощады не будет!...

Я чувствовал, что Лузановиэль Аторэ – первый король альвов, некогда воочию лицезревший Ураха, превосходит меня, да что там меня, всех нас, не только благородством и статью, но и каким–то феноменальным свойством натуры... Это невозможно передать словами. Есть прирожденные лидеры, к примеру, как Серэнити или Алан Вельстрассен, одним своим присутствием заставляющие довериться им и идти за ними. А есть Пламень, который пылает подобно неугасимому маяку в ночи. И ты уже не ты, а мотылек, позабывший про все и летящий на Его манящий Свет. И пусть ты сгоришь, но это произойдет подле Него – и только это имеет для тебя значение. Таков был Лузановиэль Аторэ. Альвы, я и даже Софи, возбужденно качающаяся с пяток на мыски, были готовы, без всяких там уговоров, отдать за него свои жизни.

– ... В старь я привел вас в Гривирдан, чтобы сразить орды Захваша! Так было! И сейчас! Мы! Завершим то, что мы начали!

Венценосный эльф, поставив одну ногу на уступ, воздел вверх свой легендарный серп Рассекающий (меч такой же настоящий, как и тот, с которым он был похоронен в Чертогах Клятвы, подле Пандуса Лилии с Элизиями Ураха). Его очи полыхали, как две звезды.

– За Тумиль’Инламэ! За Всеотца! За всех тех, кто умер от лап Хрипыхора! Пришло время нашего гнева и нашего возмездия! Да сгинет Тьма! За мной!

Лузановиэль Аторэ легко прыгнул на плато, а потом, увлекая за собой войско альвов, понесся на плеяду ядовитогубых причмокивателей. Я, не соображая абсолютно ничего, кроме того, что меня «зовут» – таковой силой внушения обладали слова короля, тоже побежал вперед, но споткнулся и упал. Меня сразу подняли, после чего голос Сингариэля (у меня над ухом, потому что это он мне помог встать) отдал приказ:

– Выстрел!

Рой стрел, выпущенный из луков, стальным дождем накрыл ядовитогубых причмокивателей. Еще чуть–чуть и альвы добегут до первых отпрысков Захваша...

– Выстрел! – повторил команду Сингариэль для оставшихся рядом с ним лучников.

Еще один серебристый поток снизошел на живорезов Гривирдана... Потом Лузановиэль Аторэ, уже спустившийся с отрога, обрушился на ядовитогубых причмокивателей по центру, Вилисилиэна со своими воителями луны накинута на них левее, в траншейных каналах, а Сингариэль, увлекая за собой меня и арьергард, торопился обойти живорезов справа, чтобы занять выгодную позицию у взгорка.

Что творилось вокруг? Да жуть полнейшая! Когда находишься наверху – все у тебя как на ладони – этот заходит оттуда, этот отсюда, тот его отсекает тут, а этот его прижимает там, ага. А когда ты оказываешься втиснут в самую мясорубку, то масштаб сражения сводится к панорамному минимуму, только к тому, что происходит непосредственно перед тобой. Есть только ты и те, кто «за» тебя и те, кто «против». Впрочем, был здесь и тот, кого видно стало ничуть не хуже с любого ракурса и точки – Грихцирн. Слоноподобный княжич Гривирдана сумел взять ситуацию под контроль и, невзирая на голубое «пожарище» потолка, организовать достойный отпор альвам и их ярости.

Изжарив посохом пять ядовитогубых причмокивателей, я, кувыркнувшись в сторону, избежал челюстного захвата и, вновь увернувшись, вонзил меч в одну из гнойных кочерыжек. Нет, нет, пространства для таких маневров тут почти не было – альвы и ядовитогубые причмокиватели сходились друг с другом единым фронтом. Я смог провести такой кульбит только потому, что мы с Сингариэлем еще не добрались до места основной сечи.

Новый залп стрел... Слышен властный голос Лузановиэля Аторэ... Стоны... Кровь... Тот кто никогда не участвовал в баталиях стенка на стенку, может смутно догадываться о том, каковы они, эти баталии, в сущности. Это на картах военачальники двигают фишки и обдумывают хитрые ходы. Все у них словно понарошку, как в какой–то игре. Ха! Если бы только это было так! В реале, побоище даже одной сотни вояк – это просто оглушительный скрежет металла, адреналин, суженный фокус зрения и... ну смерть. Нет, правильнее смерти, много смертей! Серэнити, подобно бальзамину, всегда расцветающей в лоне войны, такое зрелище пришлось бы по нраву, ну а я – к такому не привыкну никогда!

Когда мы приблизились к переднему краю (а он к нам) Живой Черноты, то началось главное «веселье». В монолитном серо–зеленом воинстве, я утесненный между плечами Сингариэля и какого–то русоволосого альва прорвал ряды ядовитогубых причмокивателей. Тыча Альдбригом как заведенный, я, выступая на передовых, понимал, что, скорее всего, погибну. Бзац! Бзац! – говорил мой верный клинок, отбивая наскоки жвал или разя бесчисленных гадов. Сам я при этом тоже выкрикивал что–то типа того: «вот тебе, вот!», «не ждал, муравьед!», «пабам–пам–бам!» или «удар в печень – никто не вечен!».

Затем меня укусили в лодыжку. Яд непременно сглодает меня, но пока я, отомстив мерзавцу Ликом Эбенового Ужаса, расколов его черепушку, как стеклянный графин, еще не ощу-

щаю на себе его влияния. Сингариэль прикрыл меня щитом, но сам раскрылся и тоже заработал рану. Хотя альвов и было значительно меньше, чем их врагов, им все же удалось откинуть ядовитогубых причмокивателей к статуе Захваша...

Меня повалил живорез! Смердное дыхание опалило мою шею... Кончик катаны, что показался из носоглотики твари, поцарапал мне лоб! Мой спаситель, тот русоволосый альв, заслоняя меня собой, следом прикончил еще двух ядовитогубых причмокивателей. Я поднялся и уже вместе с ним ринулся дальше!

Да! Мы продвигались, зажимая живорезов в кольцо! Весь в поту, я ненароком глянул на Грихцирна. Там, где проходила его туша – альвы несли страшные потери! Княжич Гривирдана разбрасывал ряды Зеленого Королевства, как карточные домики! Кого-то он втоптывал лапами в песок, кого-то перегрызал, а кого-то швырял на дружественный меч или секиру. Он рокотал и плевался горючей слюной (что твоя кислота), проедающей доспехи и латы... Он неумолимо полз к Лузановиэлю Аторэ...

– Ко мне! Ко мне! Пожалуйста! Ко мне!

Тотчас покинув тандем с Сингариэлем, я соскочил в траншею. Воительница луны, истекая кровью, преграждала путь десяти или пятнадцати ядовитогубым причмокивателям. Перед ней лежало три ее мертвых сестры и куча живорезов, а за ней еще живая, но близкая к смерти, Вилисилиэна.

– Эй, пугалы! Выбирайте! Вилкой в глаз или посохом по заду раз?! – заорал я, отвлекая внимания на себя.

Подействовало. Все ядовитогубые причмокиватели помчались на меня. Разумеется, им было невдомек, что я там сказал – они же моего языка не знают (или знают?). Их отвлек мой голос.

Каким-то чудом, сконцентрировав новое заклинание, я послал его в бегущих на меня живорезов. Всполох «Молнии» поцеловал восемь горбов, обуглив их до основания. Пользуясь возникшей паникой в стане противника, я погрузил Альдбриг в еще одного живореза. Эльфийка кокнула из лука троих, а потом к нам на помощь подошел отряд воителей луны. Снова крики... в траншею упало сразу четыре погибших альва. Переступив через них, я склонился над Вилисилиэной. Разодранное бедро и характерная буро-коричневая пена, пузырящаяся из свежего прокуса. Я опустился рядом с ней на колени. У меня с собой был флакончик Ирен Пипии – выдающегося алхимика Соединенного Королевства, который болтался в моей сумке аж с того момента, как я покинул Ильварет (еще у меня с собой есть обезболивающее). Я собирался приберечь противоядие для себя, но... Осторожно приподняв подбородок, я влил микстуру в горло Вилисилиэны. Ну! Повезет, не повезет! Воители луны, позабыв про все, смотрели на своего магистра. Да! Вилисилиэна, зайдясь натужным кашлем, очнулась от смертной хандры! Подмигнув прекрасной деве, я, не оборачиваясь, поспешил вернуться к драке, которая, кстати, достигла своего апогея!

Пока исчадья Хрипыхора и альвы Тумиль'Инламэ ломали друг другу хребты и головы, их владельцы Лузановиэль Аторэ и Грихцирн, наконец, скрестили свое оружие. Я про такие эпические сражения только в книжках читал. Лузановиэль Аторэ, овеянный солнечным блеском, разбежавшись, запрыгнул на круп Грихцирна. Рассекающий, серп запредельной остроты, воткнулся под пластину княжича Гривирдана. В агонии, Грихцирн сбросил с себя короля Тумиль'Инламэ. Он стал бить его лапами, причиняя Лузановиэлю Аторэ увечье за увечьем. Я же, между тем, отдуваясь неся к королю на вырубку...

Напавший на меня живорез вцепился пастью в Альдбриг. Потом, заимев в боку случайную стрелу, он рванулся наутек, унося с собой мой меч! Вот, зараза окаянная! Отдай клинок! Слышишь?! Ладно! При мне еще есть Лик Эбенового Ужаса!...

Как-то исхитрившись, Лузановиэль Аторэ сумел вынырнуть из-под гнета Грихцирна. Он обманно взмахнул полой плаща, создав пыльную завесу. Вот он был тут, а вот он уже за

княжичем Гривирдана! Рассекающий бил по мерзкому тулову, вновь и вновь, заставляя Грехцирна вопить от жуткой боли! Увы, удача – не всегда балует нас. Княжич Гривирдана резко прогнулся и, сцапав Лузановиэля Аторэ в лапищи–тиски, принялся давить ему на ребра. Мертвенно побледнел король и выпал из его рук Рассекающий... Но я поймал его!

– Ты! – пророкотал Грехцирн, смотря на меня сверху вниз.

– Попой нюхаешь цветы! – отозвался я, рубанув Рассекающим от плеча.

Я вложил в удар всю свою силу. Альфонсо был могучим, Дурнбад еще более крепким, а я, по сравнению с ними, щуплый, но среднестатистический человек будет все же послабее меня. Это не хвастовство, это правда. Рассекающий – это уникальное оружие и случись так, что сейчас передо мной оказалась бы кирпичная кладка, то он бы разнес ее в пух и прах. Мой выпад мог погубить Грехцирна, но он сподобился сманеврировать. Грубо прижимая к себе Лузановиэля Аторэ, княжич Гривирдана плюнул в меня едкой слизью. Интуитивно я присел и комок желчи, пролетев по дуге, угодил не в мой нос, а в ядовитогубого причмокивателя, замыслившего ткнуть меня исподтишка. Я сгруппировался и, откатившись от распадающегося на части живореза, приложился Ликом Эбенового Ужаса к морде Грехцирна. Я не зачинал какое–то волшебство, куда там, однако турмалин посоха, некогда закаленный темным спиритизмом Милтара Брицца, раздался огненным взрывом. С пасти Грехцирна закапала опаленная кожа. Больше ошарашенный, нежели покалеченный Стихийным колдовством, княжич Гривирдана, выронил короля из страхолудных клешней. Лузановиэль Аторэ тотчас скрылся за каменный гребень. Отойдя от шока буквально через секунду, Грехцирн боднул меня передними лапами. Хруст! Принимаю ото всех дружеское сочувствие! Это треснули мои ребра! С загрудинным жжением, нисходящим к крестцу и ниже, я, почти парализованный, брякнулся навзничь. И тут мне и пришел бы конец, если бы не вновь объявившийся Лузановиэль Аторэ. Он, вытянув из–за спины два волнистых кинжала, заблокировал крестовой и явно смертельный щелчок длинных ножиц–когтей. Пресекая нападки Грехцирна, Лузановиэль Аторэ, покупал мне мгновения жизни своей стойкостью. Кое–как оклемавшись, я кивнул королю и, преодолевая головокружение и резь во всем теле, заставил себя опять подняться. Лузановиэль Аторэ сместился вперед, смело подставляя себя под самые опасные удары Грехцирна. Король специально отвлек внимание на себя, чтобы я, все еще держащий Рассекающий, смог... что смог? Рискнуть своей жизнью. Сделав три размашистых шага, так как это делает атлет перед разгоном, я совершил отчаянный кульбит в воздухе. Я пролетел между конечностями Грехцирна и шлепнулся точно под его одутловатым брюхом. Серп Тумиль'Инламэ прорезал пузо княжича Гривирдана так же легко, как я бы разорвал тонкий листок бумаги. Из громадной прорехи посыпались вонючие потроха. Грехцирна сотрясли мелкие конвульсии. Он заклокотал, отпятился, и из последних сил вдарил по моему темечку пудовым подобием кулака. Это... я... что... помрачение... А–а–а... Сверху на меня завалился поверженный Грехцирн... Дышать стало невозможно! Я задыхался! Задыхаюсь! О, не–е–е–ет...

Сознание милостиво покинуло меня...

Я разлепил глаза. Всюду был свет... Первое, что я подумал – «вчера мы с Эмилией перебрали в Полной Вагонетке Зарамзарата и теперь Серэнити, гневаясь на это, сплит меня своей лампадой». Второе, что мне сразу пришло на ум – «нет, наверное, это не то, иначе я бы страдал от похмелья, а череп у меня не болит». А может мне приснился плохой сон?... Вдруг сияние сбавило свой контраст и я различил то, что вокруг меня стоят какие–то фигуры.

– Погоди еще пару секунд. Зрение к тебе вернется...

Знакомый голос. Но кому он принадлежит?

Я помотал головой туда–сюда. Картинка перед глазами обрела четкость... Как оказалось, возле меня находились все главные участники Сотни Ножей – Лузановиэль Аторэ, Вилисилиэна, Сингариэль и... уменьшенный до естественного размера Грехцирн! Еще дальше от меня

застыли все альвы, и все ядовитогубые причмокиватели. Никто не дрался. Все глядели точно на нас.

– Благодаря тебе, Фиалковый рыцарь, твоему Выбору и твоей помощи, альвы Тумиль’Ин-ламэ смогли раз и навсегда одолеть орды Гривирдана и подвести итог этой судьбоносной истории.

Сингариэль, нагнувшись, взял меня подмышки, после чего «установил» в вертикальном положении. Он протянул утащенный у меня Альдбриг. Я засунул его в ножны, собираясь поблагодарить альва, но меня отвлек король Зеленого Королевства. Он, указав пальцем на развалившийся монумент Захваша и треснувший алтарь под ним, продолжил говорить:

– Когда ты убил Грихцирна, они раскололись на части. Последние капли их Тьмы, по желанию Ураха, превратились в Особый Свет. Он окутал тебя и ты исцелился.

Лузановиэль Аторэ обнял меня, затем отстранился и посмотрел мне в глаза.

– Спасибо тебе, Фиалковый рыцарь, если и есть Добро в этом мире, то ты Его сын.

– Ты разбил оковы наших душ! – лучась улыбкой, промолвил Сингариэль. – Всегда и везде! Для всех поколений альвов, прошлых и грядущих, ты зарница Зеленого Королевства! Его восход! Его триумф!

– Ты одолел меня, не таясь и не прячась. Я расскажу об этом Владыкам Хаоса. Твое достоинство будет учтено Ими, – пообещал Грихцирн. – Мои буревестники, как и альвы, теперь свободны. Я – княжич Гривирдана, благодарю тебя за это. Там, где Предвечный Огонь истирает изнанку Вселенной, там я буду ждать тебя. Ждать, когда ты умрешь. Чтобы опять сразиться с тобой, только уже перед тронном Самого Юкцфернанодона.

Когда смолк Грихцирн, заговорила Вилисилиэна:

– Ты не знал, что Урах предназначал спасти тебя Своим Светом, но ты все равно пожертвовал собой и дал мне выпить противоядие! Память о тебе, о твоём поступке никогда не оставит меня! Внемли мне, Фиалковый рыцарь Калёб Шаттибраль! Когда тебе станет невыносимо тяжело, когда Ночь прижмет тебя к стенке, когда не будет надежды на спасение – воззови ко мне внутри себя! Где бы ты ни был, и где бы ни оказалась я, мой дух, отыщет тебя!

Вилисилиэна приблизилась ко мне. Ее пальцы легли мне на волосы, а губы дотронулись до лба.

– Клянусь! Я приду! И ничто не станет мне преградой!

Я открыл рот, чтобы что-то сказать в ответ, но Вилисилиэна вдруг замерцала. Она превратилась в призрака, а потом, улыбаясь, вместе с Лузановиэлем Аторэ, Сингариэлем, Грихцирном и всеми остальными причастниками Сотни Ножей (Ран) понеслась вверх. Добравшись до «голубого» свода, они распались на золотистые песчинки и... исчезли. Измаявшиеся тени, ни живые и ни мертвые, альвы и ядовитогубые причмокиватели, наконец, нашли свой покой.

В глубочайшей задумчивости (столько всего надо в себе переварить!) я взобрался на плато, где до этого, убежав вслед за Лузановиэлем Аторэ, оставил своих друзей. Фридлейф и Малыш Брюм по прежнему спали, а Сол’Фимитриэль, не поддавшаяся кличу короля и наблюдавшая за всеми событиями из-за базальтового бортика, поспешила заключить меня в свои объятия.

– Ты тако–о–ой мужественный у меня, Калебулька! Так ему Грихцирну и отвесил подзатыльников! Тумачков отсчитал щедро! Не скупясь! Ммм! Я аж сама себе стала завидовать, какой медвяной пряничек мне достался! Бравый! Доблестный! Самоотверженный!

Внезапно Сол’Фимитриэль стиснула меня сильнее. Да так, что мне аж подурнело!

– А что это тебя там за прелестница целовала?! Ты ей это разрешал?! А?! Я – уж точно нет! Смотри мне, котлеточка, ты только мой, мой и точка! Уясни это хорошенько, потому что!

...

– Соф!...

– Если еще хоть раз я такое увижу, то тебе!...

– Софи–и–и–и!...

Суккуб ослабила хватку, и я набрал в грудь живительного воздуха.

– Уууу! Ах, ты про это! Ну что ты! Нет! Ты не прав! Не прав, колбаска! Ты думаешь, что я тебя бросила! А вот и нет! Знаешь, сколько я тут живорезов перекидала, рвущихся слопать Брюмчика и занудину Фридлейф?

– Сколько? – кое–как прокряхтел я, погруженный в водопад серебристо–синих волос.

– Целую гору! – звонко ответила мне в ухо Сол’Фимитриэль.

– Софи, ты меня сейчас задушишь!

– Ой, прости, дорогой! – проворковала суккуб, выпуская меня из волосистого плена. – К тому же! Я не только охраняла наших сонь–засонь, но еще и ограждала тебя, как только могла! Видел, как молнии красные над тобой летали?

– Что–то такое, было, кажется, да, – нахмурившись, промычал я.

– Это я поражала ими твоих самых опасных врагов! Ведь никто к тебе так и не подо-
брался? Верно? Так что скажи спасибо Софиюшке, которая прикрывала твой тыл!

– Вообще–то меня укусили!

– А могли бы искушать в сто раз больше! Так что говори–ка то, что я тебе сказала, пуговка!

– Спасибо! Что у нас дальше по плану?

– Бингс Флаерс! – потеряв ладошки, отозвалась суккуб. – Вон там, во–о–он (Софи под-
вела меня к портику), дверь, о которой говорил наш безумный маг! Он прямо за ней! Поздрав-
ляю нас, котик! Мы обошли всех участников состязания, и вот–вот войдем в тот самый финал
– «Пока тикает минутка»!

– Тогда не будем медлить! Возьмем наш приз! – крикнул я.

– Почесали!

Сол’Фимитриэль потянулся, приладила к поясу кнут, а затем (словно бы буднично!) взва-
лила на свои хрупкие плечики тяжеленого рыцаря–плютеранца. Закинув руку посапывающей
Фридлейф себе за шею, я, как мог быстро, поковылял за бойко ступающей Софи. Идти при-
шлось достаточно долго. И все из–за меня. Вернее не только из–за меня. Кто бы там, что не
говорил, а носить на себе девиц, какие бы они хрупкие и утонченные на вид не казались, заня-
тие утомительное. Фридлейф, хоть и альв, ничего общего с облачком или там, с шелковым
платочком, не имеет!

Я часто останавливался, чтобы отдышаться и тогда суккуб тоже замирала. Она не пото-
рапливала меня, но подергивала хвостом, невольно выдавая так свое нетерпение. Примерно
через час с лишним, мы встали напротив древней, овитой подземными лианами, дверью. Пере-
глянувшись с Софи, я толкнул замшелые створы. Не заперто... Да! Тысячу раз да! Это то тре-
клятое место, где Бингс Флаерс держал перед нами речь о своей неуловимости и удивительной
изворотливости! А вон, кстати, и он сам! Маг, пребывал под сверхъестественной оранжевой
оболочкой (спектр цветов то и дело изменялся, от темного к светлому, поэтому ее колористи-
ческие обозначения будут разными, в зависимости от оттенка). Он улыбался от уха до уха и
смотрел на ладонь, в которой лежало зеркальце. Без всяких сомнений, Бингс Флаерс неотрывно
следил за каждым нашим шагом и получал от этого огромное удовольствие!

Тем временем Ограбэр, витающий под зеленым пузырем (под тем, что маг сотворил над
своим «оранжевым»), обзавелся испариной. Когда мы открыли дверь, сработало заклинание –
буфер с заключенным в нем импом стал накаляться! Почему Ограбэр сразу не облил Бингса
Флаерса из сосуда с Сальвелией, когда мы показались на входе? Все прозаично. Тот кокон,
в котором имп был принужден коротать свой досуг, был мутным, и к тому же, нет–нет, да и
вспыхивал пучками искр. Ограбэр нас попросту не заметил.

Я и Софи, аккуратно уложив на плиты наших друзей, побежали к Бингсу Флаерсу!

Маг убрал зеркальце за пазуху, а потом поднял глаза на меня.

– Признаться я удивлен! Даже ошеломлен, если угодно! Хромоногая, сивая лошадка обогнала лидеров забега! Ха–ха! Призрев свою малосильность, свою убогость и свою тщетность, вы смогли проскользнуть мимо всех ловушек Гривирдана! Ух! И это только ради меня!

– Так уж ты нам понравился! – отдуваясь, гаркнул я.

Обернувшись на мой голос Ограбэр, демонически (громко, грубо) рыкнул:

– Пора!

– Пока тикает минутка–а–а–а! – экзальтированно прокричал Бингс Флаерс.

Ограбэр хрюкнул, утер локтем потный лоб, снова хрюкнул, уже более протяжно, после чего, взболтав сосуд, вылил из него Сальвелию на волшебный пузырь под собой. Шипя и пенясь, капли фиолетового настоя проникли за «апельсиновую» кромку и как сквозь сито заморосили на Бингса Флаерса. Как только это случилось – маг упал как подкошенный, а зеленый круг, удерживающий импа в постылой ограниченности, развеялся. Ограбэр дернул пухлой ножкой, расправил крылья и полетел, куда подальше от всей этой гадкой истории. Впрочем, ретироваться у него не получилось. Причиной тому послужил экзотический сундук из черного дерева. Он откинул крышку и выпустил из себя голубоватый вихрь. Моментально настигнув Ограбэра, светящийся ветер окружил его (имп отчаянно заболтал ручками и натужно хрюкнул) и уволок в нутро сундука. Крышка захлопнулась.

– Пятьдесят семь секунд, козлюнец!

– Принял! Понял! Такс! Только не трогай буфер Бингса! Он может выкинуть какую–нибудь пакость! Я сейчас что–нибудь придумаю! – скороговоркой сказал я, соображая, как прощупать мистерии на заслоне мага. Шустро и главное, чтобы безопасно! Эээ?! Тут бы в пару ко мне Эмилию или Бертрана, одному–то как...

Тик–так... тик–так...

– Стой! Ничего не нужно!

Сол'Фимитриэль, просунув ручку под ворот блузы, извлекла крохотный мешочек. Повертев его так и этак, она положила его себе под ноги, и вслед за тем, шепнула какое–то слово. Вуаля! Мешочек вырос до размеров картофельной корзины! Софи развязала на нем узелок и, зачерпнув горсть блестящего порошка, бросила ее в защиту Бингса Флаерса. Там, куда порошок попал, показалась белесая линия. Яркая в первый миг, она тут же стала блекнуть...

Тик–так... тик–так...

– Что это?!

– Внимание на меня! – затараторила суккуб. – У Бингсика тут все шито–крыто! Колдовство он сварганил не кисейное, наскоком не проймешь! Но! Я к чему–то такому и была готова! Моя пыльца разест его чары «Щита», да, но не сразу! А нам надо же сразу, ага?! Чтобы ускорить процесс, я сейчас буду и дальше швырять пылцу в «центр», наращивать зазор, а ты греть «его» энергией, с полюсом противоположным «Щиту». Не «такой же»! Только «противоположной»! Иначе, бум, и Гривирдан, да чего уж там, Гривирдан, весь Великий Лес, взлетит к небесам Ураха!

Тик–так... тик–так...

– А как мне узнать, какая энергия противоположна ворожбе Бингса?!

От очевидности «какая», Софи даже прикусила губу.

– Я всю дорогу забываю, что ты не суккуб, и не можешь, как я, видеть элементы–кирпичики Вселенной. «Щит» Бингса Флаерса построен на основе Порядка! Прожги его Хаосом! Антагонистом!

– Дважды не повторяй!

– Сорок четыре секунды, горошек!

Софи, запустив обе ладошки в мешок, принялась усыпать пылью янтарный «Щит» Бингса Флаерса. А я... То, что просила меня сделать суккуб – работа не из легких! Обычно, пользуясь «Энтропией», я облакаю ее в единичную форму, в глобулу, которую запускаю в своих

врагов. Для победы – этого почти всегда достаточно. Здесь–же, для свершения магического акта, от меня требуется лить свой ментальный потенциал, как из дырявой бочки! Это расточительство! Не одобряю! Хрф! Ладно! Хватит себя жалеть!... Вопреки всему, я погрузил себя в спокойствие... Раз, два, три... Концентрация! Без нее я не могу являть фокусы на публику! Сардонический череп на Лике Эбенового Ужаса зарделся язычком пламени. Вытянув руку перед собой, я, сузив глаза, выпустил из посоха дугу «Огня». Промахнулся! Сместив сжигающий луч левее, я, наконец, включился в затею Софи...

Тик–так... тик–так...

Под воздействием жара, пыльца Сол'Фимитриэль обзавелась коркой, и каждая новая горсть, которую подкидывала суккуб, только уплотняла ее текстуру... «Щит», состоящий из тыквенно–морковых электрических разрядов, «меловой опухолью» проминался сам в себя...

– У нас семнадцать секундочек! Поднажми, тарталеткочка!

– Я жму! Жму!

Тик–так... тик–так...

От напряжения мои подмышки увлажнились, а носки в сапогах изрядно взопрели! Но я не собирался отступать!

– Три секунды!

Огонь по–прежнему лизал отверделую пыльцу Софи, пока... Глумгл! Это, издав такой странный звук, лопнул «Щит» Бингса Флаерса! Средство Сол'Фимитриэль себя полностью оправдало!...

Ох, как же все после этого сразу закрутилось!

Маг, заранее, еще в кругу всех участников «Пока тикает минутка», принявший антидот к Сальвелии, вскочил. Выкрикнув «Чао–какао! Я отчаливаю!», он попытался прибегнуть к какому–то кабалистическому трюку (взмахнул жезлом), чтобы слинять из Гривирдана (наверное, а там кто его знает!). Но ему помешала Софи. Она прыгнула на него (тоже с криком «Куда это ты намылился, сахарочек?!»), хлестнув кнутом. Резиновая змея, обвив бедро Бингса, безапелляционно притянула его к Сол'Фимитриэль. Мгновения... иногда в них, в малых и скоротечных, могут уместиться и разыгрываться целые феерии! Я, достав Гадюку, ту самую спицу Безымянного, нацелился ей на вертлявого мага... Софи, сграбастав Бингса Флаерса, разжигала ему кулак с Мелисой (пока безуспешно), а Бингс Флаерс, в свою очередь, изысканно ругаясь, колошматил Софи жезлом по затылку и спине... Острие Гадюки у бока мага!...

Меня отпихнули в сторону!

– С дороги, мамкин пряник!

По инерции пробежав пару футов, я развернулся.

Гоэтия! Ну а кто же еще? Тенью, скользя за нами, хитрый Глимус таился и ждал удачного момента, чтобы самому вступить в игру! Смею предположить, что битва Сотня Ножей, а точнее ее воспроизведение на новый лад, стало для гоэтии приятным сюрпризом. Издалека смотря на сражение альвов и ядовитогубых причмокивателей (не без моего участия), Глимус потирал свои мохнатые лапы, предвкушая, что мы друг дружку поубиваем, и он останется один. Особенно гоэтии хотелось, чтобы прикончили Софи – опасного соперника Мира Тьмы, ведь, случись так, то ему бы не пришлось вступать с ней в открытую драку за Бингса Флаерса и его (нет) Мелису. Меня Глимус вряд ли считал достойным противником, а зря... Ой, зря!

Лик Эбенового Ужаса все еще продолжал извергать из себя «Огонь». Скривив рот в полумешке, я послал его в Глимуса. Я намеревался запечь его, как рыбу в фольге, но он мне этого не позволил. Среагировав со скоростью недоступной для человека, гоэтия подбросил вверх металлический шарик. Загадочный артефакт Мира Тьмы втянул в себя мое «Пламя», не причинив Глимусу никакого вреда. Однако все колдовские предметы имеют запас прочности. Вспомнить хоть тот же Хромм – один из камней Горгона Преломляющего Оттенки. Под конец моей борьбы с Яцком, интерференции Отражателя перенасытили его и он взорвался. С метал-

лическим шариком гоэтии произошло нечто подобное. Он надулся и... бабах! Меня, связанного с «шариком» через посох, отбросило назад (мое седалище!), а у Глимуса из лапы, импульсом, выбило меч... И очень кстати, потому что клинок был всего в дюйме от шеи Софи!...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.